

Джон Уаймен

Красная кокарда

Стэнли Джон Уаймен

Красная кокарда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133178

Аннотация

«Когда мы дошли до террасы, которую мой отец построил незадолго до своей смерти и которая, извиваясь под окнами замка, отделяет дом от нового луга, маркиз де Сент-Алэ окинул местность презрительным взглядом.

- Что же вы сделали с садом? – спросил он, скривив губы.
- Мой отец перенес его в другую сторону, – отвечал я.
- Туда, где его не видно...
- Да его не видно из-за кустов роз.
- Английская мода, – сказал он, вежливо пожимая плечами. – Вам больше нравится, чтобы у вас перед глазами была эта трава?
- Да.
- А эти посадки? Ведь они совсем закрывают вид на деревню...»

Содержание

Часть первая	5
I. Маркиз де Сент-Алэ	5
II. Испытание	22
III. В собрании	39
IV. Друг народа	48
V. Депутация	59
VI. Встреча на дороге	70
VII. Тревога	82
VIII. Гаргуф	95
IX. Трехцветный бант	109
X. На другой день после бури	123
XI. Два лагеря	138
XII. Дуэль	154
Часть вторая	170
I. На фонарь!	170
II. Дело плохо	186
III. В Мило	202
IV. Трое в одном экипаже	219
V. Фроман из Нима	234
VI. Жалкое положение	250
VII. В Ниме	263
VIII. Розыски	277
IX. Соперники	294

X. Noblesse Oblige	311
XI. Кризис	327
XII. Перед лицом смерти	341
XIII. Свет и тень	356

Стенли Уаймэн

Красная кокарда

Часть первая

I. Маркиз де Сент-Алэ

Когда мы дошли до террасы, которую мой отец построил незадолго до своей смерти и которая, извиваясь под окнами замка, отделяет дом от нового луга, маркиз де Сент-Алэ окинул местность презрительным взглядом.

– Что же вы сделали с садом? – спросил он, скривив губы.

– Мой отец перенес его в другую сторону, – отвечал я.

– Туда, где его не видно...

– Да его не видно из-за кустов роз.

– Английская мода, – сказал он, вежливо пожимая плечами. – Вам больше нравится, чтобы у вас перед глазами была эта трава?

– Да.

– А эти посадки? Ведь они совсем закрывают вид на деревню...

– Да, пожалуй.

Маркиз громко рассмеялся.

– Я замечаю, что таков обычный образ действий тех, кто распинается за народ, за его свободу и братство. Они любят народ лишь издали. В Сент-Алэ я предпочитаю, чтобы мои крестьяне были всегда у меня на глазах и видели, в случае необходимости, позорный столб. Кстати, что вы сделали со своим, виконт? Он прежде стоял как раз против подъезда?

– Его сожгли, – отвечал я, чувствуя, что кровь ударила мне в голову.

– Это, вероятно, тоже сделал ваш отец? – переспросил он, глядя на меня с удивлением.

– Нет, нет, – упрямо твердил я, презирая самого себя за то, что стыжусь маркиза. – Это велел я. Мне кажется, что подобные вещи отжили свой век.

Маркиз был старше меня лет на пять. Но эти пять лет, проведенные им в Париже и Версале¹, давали ему значительное преимущество передо мной.

Помолчав немного, он переменял тему и заговорил о моем отце. В его словах было столько уважения и любви, что мое раздражение быстро улеглось.

– Когда я впервые убил птицу на охоте, мы были тогда с ним, – сказал Сент-Алэ с присущей ему с детства обворожительностью.

– Это было двенадцать лет тому назад.

– Совершенно верно. В те поры за мной бегал по пятам и считал меня великим человеком некий юноша с голыми но-

¹ Версаль – город в 18 км к юго-западу от Парижа.

гами. Но я уже и тогда подозревал, что рано или поздно он станет разъяснять мне права человека. Ах, Боже мой! Я должен забрать от вас Лун, виконт, иначе вы сделаете из него такого же реформатора, как и вы сами. Впрочем, – прервал он самого себя с легкой улыбкой, – я приехал сюда не за этим. У меня есть к вам другое дело, в высшей степени для вас важное, виконт.

Я почувствовал, что опять краснею, хотя и по другой причине.

– Мадемуазель вернулась домой? – спросил я.

– Вчера. Завтра она едет с моей матерью в Кагор. Я надеюсь, что самым интересным впечатлением в этой поездке будет виконт де Со.

– Мадемуазель в добром здравии? – довольно неловко спросил я.

– Вполне, – вежливо отвечал маркиз. – Завтра вечером вы убедитесь в этом сами. Думаю, вы не откажетесь предоставить себя в ее распоряжение на недельку-другую?

Я поклонился. Услышать эту новость я рассчитывал еще на прошлой неделе, но не от маркиза, а от Луи, заменявшего мне брата.

– Отлично, в таком случае вы должны сказать это и самой Денизе! – воскликнул Сент-Алэ. – В ней вы найдете отличную собеседницу. Сначала, конечно, она будет застенчива, – продолжал он, надевая перчатки. – Сестры в монастыре, несомненно, боятся каждого мужчины как волка, но ведь

женщины в конце концов всегда остаются женщинами, и через неделю все обойдется. Итак, смею надеяться видеть вас у себя завтра вечером.

– Я буду у вас непременно, маркиз.

– Почему вы зовете меня «маркиз», а не Виктор, как раньше? – спросил он, дотронувшись рукой до моего плеча. – Мы совсем скоро породнимся... А пока проводите-ка меня до ворот. Мне что-то еще надо было сказать вам... Но что именно?..

Оттого ли, что он действительно не мог вспомнить, или же потому, что считал неуместным заговорить об этом теперь, но он смолк и продолжил беседу, лишь пройдя половину аллеи.

– Слышали вы об этом протесте? – вдруг спросил он.

– Да, – неохотно отвечал я, смутно чувствуя тревогу.

– Вы, конечно, подпишите его?

Именно этот вопрос, видимо, вызвал заминку в нашей беседе. Настала моя очередь колебаться, но уже с ответом.

Протест, о котором маркиз говорил, предполагалось подать в собрание дворянства в Кагоре. Целью его было выразить неодобрение нашим представителям в Версале, которые согласились заседать с третьим сословием².

Я лично считал этот шаг непоправимой ошибкой, хотя он

² До революции 1789–1794 гг. население Франции было разделено на три сословия: духовенство, дворянство и третье сословие, включавшее в себя лиц от крупного буржуа до нищего крестьянина, с ведущей ролью в нем буржуазии.

и был одобрен королем. Лица же, составившие упомянутый протест, не хотели бы никаких реформ и стояли за сохранение своих привилегий. И я медлил с ответом, не желая насилловать своих убеждений.

– Итак, как же? – спросил опять маркиз, видя, что я молчу.

– Думаю, что нет, – ответил я, вспыхнув.

– Вы не считаете возможным поддержать протест?

– Не считаю.

– А я-то думал, что вы это сделаете, – воскликнул он, громко смеясь. – Но ведь это пустяки, а нам необходимо действовать единодушно. Сейчас это только и нужно.

Я покачал головой. Мы дошли до ворот, где приезжавшие в замок оставляли своих лошадей. Слуга уже вел их к нам.

– Послушайте, – настойчиво продолжал Сент-Алэ, – неужели вы думаете, что из этих Генеральных штатов³, которые его величество так неразумно разрешил собрать, могло выйти что-нибудь хорошее? Они собрались 4 мая, а теперь уже 17 июля, и до сего времени они не сделали ничего путного. Ровно ничего. Теперь их распустят, и всему будет положен конец.

– Для чего же в таком случае подавать протест? – тихо спросил я.

– Это я вам сейчас объясню, – снисходительно промолвил

³ Генеральные штаты – высший орган сословного представительства. Созывались во Франции с 1302 г. по 1789 г.

он, ударяя хлыстом по носкам своих башмаков. – Разве вы не слышали последней новости?

– Какой новости? – осторожно осведомился я.

– Король уволил Неккера⁴.

– Первый раз слышу! – воскликнул я, пораженный.

– Да, да, банкир уволен, а через неделю будут распущены и Генеральные штаты, Национальное собрание⁵ или как там им угодно называть это собрание. Чтобы укрепить короля в его мудром решении, мы должны показать ему свое сочувствие, должны действовать, должны протестовать.

– Уверены ли вы, однако, маркиз, – спросил я, разгоряченный этой новостью, – что народ отнесется к этому совершенно спокойно и будет терпеть свою участь? Никогда еще не было такой холодной зимы, никогда еще не было такого неурожая, как прошлый год. Кроме того, теперь их надежды ожили, умы возбуждены выборами...

– Не беспокойтесь, виконт, все обойдется благополучно, – сказал он со странной улыбкой. – Я знаю Париж и могу вас уверить, что там уже нет фронды⁶, хотя Мирабо⁷ и пытается

⁴ Неккер Жак (1732–1804) – женеvский банкир, живший во Франции. В 1777 г. был назначен генеральным директором финансов. В 1788 г. сыграл заметную роль в подготовке и созыве Генеральных штатов. Эмигрировал в сентябре 1791 г.

⁵ 17 июня 1789 г. Генеральные штаты провозгласили себя Национальным собранием, отвергнув тем самым сословный принцип.

⁶ Фронда – букв. праща (франц. fronde) – общественное движение во Франции в 1648–1653 гг., направленное против абсолютизма, представленного правительством Мазарини.

играть роль Ретца⁸. Теперь этот мирный Париж не восстанет. Будут два-три голодных бунта, но с ними управятся две роты швейцарцев.

Поверьте, что с этой стороны опасности нет никакой.

Но эта новость возбудила во мне оппозиционный дух.

– Не знаю, – холодно произнес я. – Не думаю, что дело так просто, как оно вам представляется. Королю надо добыть денег, или ему грозит банкротство. А у народа нет средств дать эти деньги. Вот почему я не думаю, что все будет по-старому.

Маркиз быстро взглянул на меня неожиданно злыми глазами.

– Вы хотите сказать, виконт, что вы не желаете, чтобы все было по-старому?

– Я думаю, что прежнее положение вещей невозможно, – резко сказал я. – Так долго продолжаться не может.

Минуты две он ничего не отвечал, и мы молча стояли напротив друг друга: я по одну сторону ворот, он по дру-

⁷ Мирабо Оноре Габриель, маркиз (1749–1791) – деятель революции, происходивший из аристократов. Перед революцией опубликовал несколько памфлетов против правительства. В 1789 г. после того, как дворянство Прованса отвело его кандидатуру в Генеральные штаты, был избран депутатом от третьего сословия Экса и Марселя. Напуганный взятием Бастилии, стал искать союза с королевской властью.

⁸ Рец (Retz) Франсуа Поль де Гонди (1613–1679) – парижский архиепископ и кардинал. Во времена Фронды добивался положения первого министра, используя то оппозицию народных масс, то поддержку буржуазии, то союз с «партией принцев».

гую. Над нами простиралась холодная листва, а сзади тянулась пыльная дорога, раскаленная июльским солнцем. Лицо Сент-Алэ было красно и носило решительное выражение. Но вдруг это выражение переменилось: он рассмеялся тихим вежливым смехом и с легким пренебрежением пожал плечами.

– Не будем спорить, – промолвил он. – Надеюсь, что и вы подпишите протест. Подумайте об этом, виконт. Подумайте, ибо, – прибавил он, весело глядя на меня, – мы даже не знаем, что может зависеть от этого.

– Конечно, необходимо сначала обдумать это дело, – спокойно сказал я.

– Именно, хорошо подумать, прежде чем отказываться, – подхватил он, отвешивая мне поклон и на этот раз не улыбаясь.

Потом он повернулся к своей лошади и с помощью слуги сел в седло. Подобрал узду, он склонился ко мне.

– Конечно, – тихо сказал он, глядя на меня испытующим взглядом, – договор есть договор. Монтекки и Капулетти, как и ваш позорный столб, уже вышли из моды. Однако мы все должны идти или одной дорогой или разными. По крайней мере, я так думаю.

И, приятно кивнув головой, как будто он высказал какой-нибудь комплимент, а не угрозу, маркиз тронул лошадь, оставив меня в одиночестве.

Мысли неслись в моей голове вихрем, один план сталки-

вался с другим, пока я наконец не побрел обратно под тень деревьев.

Невозможно было ошибаться в значении слов маркиза: несмотря на всю свою вежливость, он в сущности предлагал мне выбирать между родством с его семьей, о чем так усердно хлопотал мой отец, и политическими взглядами, воспитанными во мне также моим отцом и укрепившимися после года пребывания в Англии.

После смерти отца я остался один в моем замке и жил, мечтая о Денизе де Сент-Алэ, которая должна была стать моей женой, и которой я со времени ее возвращения из монастыря еще не видел. В словах Сент-Алэ, очевидно, заключалась угроза с этой стороны. Внезапно мое раздражение показалось мне смешным. Мне было двадцать два года, ему – двадцать семь и он диктовал мне условия. Для него мы были деревенские увальни, а он явился к нам из Парижа и Версаля учить нас...

Уже через полчаса после того как мы расстались, у меня был готов план сопротивления. Остальную часть дня я провел, обдумывая тот путь, на который я хотел вступить. Я то перечитывал послание де Лианкура, в котором он развивал свой план реформ, то раздумывал насчет обмена мнений, которым удостоил меня Рошфуко⁹ во время его послед-

⁹ Вероятно, имеются в виду герцог де Ларошфуко-Лианкур Франсуа Александр Фредерик (1747–1827) – известный общественно-политический деятель, член Академии наук, эмигрировавший из Франции в 1792 г., и герцог де Ларош-Гийон и де Ларошфуко д'Анвиль Луи Александр (1723–1792) – также политик и член

него приезда в Лушон. Я был не одинок в своих раздумьях о новом курсе. Но управляющий маркиза Сент-Алэ Гаргуф, например, до которого в этот день, очевидно, тоже дошла весть о падении Неккера, и не подозревал, к чему это может привести. Наш кюре, аббат Бенедикт, ужинавший вчера со мной, также не видел ничего дальше своего носа.

Слышал эту новость, конечно, и сын содержателя гостиницы в Кагоре, но и он не мог подозревать, что скипетр скоро упадет на дорогу. В июле 1789 года, увы, еще никто не видел, что старая Франция, старый мир умирает.

Однако, были признаки, которые можно было видеть простым глазом. По дороге в Кагор я видел сам опустошения, произведенные лютой зимой: почерневшие каштановые деревья, побитые виноградники, вымерзшие рисовые поля, общую привычную бедность, грязные хижины, тусклые стекла, соленных женщин, собиравших какую-то траву. Но бросалось в глаза и многое другое, еще более страшное – толпы людей около мостов и на перекрестках, неизвестно чего ожидавшие. В их безмолвии чувствовалось скрытое недовольство, их потупленные глаза и впавшие щеки таили угрозу. Голод совсем измучил их. Выборы принесли с собою возбуждение.

Подъезжая к Кагору, я не встречал таких зловещих признаков, но только некоторое время. Они вновь явились в дру-

Академии наук, одним из первых вставший на сторону третьего сословия. Был убит в сентябре 1789 г. в провинции.

гой форме.

Опоясанный блестящей Лотой, защищенный валами и башнями, город производил впечатление гнезда под скалами. Бесподобный мост, изъеденный временем собор, огромный дворец – все это сильно действовало на зрителя, даже увиденное не в первый раз. Но в этот день не это бросалось в глаза. Когда я спустился к рыночной площади, там продавали хлеб под охраной солдат с примкнутыми штыками. Жадные взгляды толпы, заполнившей всю площадь, полуголые фигуры, сморщенные лица, глухой ропот – все это так захватило меня, что я почти не замечал ничего другого.

Поражало то равнодушие, с которым относились к происходящему те, кого привело на площадь любопытство, дело, или привычка. Гостиницы были переполнены дворянством, съехавшимся на местное дворянское собрание. Они выглядывали из окон и вели спокойные разговоры, словно у себя в замках. Перед собором прохаживалась группа мужчин и женщин, равнодушно посматривая на толпу. Мне случалось слышать, что у нас во Франции образовались два мира, столь же далекие друг от друга, как ад и рай.

Все, что я видел в этот вечер, подтверждало верность этого замечания.

В маленьком сквере находилась лавочка, где продавались газеты и брошюры. Она была набита людьми. Все другие лавки из опасения погрома были закрыты. В последних рядах толпы я заметил управляющего маркиза Сент-Алэ-Гаргуфа.

Он о чем-то беседовал с крестьянами. Проходя мимо, я слышал, как он сказал им:

– Ну что, накормило вас ваше Национальное собрание?

– Пока еще нет, – резко отвечал один из крестьян. – Но я слышал, что через несколько дней все будут сыты.

– Не они вас накормят. Для чего им кормить вас? – грубо заметил управляющий.

– Пожалуй, что и так... Говорят...

В это время Гаргуф заметил меня. Он поклонился и замолк. Через минуту я увидел в середине громко беседовавшей группы моего кузнеца Бютона. Сообразив, что он замечен, Бютон угрюмо взглянул на меня и так же угрюмо поплелся домой.

Бывая в городе, я всегда останавливался в гостинице «Трех королей». Содержатель ее, Дюри, подает ужин для дворянства в восемь часов.

У Сент-Алэ в Кагоре был собственный дом, где у него, как предупреждал меня маркиз, в этот вечер собралось несколько гостей. Я нарочно опоздал, чтобы избежать частных разговоров с маркизом. Комнаты были уже ярко освещены, на лестнице стояли лакеи, из окон доносились звуки музыки. Мадам де Сент-Алэ считалась гостеприимной хозяйкой. Она обыкновенно устраивала так, что ее гости разбивались на живописные, оживленные группы; модные в то время кружева, брильянты, напудренные парики, красные каблуки – все это придавало ее салону очень элегантный вид.

Едва войдя в гостиную, я понял, что передо мной политическое собрание. Здесь были все, кто потом должен был заседать в дворянском собрании. И, однако, пробираясь между гостями, я почти не слышал серьезного разговора: все спорили о достоинствах итальянской и французской оперы, о Гитри и Бьянки и т. п. Казалось, что хозяйка дома, собрав у себя в салоне все, что было лучшего в провинции, думала об одних развлечениях. В известной степени она достигла желаемого. Трудно было не попасть под обаяние этой атмосферы духов и музыки, болтовни и быстрых взглядов.

В дверях я встретился со старинным другом моего отца – Гонто, разговаривавшим с двумя Гаринкурами.

Он улыбнулся мне и рукой сделал знак идти дальше.

– В самую крайнюю комнату. Глядя на вас, я хотел бы опять помолодеть.

Я постарался быстро проскочить мимо него. Затем мне пришлось столкнуться с тремя дамами, задержавшими меня такими же бессодержательными разговорами. Наконец на встречу попался Луи: он схватил мою руку, и мы некоторое время простояли вместе. В его глазах была тревога. Он спросил, не видал ли я Виктора.

– Я видел его вчера, – отвечал я, отлично понимая, зачем он спрашивает об этом.

– А Денизу?

– Пока нет. Я еще не имел удовольствия ее видеть.

– В таком случае, идем. Моя мать рассчитывала, что вы

придете пораньше. Что вы думаете насчет Виктора?

– Он уехал в Париж Виктором, а вернулся сюда важной персоной, – смеясь, отвечал я.

Луи слабо улыбнулся и с видом страдания поднял брови.

– Боюсь, что это правда. Он как будто не совсем доволен вами. Но разве мы обязаны исполнять все его желания? Идем же, однако. Мать и Дениза в самой дальней комнате.

С этими словами он повел меня вперед. Сначала надо было пройти через карточную комнату. Но у дверей последней комнаты столпилось столько народа, что войти туда удалось не сразу.

Посередине этой небольшой комнаты стояла сама маркиза, разговаривавшая с аббатом Менилем; тут же находились две-три дамы и Дениза де Сент-Алэ.

Она сидела на кушетке возле одной из дам. Мой взгляд, естественно, устремился на нее. Одета она была во все белое, и я невольно был поражен ее детским видом. Высокий напудренный парик и жесткое, вышитое золотом, платье придавали ей некоторую величавость, но все же она была слишком миниатюрна, и я почувствовал даже легкое разочарование. Увидев меня, сидевшая около нее дама что-то сказала ей, и девочка вдруг вспыхнула, как кумач. Наши взоры встретились... Слава Богу, глаза у нее такие же, как у Луи! Она быстро потупила взор и еще мучительней покраснела.

Я подошел к маркизе поздороваться и поцеловал ее руку, которую она, не прерывая разговора, мне протянула.

– Однако такая власть, – продолжал аббат, пользовавшийся репутацией философа, – безо всяких ограничений! Если употребить ее во зло...

– Король слишком добр для этого, – улыбаясь, отвечала маркиза.

– Когда около него хорошие советники, конечно. А дефицит?

Маркиза пожала плечами:

– Его величество должен получить деньги.

– Но откуда? – спросил аббат, в свою очередь пожимая плечами.

– Король был слишком добр с самого начала, – продолжала маркиза с оттенком суровости. – Он должен был заставить их внести указ о налогах в реестр. Впрочем, парламент ведь всегда уступал. И теперь то же будет.

– Парламент – да, – отвечал аббат со снисходительной улыбкой, – Но нынче речь идет не о парламенте, а о Генеральных штатах.

– Генеральные штаты распускаются, а король остается.

– Могут возникнуть беспорядки...

– Этого не будет, – с тем же самоуверенным видом ответила маркиза. – Его величество предупредит их.

И, сказав еще два-три слова с аббатом, она повернулась ко мне.

– А, ветрогон! – произнесла она, ударяя меня веером по плечу и бросив на меня взгляд, в котором смешивались лю-

безность и некоторая строгость. – Судя по тому, что мне передавал вчера Виктор, я даже не была уверена, что вы явитесь сюда сегодня. Вы уверены, что это вы сами?

– Мне свидетельствует об этом сердце, – отвечай я, прикладывая руку к груди.

– В таком случае приведите его в должный порядок, сударь. И, повернувшись, она церемонно подвела меня к дочери.

– Дениза, это виконт де Со, сын моего старого друга. Виконт, это моя дочь. Может быть, вы постараетесь занять ее, пока я продолжу наш разговор с аббатом...

Бедная девочка, очевидно, жестоко страдала весь вечер в ожидании этого момента. Она сконфуженно присела в реверансе; я стоял перед ней, держа в руках шляпу. Стараясь поймать сходство между ней и тем смуглым тринадцатилетним ребенком, каким я ее помнил, я вдруг неизвестно почему оробел сам.

– Вы изволили вернуться домой на прошлой неделе, мадемуазель? – спросил я наконец.

– Да, монсеньер, – шепотом отвечала она, не поднимая глаз.

– Для вас здесь все, должно быть, так ново.

– Да, монсеньер.

– Сестры в монастыре были, конечно, добры к вам? – снова начал я после некоторого молчания.

– Да, монсеньер.

– А вам не жалко было расставаться с ними?

– Нет, монсеньер.

Почувствовав, вероятно, банальность своих ответов, Дениза вдруг быстро взглянула на меня. Я заметил, что она готова расплакаться. Это привело меня в ужас.

– Мадемуазель, – торопливо сказал я, – не бойтесь меня. Что бы ни случилось, вам не надо бояться меня. Прошу вас, смотрите на меня, как на друга, как на друга вашего брата. Луи мой...

Не успел я закончить фразы, как вдруг послышался какой-то треск, что-то ударило меня в спину. Пошатнувшись, я почти упал девушке на руки. Кругом звенели стекла, кричали перепуганные дамы. Минуты две я не мог сообразить, что такое произошло, и очнулся лишь когда Дениза в ужасе схватила меня за руку. Обернувшись назад, я увидел, что окно сзади меня было выбито большим камнем, лежавшим тут же на полу. Он-то и ударил меня в спину.

II. Испытание

Комната быстро наполнилась перепуганными лицами, и не успел я прийти в себя, как вокруг образовалась уже целая толпа, засыпавшая меня вопросами «что случилось?». Впереди всех был Сент-Алэ. Все говорили разом; дамы, стоявшие сзади и не видевшие меня, кричали, и мне было очень трудно рассказать все происшедшее. Впрочем, разбитое стекло и лежавший на полу камень говорили сами за себя.

В одну минуту зрелище погрома раздуло в целую бурю страсти, тлевшие под пеплом мнимого спокойствия.

– Долой каналий! – раздалось несколько голосов.

– Обнажайте шпаги, *messieurs*, – кричал кто-то сзади.

Несколько гостей, предводительствуемые Сент-Алэ, который горел желанием отомстить за нанесенное его дому оскорбление, бросились, толкая друг друга, к дверям. Гонто и два-три человека постарше пытались удержать их, но все их доводы были тщетны. Через минуту комната была почти пуста. Мужчины выбежали на улицу с обнаженными шпагами. Явилось с дюжину услужливых лакеев с факелами. Вся улица наполнилась двигающимися тенями и огнями.

Негодяи, бросившие камень в окно, конечно, убежали заблаговременно, и гости скоро стали возвращаться обратно: одни – сконфуженные вспышкой овладевшего ими гне-

ва, другие – со смехом, третьи – с тайным сожалением о своих выпачканных башмаках. Многие, отличавшиеся более страстным темпераментом, продолжали еще кричать об оскорблении и угрожали мщением. В другое время все происшествие показалось бы пустяком, но теперь, когда нервы у всех были в высшей степени натянуты, оно получило крайне неприятный и угрожающий оттенок.

Пока гости отыскивали на улице виновников этого происшествия, в разбитое окно образовалась тяга. От движения ветра занавесь приблизилась к подсвечникам и разом вспыхнула. Ее удалось, однако, быстро сорвать. Тем не менее запах гари распространился по всем комнатам. Испуганные лица женщин, разбитое окно, запах гари – все это производило такое впечатление, как будто комната подверглась настоящему разгрому.

Меня не удивило, что Сент-Алэ, вернувшись с улицы, по-мрачнел еще больше.

– Где моя сестра? – спросил он резко, почти грубо.

– Она здесь, – отвечала маркиза.

Дениза давно уже подбежала к ней и крепко держалась за нее.

– Ее не ушибло?

– К счастью, нет, – отвечала маркиза, лаская девушку. –

Жаловаться может только виконт де Со.

– Спасите меня от друзей, не так ли, монсеньер, – сказал Сент-Алэ с нехорошей усмешкой.

Это меня взбесило. Смысл, который он придавал этим словам, был ясен.

– Если вы предполагаете, – резко сказал я, – что я знал о таких выходках...

– Что вы что-нибудь знали? Конечно, нет, – с беззаботным видом возразил он. – Мы еще до этого не дошли. Невозможно предположить, чтобы кто-либо из присутствующих сделался сообщником этих негодяев. Однако это может дать нам хороший урок, господа, – продолжал он, обращаясь к окружавшим его гостям. – И этот урок говорит, что нам должно крепко держать свое, иначе мы все пропадем.

Гул одобрения прошел по комнате.

– Надо защитить наши привилегии.

Человек двадцать заявили о том, что они вполне с этим согласны.

– Выставить наше знамя! – продолжал оратор, поднимая руку. – Теперь или никогда!

– Теперь, теперь!

Кричали уже не одни мужчины, но и женщины. Вся комната с энтузиазмом вторила ему. Глаза мужчин блестели, слышалось их тяжелое дыхание, щеки загорелись румянцем. Здесь даже самый слабый приобретал влияние и кричал так же громко, как и другие.

Я никогда потом не мог дать себе полного отчета в том, что произошло, никогда не мог уяснить себе, было ли все это подготовлено заранее, или же вдруг родилось само собой, из

охватившего всех энтузиазма.

Пока от раздававшихся криков звенели стекла, и все внимание было сосредоточено на маркизе де Сент-Алэ, он выступил вперед и театральным жестом обнажил шпагу.

– Господа! – воскликнул он. – Мы все одного образа мыслей, здесь у всех одни и те же слова. Так пусть у нас будет и единый образ действий. В то время, как весь мир сражается для того, чтобы завладеть чем-нибудь, мы одни думаем только о защите. Соединимся, пока не поздно, и докажем, что мы еще в состоянии бороться. Мы знаем о клятве в Jeu de paume 20 июня¹⁰.

Давайте поклянемся 22 июля. Мы не будем поднимать рук, как эти говоруны, которые чего только не обещают. Мы поднимем наши шпаги. Как дворяне, дадим клятву стоять за права и привилегии нашего сословия.

В ответ поднялся такой крик, что заколыхалось пламя. Его было слышно и на улице и, вероятно, даже на рынке, находившемся довольно далеко. Многие выхватили шпаги и размахивали ими над головами. Дамы махали платками и веерами.

– В большую залу! В большую залу! – раздались голоса.

Повинуясь этому приказу, все бросились, толкаясь и теснясь, в соседнюю комнату.

¹⁰ Речь идет о знаменитом «Заседании в Зале для игры в мяч» 20 июня 1789 г., на котором изгнанные из Национального собрания депутаты общин поклялись в том, что не разойдутся ни по чьему приказу и будут собираться до тех пор, пока не выработают конституции.

Между этими людьми были, конечно, такие, кто не разделял общего энтузиазма. Многие только делали вид, что они увлечены, но не было никого, кто пошел туда так неохотно, с таким тяжелым сердцем, как я. Ясно сознавая дилемму, вставшую передо мной, но разгоряченный и раздраженный, я не мог найти выхода из нее.

Если бы я мог незаметно выскользнуть из комнаты, я сделал бы это без малейшего колебания. Но лестница была, как нарочно, на противоположном конце залы, и от нее меня отделяла густая толпа. Кроме того, я чувствовал, что Сент-Алэ не спускает с меня глаз: в нем заговорила кровь, и он, видимо, решил не дать мне ускользнуть.

Не теряя надежды, я продолжал стоять у двери в залу. Вдруг маркиз обернулся лицом прямо ко мне. Около него образовался круг. Наиболее неугомонная молодежь продолжала кричать: «Да здравствует дворянство!». Сзади образовался второй круг из присутствовавших дам.

– Господа! – закричал маркиз. – Обнажите ваши шпаги!

В мгновение ока приказание было исполнено, и блеск шпаг отразился в зеркалах. Сент-Алэ медленно обвел всех глазами и устремил взор на меня.

– Виконт де Со, – вежливо промолвил он, – мы ждем вас.

Все разом обернулись ко мне. Я хотел что-то сказать, но только махнул рукой, чтобы Виктор оставил меня в покое. Я надеялся, что во избежание скандала он пойдет на это.

Но меньше всего он думал об осторожности.

– Не угодно ли вам последовать нашему примеру? – мягко – продолжал он.

Уклоняться было уж невозможно. Сотни глаз, любопытных и нетерпеливых, устремились на меня. Лицо мое пылало.

В комнате вдруг водворилось молчание.

– Я не могу этого сделать, – промолвил я наконец.

– Почему же, позвольте спросить? – с прежней мягкостью обратился ко мне Сент-Алэ.

– Потому, что я не вполне разделяю ваши взгляды. Мой образ мыслей вам известен, маркиз, и я твердо держусь его. Я не могу дать клятвы.

Движением руки он остановил с полдюжины дворянчиков, готовых закричать на меня.

– Тише, господа! – сказал он. – Тут не место угрозам. Висконт де Со – мой гость, и я отношусь к нему с уважением, хотя не могу сказать того же про его убеждения. Полагаю, надо избрать другой способ. Я не решаюсь входить с ним в споры сам.

Но, если вы позволите, – обратился он к матери, – чтобы Дениза сыграла на этот раз роль сержанта, набирающего рекрутов, то, может быть, ей удастся предупредить разрыв.

Это предложение вызвало громкое одобрение. Кто-то захлопал в ладоши, женщины замахали веерами. Маркиза продолжала стоять, улыбаясь, как сфинкс, и молчала. Потом она повернулась к дочери, которая, услышав свое имя, старалась

съежиться так, чтобы ее не было и заметно.

– Подойди сюда, Дениза, – сказала маркиза. – Попроси виконта де Со оказать честь сделаться твоим рекрутом.

Девушка тихо вышла вперед. Видно было, как она вся дрожала. Никогда не забуду этого момента, когда стыд и упрямство попеременно овладевали моей душой по мере ее приближения ко мне. Быстрая, как молния, мысль подсказала мне, в какую ловушку я попал. Но мучительнее всего был момент, когда бедная девушка, с трудом преодолевая свою застенчивость, остановилась передо мной и прошептала несколько слов, которые едва можно было понять.

Ответить ей отказом, по понятию всех этих господ, было невозможно. Это было бы такой же грубостью, как и ударить ее. Я чувствовал это всеми фибрами души. И в то же время я осознавал, что согласиться на ее просьбу значит признать себя одураченным, признать себя жертвой ловкой западни, показать себя трусом. Одно мгновение я колебался между гневом и жалостью. Затем, взглянув на все эти лица, глядевшие на меня вопросительно и злобно, я тихо сказал:

– Мадемуазель, я не могу.

– Монсеньер!

Это крикнула сама маркиза, и голос ее резко и пронзительно раздался в комнате. Его звуки сразу рассеяли туман, в котором работал мой мозг. Я окончательно стал самим собой. И, повернувшись к неб, поклонился.

– Не могу, маркиза, – отвечал я твердо, не испытывая бо-

лее никаких сомнений. – Мой образ мыслей известен вам тоже, и я не могу лгать даже ради мадемуазель.

Едва я успел промолвить последнее слово, как чья-то перчатка, брошенная невидимой рукой, ударила меня в грудь. Все, находившиеся в комнате, казалось, вдруг помешались. Крики: «Негодяй! Вон предателя!» – так и носились в воздухе. Шпаги замелькали перед моими глазами, десятка два вызовов обрушилось на мою голову. Тогда я еще не знал, как безжалостна возбужденная толпа. Изумленный и оглушенный всем этим шумом, еще более усиливавшимся криками дам, я невольно отступил вглубь комнаты.

Маркиз де Сент-Алэ, соскочив с кресла и отклоняя рукой устремленные на меня шпаги, бросился прямо ко мне.

– Господа, слушайте! – закричал он, заглушая гул толпы. – Это мой гость. Он более не принадлежит к нашему кругу, но он должен уйти отсюда цел и невредим.

– Дайте дорогу виконту де Со!

Все неохотно повиновались ему и, отхлынув в обе стороны, образовали широкий проход до двери. Маркиз повернулся вновь ко мне и отвесил самый, что ни есть церемонный поклон.

– Прошу вас следовать сюда, господин виконт, – сказал он. – Маркиза более не задержит вас.

С пылающим лицом я последовал за ним по узкой блестящей полоске, отражавшей на паркете свет канделябров, между двумя рядами насмешливых лиц. Никто не вступился

за меня, и я прошел до двери среди мертвой тишины. Здесь маркиз остановился, мы раскланялись друг с другом, и я вышел из комнаты.

Пока я пересекал вестибюль, любопытная толпа лакеев, наполнявших его, смотрела на меня во все глаза. Но я не замечал ни их дерзости, ни даже самого их присутствия, а лишь двигался, как человек оглушенный, потерявший способность мыслить. Так длилось до тех пор, пока я не вышел из дома. Холодный воздух привел меня в чувство, и первой дала о себе знать злость. Я вошел в дом Сент-Алэ, обладая многим, а вышел из него, лишенный всего – друзей, репутации, невесты. Я вошел сюда, полагаясь на старинную дружбу наших семей, маркиз же своей хитростью лишил меня всего.

Сначала мне пришла в голову мысль, что я сглупил, что я должен был уступить. Встав на выбранный мною путь, я не мог предвидеть всего, что меня ожидало, не мог быть уверенным, что старая Франция действительно отходит в вечность. Мне приходилось считаться с понятиями того круга, к которому я принадлежал. Шагая по дороге, я раздумывал, как мне поступить завтра – бежать отсюда или принять вызов. Ибо завтра...

Народное собрание – неожиданно пришло мне в голову. Эти слова сразу дали новый поворот моим мыслям. Вот где я могу отомстить!

Ночь я провел в лихорадке. Раздражение подстрекало честолюбие, усиливало злость против касты и любовь к наро-

ду. Перед моими глазами проходили все признаки нищеты и страдания, виденные еще вчера. Рассвет застал меня шагающим по комнате из угла в угол. Когда старый Андрэ, служивший еще моему отцу, вошел в комнату с письмом, он увидел, что я не раздевался.

Несомненно, до него уже дошли слухи о том, что вчера случилось. Не обращая внимания на его мрачный вид, я распечатал письмо. Подписи под ним не было, но я узнал почерк Луи.

«Уезжайте домой и не показывайтесь на собрании. Они хотят вызвать вас на поединок один за другим. Уезжайте из Кагора немедленно, иначе вы будете убиты.»

Вот и все. Я горько улыбнулся при виде слабости человека, который только и мог, что предупредить друга.

– Кто принес письмо? – спросил я Андрэ.

– Какой-то слуга, сударь.

– Чей?

В ответ он пробормотал, что он этого не знает. Я особенно его не расспрашивал. Андрэ помог мне переодеться и, когда я выходил из комнаты, вдруг спросил меня, в котором часу подавать лошадей.

– Для чего? – сказал я, пристально взглянув на него.

– Для отъезда, сударь.

– Но я не намерен уезжать сегодня, – произнес я тоном холодного неудовольствия. – О чем ты говоришь? Мы поедем обратно завтра вечером.

– Слушаю, сударь, – пробормотал он, продолжая возиться с моим платьем. – Но хорошо было бы уехать днем.

– Ты прочел это письмо? – с гневом закричал я. – Кто тебе сказал...

– Об этом знает весь город, – отвечал он, пожимая плечами. – Везде только и кричат: «Андрэ, убирайтесь поскорее с вашим барином!.. Андрэ, на твоего господина скоро наденут намордник!» Жиль подрался с одним из лакеев Гаринкура за то, что тот назвал вас глупцом. Ему разбили лицо. Что касается меня, то я уж устарел для драки. Стар я и для другого, – продолжал он с усмешкой.

– Для чего это другого?

– Для того, чтобы опять хоронить своего господина.

Помолчав с минуту, я спросил его:

– Неужели ты думаешь, что меня убьют?

– Так говорят все в городе.

– Послушай, Андрэ, ты ведь служил еще моему отцу. Неужто ты хочешь, чтобы я бежал отсюда?

Он в отчаянии всплеснул руками:

– Боже мой, я и сам не знаю, чего я хочу. Эти каналы погубят нас. Бог создал их только для того, чтобы они работали и ковыряли землю, иначе мы пропадем. И если вы за них заступаетесь...

– Молчи, – строго сказал я. – Ты ничего не понимаешь в этом. Ступай вниз и в другой раз будь осмотрительней. Ты рассуждаешь о каналах, а ты сам кто такой?

– Я, сударь? – воскликнул он в изумлении.

– Да, ты.

С минуту он смотрел на меня в полном остолебении. Потом грустно покачал головой и вышел из комнаты. Несомненно, он был убежден, что я сошел с ума.

Он ушел, а я не двигался с места. Покажись я сейчас на улице, я тотчас же получил бы вызов и принужден был бы драться.

Поэтому я выжидал, когда начнется собрание; ждал в мрачной комнате наверху, терзаемый чувством одиночества. Не могу сказать, что я не ощущал искушения прибегнуть к способу, указанному Андрэ, но упорство, доставшееся мне от отца, удерживало меня на том пути, на который я встал. В четверть одиннадцатого, когда по моему расчету члены собрания уже явились на совещание, я сошел вниз. Щеки мои горели, глаза смотрели серьезно и строго. У двери стояли Андрэ и Жиль. Я приказал им следовать за мной к собору, где в доме дворянства назначено было собрание.

Впоследствии мне говорили, что если бы я был внимательнее, то я без труда заметил бы необычайное оживление на улицах. Густая толпа стояла на площади и прилегающих тротуарах. Лавки били закрыты, все дела прекращены, в переулках слышался сдержанный говор. Но я был так углублен в самого себя, что опомнился только тогда, когда, пересекая площадь, услышал, как один из стоявших там крикнул: «Да благословит вас Бог!», а другой: «Да здравствует Со!».

Несколько встречных почтительно сняли передо мной шапки. Все это я заметил, но чисто механически. Через минуту я уже был на узкой улочке, ведущей от собора к дому дворянства. Она была вся заполнена лакеями, которые с трудом давали мне дорогу, поглядывая на меня с любопытством и удивлением.

Проложив себе путь сквозь эту толпу, я вошел в вестибюль дома. Переход от солнечного света к тени, от оживления на улицах к безмолвию этой комнаты со сводами, порастил меня как-то особенно сильно. В тишине и сером полумраке помещения впервые предстала передо мной во всей ясности значительность шага, который я собирался сделать; и я повернул бы назад, если бы упрямство вновь не овладело моей душой. Шаги по каменным плитам уже гулко отдавались в царившей здесь тишине и отступать было поздно. Я слышал уже голоса за закрытыми дверями соседней комнаты. Сжав губы и решившись быть мужчиной, что бы меня не ожидало, я направился к этим дверям.

Я уже взялся за ручку двери, как вдруг с каменной скамейки, стоявшей у окна, кто-то быстро поднялся и остановил меня. То был Луи де Сент-Алэ. Он встал между мною и порогом.

– Остановитесь, ради Бога, – тихо и взволнованно произнес он. – Что вы можете сделать один против двухсот? Вернитесь назад... а я...

– А вы, – отвечал я с презрением, но так же тихо. Швейцар

смотрел на нас с удивлением. – А вы... а вы поступите так же, как вчера.

– Не вспоминайте об этом! – серьезно сказал он и кровь прилила к его лицу. – Уходите, Со! Уходите и...

– И исчезайте?

– Да, исчезайте. Если вы это сделаете...

– Если я исчезну? – с яростью повторил я.

– Тогда все обойдется.

– Благодарю вас покорно, – медленно промолвил я, дрожа от злости. – А сколько вам заплатят, граф, за то, что вы избавили собрание от меня?

Луи бросил на меня изумленный взгляд.

– Адриан!

Но я был беспощаден.

– Я вам больше не Адриан, граф. Я Адриан только для моих друзей.

– Стало быть, я уже не ваш друг?

Я презрительно поднял брови.

– После вчерашнего вечера? Неужели вы думаете, что вы вели себя как подобает другу? Я пришел в ваш дом как гость, а вы устроили для меня ловушку, сделали меня предметом ненависти и насмешек...

– Разве я это устроил? – воскликнул он.

– Может быть, и не вы, но вы стояли там же и видели, что происходит, не сказав ни одного слова в мою защиту.

Он остановил меня жестом, полным достоинства.

– Вы забываете одно, виконт, – гордо промолвил он.

– Скажите: что?

– Что мадемуазель де Сент-Алэ – моя сестра.

– А!

– Кто бы ни был виноват в том, что произошло вчера, вы обошлись с нею без должного почтения, и это перед двумя сотнями гостей.

– Я обошелся с нею без должного почтения? – возразил я в новом припадке ярости.

Незаметно для самих себя, мы отодвинулись от двери и взглянули друг другу в глаза.

– А кто в этом виноват, сударь? Вы насильно заставили меня выбирать между оскорблением ее и отказом от моих убеждений, в которых я воспитан.

– Убеждения! – резко сказал он. – Что такое убеждения? Я не философ, в Англии не был и не могу понять, как человек...

– Отказывается от чего-нибудь ради своих убеждений? – подхватил я. – Вам этого не понять, граф. Человек, который не стоит за своих друзей, не может постоять и за свои убеждения. Для того и другого нужно, чтобы он не был трусом.

Луи вдруг побледнел и странно взглянул на меня.

– Молчите! – невольно вскрикнул он.

По его лицу прошла судорога, словно он почувствовал мучительную боль.

Но я уже овладел собой.

– Да, трусом, – спокойно повторил я. – Вы понимаете, граф, что я хочу сказать. Или вы хотите, чтобы я вошел и повторил это перед всем собранием?

– В этом нет надобности, – промолвил он, сильно покраснев.

– Позвольте надеяться, что после собрания мы еще встретимся с вами.

Он молча поклонился. В его молчании и взгляде, брошенном на меня, было что-то обезоруживающее. Мне вдруг стало холодно. Но было уже поздно. Я ответил ему церемонным поклоном и опять решительно направился к дверям.

Но открыть их не удалось и на этот раз.

Едва я потянул ручку, чья-то рука оттолкнула меня назад с такой силой, что ручка двери отлетела и с шумом упала на пол. К удивлению моему, то был опять Луи.

Лицо его выдавало сильное возбуждение. Он крепко держал меня за плечо.

– Вы назвали меня трусом, виконт, и я не хочу откладывать этого дела ни на минуту, – сквозь зубы проговорил он. – Не угодно ли вам драться со мной? Здесь сзади дома есть сад...

Я был холоден, как лед.

– Может быть, это подействует на вас. Если вы дворянин, вы должны драться со мной, – заметил Луи. – В саду через десять минут...

– Через десять минут собрание кончится...

– Я не задержу вас так долго, – серьезно сказал он. – Идемте, сударь. Или я должен опять нанести вам удар?

– Я следую за вами, – медленно отвечал я.

III. В собрании

Удар и нанесенное мне оскорбление заставили меня на минуту забыть раскаяние. Но как бы ни подозревал я Луи, как бы ни сердился на то, что он стал орудием в чужих руках, все же ни один друг не удержал бы меня от появления в зале собрания таким способом. Я чувствовал, что плачу ему самой черной неблагодарностью, и раскаяние вновь охватило меня. Когда швейцар отворил было передо мной дверь на улицу, я, к величайшему изумлению Луи, повернулся и бросился назад. Не успел он вскрикнуть, как я был уже около двери в залу собрания, а через секунду переступил ее порог.

Как теперь я вижу, с каким изумлением обратились ко мне лица всех присутствовавших. Среди шума голосов и смеха я направился к своему месту и опустился на него в каком-то оцепенении, почти забыв, зачем я сюда явился.

На скамейках, где были устроены места, сидело по трое. Мое место было между одним из Гаринкуров и д'Ольнуа. Не прошло и пяти секунд, как Гаринкур встал и, обмахиваясь шляпой, направился к выходу. Вскоре д'Ольнуа последовал его примеру.

Я не сумел скрыть своего смущения. Насмешливые взгляды выводили меня из себя. Председатель наконец закончил что-то читать своим монотонным голосом. Началась переключка.

– Граф де Конталь? – выкрикивал председатель.

– Согласен.

– Виконт де Мариньяк?

– Согласен.

Вдруг, словно эхо в пустом пространстве, прозвучало мое имя:

– Виконт де Со?

Я встал и заговорил. Голос мой сделался хриплым, словно это был голос другого человека.

– Я не согласен с решением.

Я ожидал, что произойдет взрыв ярости. Но этого не последовало. Напротив, раздался взрыв смеха, в котором ясно слышался голос де Сент-Алэ.

– Господа! – закричал я на весь зал. – Я не согласен с этим решением потому, что оно бессмысленно. Прошло время, когда оно могло бы оказать какое-нибудь действие. Вы ссылаетесь на ваши привилегии. Их время тоже прошло. Вы протестуете против единения ваших представителей с народом, но ведь они уже заседали в Версале вместе. Дело сделано. Вы дали голодной собаке кость. Неужели вы думаете, что можно отнять ее? У Франции нет денег, она накануне банкротства. Неужели вы думаете обогатить ее, поддерживая свои привилегии? Эти привилегии были даны когда-то нашим предкам, потому что они были оплотом Франции. Они на свои средства собирали людей, вооружали их и вели на бой. А теперь сражается народ, деньги дает народ, все делает

народ.

Здесь я перевел дух, опять ожидая взрыва общего гнева. Но этого не случилось. Зато с площади, куда доносилось каждое мое слово, послышался гром аплодисментов. Я был ошеломлен и смолк вовсе.

Еще большее действие произвели эти аплодисменты на моих противников: все смотрели друг на друга, как бы не веря своим ушам. Потом всей залой овладел молчаливый гнев.

– Что это такое? – воскликнул наконец де Сент-Алэ, вскакивая. – Неужели король так унижил нас, что приказал сидеть нам на одной скамье с третьим сословием? Неужели тут заговор между представителями нашего круга и этой сволочью?..

– Берегитесь, окна открыты, – прервал его председатель, человек малодушный, к тому же вышедший из чиновничьей семьи.

– Что ж из того? – продолжал Сент-Алэ, обводя глазами все собрание. – Пусть народ выслушает обе стороны, а не только тех, кто, напевая ему о его правах, думает сыграть роль кромвелей и ретцев.

Добрая половина собравшихся поднялась с мест.

– Если вы намекаете на меня, маркиз, – закричал я горячо. Сент-Алэ презрительно рассмеялся.

– С вашей подачи, виконт, – бросил он мне.

– В таком случае я возвращаю эти слова вам обратно. Вы назвали меня Ретцем, Кромвелем...

– Роль Ретца я оставляю себе, – спокойно перебил он меня.

– Такой же изменник! – выкрикнул я среди общего смеха, чувствуя, как кровь бросилась мне в голову. – Но изменник и тот, кто теперь толкает короля на беду.

– А не тот ли, кто является сюда в сопровождении толпы? – спросил Сент-Алэ с жаром. – Не тот ли, кто хочет угрозами навязать свою волю собранию?

– Неправда, – обрезал я его. – Возвращаю вам это обвинение. Я лишь не согласен с решением и протестую против него.

Терпение собрания истощилось.

– Вон его! Вон! – послышались дикие крики.

Несколько стариков оставались еще в креслах, остальные повскакивали со своих мест. Одни бросились запирать окна, другие кинулись к дверям, как бы намереваясь их защитить. Напрасно председатель старался водворить молчание. Наконец Сент-Алэ поднял руку, и шум несколько стих.

– Собрание дворян из Керси, – закричал председатель, воспользовавшись временным затишьем, – высказалось в пользу этого наказа, протестовал один только виконт де Со. Наказ будет передан депутатам. Вопрос исчерпан.

Словно по мановению волшебного жезла зала приняла свой обычный вид. Вскочившие с места опять сели, стоявшие у дверей вернулись на свои места. Все пришло в порядок.

Мне хотелось уйти отсюда скорее, но насмешливые взгляды со всех сторон не давали мне двинуться с места. Не могу сказать, долго ли я выдерживал эту пытку замаскированных насмешек и язвительной учтивости. Только появление передо мной швейцара с запиской привело меня в себя. Я неуклюже развернул ее под перекрестным огнем враждебных взглядов и увидел, что она была от Луи.

«Если у вас есть хоть какая-нибудь честь, то вы без промедления должны встретиться со мной в саду позади дома. Если вы отложите эту встречу даже на десять минут, то я публично назову вас трусом.»

Пока швейцар ждал ответа, я прочитал записку дважды и едва сдерживал слезы. Луи не удалось обмануть меня. Эта записка, столь на него не похожая, эта отчаянная попытка удалить меня из зала – все выдавало его добрые намерения. Я мог опять поднять голову: около меня был друг.

Между тем швейцар все еще ждал ответа. Взяв клочок бумаги, я написал: «Адриан не будет драться с Луи». Сложив бумажку, я передал ее швейцару.

Посидев немного, я встал и спокойно двинулся к выходу. Навстречу мне сейчас же двинулось человек десять с очевидным намерением не дать мне уйти. Поднялось такое волнение, что председатель даже перестал читать, желая посмотреть, чем все это кончится. Я уже приближался к порогу, и через секунду мы должны были столкнуться, как вдруг на улице раздался такой рев голосов, что мы невольно остано-

вились.

Остальные бросились к окнам.

И опять прозвучал глухой раскатистый рев, от которого задрожали стекла, рев триумфа, рев, никогда мною неслыханный в жизни.

Из этого шквала голосов мало-помалу стала выделяться одна явственная фраза: «Долой Бастилию!¹¹ Долой Бастилию!».

Придя в себя, собрание заволновалось, гневно бормоча угрозы против каналов. Один говорил одно, другой – другое: что надо очистить улицу, что необходимо вызвать полк солдат, что лучше всего принести жалобу интенданту...¹² Все еще кричали, как вдруг отворилась дверь и вошел Луи де Сент-Алэ. Лицо его горело от возбуждения. Обыкновенно очень тихий человек, теперь он выступил вперед, подняв руку, и повелительно потребовал, чтобы все замолчали.

– Господа! – заговорил он дрожащим голосом. – Получено необыкновенное известие. Его сообщил на улице курьер, привезший письма моему брату: Бастилия пала!

Воцарилось глубокое молчание.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил, наконец, председатель.

¹¹ Бастилия – крепость и государственная тюрьма в Париже, символ французского абсолютизма. Взятие Бастилии 14 июля 1789 г. явилось началом революции.

¹² Интендант – в то время, должностное лицо, заведовавшее отдельными отраслями государственного управления.

– В четверг она была взята приступом парижской толпы, губернатор ее – де Лоней,¹³ убит, – отчетливо произнес Луи.

Все в изумлении смотрели друг на друга. А с площади несся все более усиливающийся шум беспорядков.

– Что же король? – спросил престарелый Гонто, выражая общую мысль. – Без сомнения, его величество уже наказал этих негодяев?

Ответ ему был дан оттуда, откуда его никто не ожидал.

Сент-Алэ поднялся со своего места с раскрытым письмом в руках. Если бы он имел время обдумать, что он хочет делать, то он, конечно, не стал бы говорить все, что знал. Но неожиданное известие совершенно выбило его из колеи.

– Я не знаю, что делает король в Версале, – заговорил он. – Но я могу сообщить вам, как была употреблена вооруженная сила в Париже. Приказано было атаковать толпу гвардии, но гвардия была рассеяна. Город очутился в руках народа. Мэр Флессель убит. Образована Национальная гвардия,¹⁴ генералом которой назначен Лафайет.¹⁵

¹³ Де Лоней (или, чаще встречающаяся транскрипция, Делонэ) – последний комендант Бастилии.

¹⁴ Национальная гвардия – гражданское вооруженное ополчение, созданное после взятия Бастилии в Париже и других городах. Строилась по территориальному принципу.

¹⁵ Лафайет Мари Жозеф Поль, маркиз (1757–1834) – принадлежал к знатному и богатому дворянскому роду. Увлечшись идеями просветителей-энциклопедистов, с началом войны за независимость североамериканских колоний отправился в Америку. Вернулся во Францию накануне революции, увенчанный в 1780 г. (в возрасте 23 лет!) званием генерал-майора американских войск и славой борца

– А что же делал король? – в испуге вскричал председатель.

– Ровно ничего.

– А Генеральные штаты? Национальное собрание в Версале? – слышались голоса.

– Ровно ничего.

– Ну, наконец, Париж? – спросил в свою очередь председатель.

– Ведь столько лет он был совершенно спокоен!

Де Сент-Алэ молча опустил на свое место. Собрание было ошеломлено этим известием. Еще несколько минут назад члены его мечтали о своих привилегиях и правах. Теперь они увидели Париж в пламени, а закон и порядок в величайшей опасности.

Но не такой человек был Де Сент-Алэ, чтобы отказываться от роли руководителя собрания. Он опять вскочил на ноги и стал пламенно призывать присутствующих вспомнить фронду.

– И тогда, и теперь Париж все тот же, – кричал он. – Легкомысленный и мятежный. Его можно взять только голодом. Жирный буржуа не может обойтись без белого хлеба. Лишите его этого, и безумцы опомнятся, восставшие смилятся. Неужели вы думаете, что вся эта Национальная гвардия с ее генералами может устоять против сил порядка – дворянства и духовенства, против самой Франции? Это невозможно, –

продолжал он, обводя всех глазами. – Париж, правда, низложил Великого Генриха и изгнал Мазарини. Но зато потом он лизал им ноги. То же будет и теперь.

Мы должны только следить, чтобы эти беспорядки не распространялись далее.

Слова эти успокоили собрание, все нашли их совершенно убедительными. Люди ведь так склонны представлять себе будущее в тех же красках, какими было окрашено их прошлое. Речь Сент-Алэ была встречена громкими рукоплесканиями. Все, волнуясь, поднялись с мест и группами стали выходить на узенькую улочку.

В дверях я нечаянно столкнулся с одним из Гаринкуров. Он повернул голову и, увидев, кто его толкнул, хотел было остановиться. Но давка была так велика, что его увлекли вперед. Я видел, что он что-то говорил, но я не мог его слышать и только по насмешливым улыбкам шедших рядом с ним догадывался, что речь шла обо мне. Но едва мы вышли из переулка на площадь, как представившееся нашим глазам зрелище заставило меня забыть об их существовании.

IV. Друг народа

Другие тоже были поражены увиденным. Мы во Франции не привыкли видеть толпы. Здесь в течение столетий всегда стоял впереди один какой-нибудь человек – король, кардинал, епископ, придворный... Сама же толпа всегда ступивалась, изредка проходила перед ним, почтительно кланяясь, и исчезала.

Теперь начинался холодный рассвет нового дня. Между нами было немало людей, привыкших к тому, что крестьянин дрожал при виде их нахмуренного лица. Но парижская новость сразу потрясла все до основания. Толпа на площади уже не дрожала, а только молча смотрела на нас, и это молчание было хуже всякого воя. Она не расступилась перед нами, и члены собрания среди общей толкотни едва добрались до гостиницы.

Естественно, что все это отвлекло мои мысли от Гаринкура. Он тоже, по-видимому, забыл обо мне и шел, нахмурившись и бросая вокруг раздраженные взгляды.

Вереницей продвигались мы среди толпы. Она держала себя вызывающе, мы негодовали. Два слова: «Бастилия пала», объединили отдельные группы и создали из них Народ.

При таком положении дел достаточно было искры, чтобы произошел взрыв. Искра эта явилась сама собой. Впереди меня шел высокий и худой Гонто. Он был хром и обычно-

венно опирался на руку лакея. В то утро лакея не было, и он опирался на палку.

Вдруг какой-то человек пробежал перед ним и, может быть, случайно, задел ногой за его трость. Гонто вспыхнул, как порох, и ударил ею этого человека.

– Пошел прочь! – кричал старик, готовясь ударить вторично. – Если бы ты был моим, я бы тебя...

Человек плюнул ему в лицо.

Гонто произнес ругательство и в неудержимом гневе нанес своему оскорбителю два или три удара. Тот хотел было скрыться, но стоявшие сзади вытолкнули его вперед. Делать было нечего, и с криком: «Долой дворян!» он накинулся на Гонто, который моментально оказался на земле.

Все это случилось очень быстро. Мы все – я, Сент-Алэ, Гаринкуры – видели, как упал Гонто. Толпа, очевидно, не потеряла еще почтительности окончательно и не хотела убить пожилого человека. Но, наэлектризованный рассказом о смерти де Лонея, я выскочил вперед, чтобы защитить де Гонто.

Меня предупредил, впрочем, Сент-Алэ. Бросившись тоже вперед, он нанес оскорбителю такой удар, что тот упал на руки стоявших сзади него. Подняв Гонто, Виктор выхватил свою блестящую шпагу и, размахивая ею во все стороны, стал пролагать себе путь. Его провожали руганью и проклятиями.

К несчастью, Сент-Алэ задел кого-то шпагой. Хотя человек и не был ранен, тем не мене он упал на мостовую и под-

нял крик, а за ним забурила и вся толпа. Кто-то запустил в маркиза палкой, заставив его остановиться. Через минуту он уже бросился на человека, кинувшего палку, и пронзил бы его насквозь, но тот успел убежать в толпу, сомкнувшуюся с торжеством перед маркизом.

Сент-Алэ презрительно вложил шпагу в ножны. Но едва он успел отвернуться, как получил удар камнем в голову.

Зашатавшись, он упал на землю. Толпа завывала и бросилась топтать его ногами. Люди совершенно обезумели: крик раненного и напуганного ими человека стоял в их ушах. Один из Гаринкуров вздумал было вступить за маркиза, но это только подлило масла в огонь. В один момент он тоже был сбит с ног и покатился по мостовой. Толпа снова обрушилась на свои жертвы.

– Какой позор! – закричал я и устремился вперед.

Конечно, мое вмешательство должно было закончиться тем же, чем и вмешательство других, но тут ко мне подбежал Бютон – кузнец из Со. Он громко выкрикнул мое имя и растолкал окружающих. Бютон обладал огромной физической силой и ему ничего не стоило остановить тот людской поток. Узнал меня и еще кое-кто. Толпа отхлынула назад. Раздались крики: «Да здравствует де Со! Да здравствует друг народа!» Сначала крики эти послышались в одном месте, потом в другом, потом в третьем, и наконец вся площадь загудела от них.

Я не понимал тогда и легковесности толпы, у которой от «долой» до «да здравствует» всего один шаг. Признаюсь, от

этих криков у меня сильнее забилося сердце. Свои отвернулись от меня с гневом, зато народ приветствовал меня криками. Пока я пытался взмахами руки водворить как-нибудь молчание, в голове у меня пронеслась мысль, что все эти приветственные крики делают из меня трибуна и ведут к власти.

Эти крики возвышали меня, но взгляд мой нечаянно упал на Сент-Алэ, и я сразу спустился с небес на землю. Маркиз уже поднялся на ноги и в бессильной ярости вытирал платком пыль с башмаков. Из небольшой раны на голове струилась кровь, но он не обращал на это внимания и пристально смотрел на меня, как бы желая прочесть мои мысли.

– Может быть, ваши друзья, господин де Со, уже сделали свое дело, и мы теперь можем пойти домой? – заговорил он, едва установилась относительная тишина.

Я пробормотал что-то и хотел проводить его, хотя нам было и не по дороге. Поблизости находились только оба Гаринкура и Гонто. Остальные члены собрания или разбежались, или смотрели на все происходившее из окон дома собрания. Я предложил было руку Гонто, но он холодно поклонился и отказался от моей помощи. А маркиз, повернувшись ко мне, сухо заметил, что они не смеют меня беспокоить.

– Мы, разумеется, будем в большей безопасности, если вам угодно будет дать соответствующие указания, – ехидно сказал он.

Раскланявшись, мы стали расходиться. Но толпа, очевид-

но, поняла, что между нами произошло что-то неладное, и снова подняла вой. Полетели камни, люди опять стали напирать на нас.

Беспомощность Гонто связывала всех и не давала возможности уйти. Я видел, как Сент-Алэ с окровавленным лицом храбро заслонил собой старика и повел его вперед. Я последовал за ними. И опять раздались приветственные крики, и залитая июльским солнцем площадь заволновалась, словно море.

– Очень жаль, – заговорил вновь Сент-Алэ, – что мы вас потревожили, господин де Со. Барон уже не молод, а ваши люди ведут себя довольно бесцеремонно.

– Что же могу сделать я? – попытался я возразить.

Мне не хотелось оставлять их на произвол судьбы, но, с другой стороны, не хотелось и брать на себя такую ответственность.

– Вы можете довести нас до дома, – с преувеличенной любезностью ответил он, вынимая табакерку.

Толпа молча отхлынула назад и внимательно наблюдала за нами.

– Вы думаете, мое присутствие поможет?

– Несомненно, – живо ответил он. – Ведь когда один король умирает, другой рождается.

Меня передернуло от этого сарказма, но ничего не оставалось делать, как согласиться на его просьбу и двинуться вместе с ними. Люди расступились перед нами, и мы шли

среди криков и возгласов.

Сначала я собирался только вывести их с площади, но люди шли за нами, и мне нельзя было вернуться назад. Так, преследуемые по пятам, мы добрались до дома Сент-Алэ.

Его мать и сестра сидели на балконе. У входа появилось несколько перепуганных слуг. Пока я оглядывался по сторонам, маркиза де Сент-Алэ быстро спустилась вниз и при виде следовавшей за нами толпы на ее лице отразилось удивление. Увидев кровь на лице сына, она вскрикнула и спросила, не ранен ли он.

– Нет, матушка. Но вот Гонто пострадал от падения.

– Что случилось? Город как будто с ума сошел. Я слышала какие-то крики, а слуги рассказывают разные нелепости про Бастилию.

– Бастилия взята толпой. Это верно. Де Лоней убит. Толпа – царь не щадит никого. К счастью, у нее есть предводители, превосходящие ее в уме и осторожности, – добавил Сент-Алэ таким тоном, что кровь бросилась мне в голову.

Но маркиза не слышала последних слов. Она была ошеломлена известием о смерти де Лонея, которого знала лично.

– О, король жестоко накажет этих негодяев! – воскликнула она. – Может быть, наказание уже совершено, и они колесованы?

– Может быть, когда-нибудь и накажет, но не теперь. Чернь нельзя узнать. Здесь произошло маленькое столкновение: Гонто сбили с ног, да и я сам едва ускользнул. Если

бы господин де Со не сдержал этих людей, – продолжал он с ехидным смехом, – то я боюсь, что нам пришлось бы очень плохо.

Тут только маркиза начала что-то понимать. Лицо ее приняло высокомерное выражение, а холодный взгляд остановился на мне.

– Разве это люди, господин де Со? – спросила она, указывая на оборванцев, стоявших поодаль и наблюдавших за нами.

– Это его лейб-гвардия, матушка. Впрочем, вы должны быть благодарны ему. Если он не спас мне жизнь, то, во всяком случае, спас красоту...

– С помощью этого отребья? – гневно спросила она.

– С помощью этого отребья или от него, – весело отвечал он. – Кроме того, дня через два – три нам придется просить у виконта защиты. Я уверен, что в этой просьбе он уж вам не откажет.

Я стоял, внутренне беснуясь против его выходок, но был бессилён сделать что-либо против него самого.

– Ни я, ни мои родные, мы не желаем иметь дело с изменником, – сказала она, пронзая меня блестящими от гнева глазами.

– Маркиза! – воскликнул я, пораженный ее несправедливостью. – Вы сами не знаете, что говорите! Если я встал между вашим сыном и опасностью, то вовсе не из тех гнусных побуждений, какие вы во мне предполагаете.

– Мне нет надобности предполагать это, когда за вами целая толпа черни. Разве необходимо кричать: «Долой короля!», чтобы стать изменником? Уходите прочь от моего дома, или я позову сюда слуг, и они прогонят вас отсюда бичами, – продолжала она, обращаясь уже к стоявшим в отдалении простолюдинам.

В гневе маркиза топнула ногой и, к моему изумлению, люди, которые должны были бы понимать всю тщету ее угроз, съежились и стали разбегаться, как собаки. В одну минуту улица была пуста.

– Учитесь, сударь, – заговорила она опять, сверкнув глазами. – Вот ваш храбрый народ. Прошу и вас удалиться: в моем доме нет места изменникам.

С этими словами она сделала мне знак идти с тем же высокомерным презрением, с каким разогнала толпу. Но прежде я успел крикнуть ей:

– Ведь вы были в дружеских отношениях с моим отцом! – и пока она не успела мне ответить, продолжил: – Вам следовало бы помочь мне, а не оскорблять меня. Если бы я был даже самым преданным слугой королю, то и тогда перенесенных мною оскорблений было бы достаточно, чтобы сделаться изменником. Я попрошу вас это запомнить.

Чернь уже рассеялась на площади, но в переулках и улицах толкалось еще много народа. Везде стояли группы, оживленно беседовавшие между собой. Слово «Бастилия» было у всех на языке. При моем приближении все сняли шапки.

– Бог да благословит вас, господин де Со. Вы – добрый человек, – неслоь мне в след.

По приезде домой я чувствовал себя как в лихорадке. Мне хотелось скорее посоветоваться с человеком, который один мог вывести меня из создавшегося положения. То был отец Бенедикт, наш домашний капеллан. Он встретил меня во дворе, около того места, где некогда стоял позорный столб. Было довольно темно, и я не мог видеть его лица.

– Началось, – проговорил он, провожая меня в аллею.

– Вы слышали?

– Мне говорил Бютон.

– А разве он здесь? – спросил я с удивлением. – Часа три тому назад я видел его в Кагоре.

– Такие новости распространяются с быстротою молнии. Теперь всего надо ждать. Толпа взяла Бастилию, а кто помогал толпе? Солдаты, французская гвардия. Если нельзя положиться на армию, то конец и всяким привилегиям, конец Фулонам¹⁶ и Бертье,¹⁷ конец голодовкам...

– Но если армия на стороне народа, – прервал я его, – то чем же это может закончиться?

– Нужно готовиться ко всему.

– Не разделите ли вы со мною ужин? – спросил я. – Мне

¹⁶ Фулон Жозеф Франсуа (1717–1789) – суперинтендант, генеральный контролер, обвинявшийся народом в огромной величине налогов и цен. Был убит вскоре после взятия Бастилии.

¹⁷ Бертье – интендант, откупщик податей Парижа, скупщик хлеба, тиран. Был повешен также вскоре после штурма и взятия Бастилии.

бы хотелось рассказать вам кое-что и попросить у вас совета.

Он охотно согласился.

– Я все равно не засну в эту ночь, – промолвил он. – Большая новость, господин виконт. Ваш отец выслушал бы ее с радостью.

– А смерть де Лонея?

– Без жертв не бывает перемен, – твердо отвечал он. – Его отец совершил немало грехов, во искупление которых и пал жертвой сын. Царство ему небесное! Я слышал, что он был добрый человек.

Только тогда, когда мы уселись в каштановой гостиной, занявшись сыром и фруктами, я смог оценить во всем объеме то впечатление, которое произвело на аббата взятие Бастилии. Когда он слышал или говорил об этом, все его худое и длинное тело дрожало от возбуждения.

– Это конец, – повторял он. – Ваш отец не раз говорил, что вся сила в деньгах. А денег теперь нет. Изменила и вооруженная сила. Не осталось ничего.

– А король? – спросил я его, невольно вспоминая о маркизе.

– Да благословит его Бог! У него хорошие намерения, но без народа, без денег, без армии – он король только по имени. И имя это не спасло уже Бастилии.

Я рассказал ему все, что произошло со мной. Когда я описывал сцену в собрании, он не мог более оставаться спокойным, вскочил со стула и принялся ходить по комнате, что-то

бормоча про себя. Услышав, что толпа кричала: «Да здравствует Со!», он посмотрел на меня восхищенными глазами и тихонько повторил эти слова. Когда же я дошел в своем рассказе до мучивших меня сомнений о том, какой же выбор сделать, он замолк, присел к столу и принялся крошить хлеб.

V. Депутация

Он долго сидел молча, устремив взор на стол.

– Ну? – не без раздражения заговорил наконец я. – Что вы скажете на это?

Тут я нарочно отодвинул один из подсвечников, чтобы лучше видеть его лицо. Но он продолжал молчать, играя хлебными крошками и не поднимая глаз.

– Господин виконт, – промолвил он, – по моей матери я – тоже дворянин.

Я знал это обстоятельство, но никогда не придавал ему такого значения.

– Итак, вы... – начал я в изумлении.

– Не то, – остановил он меня, поднимая руку. – По отцу я вышел из народа. К тому же я принадлежу к числу бедняков. Однако...

Поднявшись со своего места, он взял подсвечник и повернулся к стене, на которой висели портреты моих предков.

– Антуан дю Пон, виконт де Со, – громко прочел он подпись под портретом. – Он был добрый человек и друг бедных. Царство ему небесное.

– Адриен дю Пон, виконт де Со, – продолжал он читать, – Полковник фландрского полка. Он был убит, если не ошибаюсь, при Миндене. Кавалер ордена Св. Людовика...¹⁸ А вот

¹⁸ Точнее, крест Св. Людовика – королевский орден, уничтоженный революци-

Антуан дю Пон, виконт де Со, маршал и пэр Франции, кавалер многих орденов, член королевского совета, умер от чумы в Генуе в 1710 г. Кажется он был женат на одной из Роган...

Потом он перешел к другой стене и молча остановился перед одним из портретов.

– Антуан дю Пон, сеньор де Со, кавалер ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Умер в Валезе во время великой осады от ран, по словам одних, или от непомерных трудов, как утверждают другие. Воин – христианин.

И, посмотрев с минуту на этот портрет, он поставил подсвечник на стол. В окружавшей нас темноте освещены были только наши бледные возбужденные лица.

– Господин виконт, – с поклоном произнес кюре, – вы происходите из очень древнего и благородного рода.

Я пожал плечами.

– Это я знаю. Что же дальше?

– Я не решаюсь давать вам советы.

– Но дело, за которое я стою, заслуживает полного сочувствия.

– Да, конечно, – медленно промолвил он. – Я это всегда утверждал. Но народ должен сам защищать свое дело.

– И это говорите вы! – в смущении и гневе воскликнул я. – Вы, тысячу раз говоривший, что вы тоже из народа, что во Франции должны быть только народ и король!

Он как-то печально улыбнулся и забарабанил по столу

пальцами.

– Это не теория. А когда дело доходит до практики, сердце говорит другое. Во мне самом есть дворянская кровь, и я знаю, что это такое.

– Я не понимаю вас, – с отчаянием сказал я. – Ведь я только что сказал вам, что на собрании дворянства я говорил за народ, и вы же меня одобрили.

– Это было благородно, – отвечал отец Бенедикт с тонкой улыбкой. – Боритесь за народ среди равных себе. Но если дело дойдет до борьбы между народом и классом, к которому вы принадлежите, и если дворянину придется делать выбор, то...

Голос отца Бенедикта слегка задрожал, и он еще проворней забарабанил пальцами:

– ... то я предпочел бы видеть вас в рядах вашего сословия.

– Против народа?

– Да, против народа, – продолжал он, съеживаясь. – Разумеется, это нелогично. Дело реформ, честного, дешевого заработка, справедливости – такое дело не может быть несправедливым. Но инстинкт не позволяет мне стать на эту сторону.

– А как же Мирабо? Ведь недаром его называют великим человеком? – спросил я. – Я слышал, что и вы нередко отзывались о нем с величайшим уважением.

– И даже очень часто, – отвечал аббат, продолжая барабанить по столу пальцами. – Но что делать, у меня нет твердо-

сти убеждений. Я знаю, как отзываются ныне об инакомыслящих, и мне не хотелось бы, чтобы так говорили о вас. Есть вещи, которые хороши только издали, – сказал он, отворачиваясь, чтобы скрыть жалость, светившуюся в его глазах.

Несколько минут мы оба молчали.

– Но ведь и мой отец был на стороне реформ, – промолвил я наконец.

– Да, на стороне реформ, которые должны были совершаться дворянами для народа.

– Но ведь дворяне-то и изгнали меня...

– Так бывает всегда: народный трибун становится изгнанником.

Перспектива, ожидавшая меня, представилась мне с совершенной ясностью, и я понял, почему отец Бенедикт колебался так долго.

Кюре скоро простился со мной. После его ухода я целый час ходил по каштановой аллее, потом, остановившись у железной решетки парка, долго смотрел на расстилавшуюся за ней дорогу. Наконец я повернулся и пошел к своему серому островерхому дому с башенками по углам.

Где-то за домом невовремя закричал петух. Среди полей далеко-далеко в тишине залаяла собака. С небес торжественно глядели на землю звезды.

Я подумал о внезапно потерянной невесте, и эта мысль наполнила меня слабым сожалением, не лишенным даже приятности. Желал бы я знать, что она думает обо мне после на-

шего внезапного разрыва? Возбудило ли это вообще ее мысли, ее любопытство, или она пришла к заключению; что так идет всегда: женихи появляются и исчезают?..

... Была среда 22 – го июля. Вечером этого дня Париж весь дрожал от невиданных еще событий. Первый раз раздался на его улицах крик: «На фонарь!», и старец с длинной седой бородой закрутился на веревке, пока смерть не остановила его мучения.

Париж был свидетелем того, как разорвали на части столичного интенданта, и многих других событий, заставивших побледнеть сторонников реформ.

Прошла неделя, 29 – го июля снова зашел ко мне отец Бенедикт.

– Что вы думаете о парижских событиях? – спросил я.

– То же, что и прежде. Без денег, без солдат, с народом, умирающим от голода, с интеллигенцией, у которой в голове одни теории, – что тут может сделать Правительство? Будет период беспорядков. Но силы, стоящие на стороне законности и порядка всегда одерживали верх. Так будет и на этот раз.

– Что тебе надо, Жиль? – спросил я подошедшего к нам лакея.

– Из Кагора приехал к вам Дюри.

– Хозяин гостиницы?

– Так точно, и с ним Бютон. Они желают вас видеть.

– Оба вместе? – спросил я, пораженный этим странным

сочетанием.

– Да, сударь.

– Хорошо, веди их сюда, – сказал я, теряясь в догадках о причине приезда Дюри. Ведь я заплатил ему по счету!

– Увидим, – промолвил аббат, переводя взор на дверь. – Знаете, я чувствую себя не так уж уверенно.

Хозяина гостиницы, человека ловкого и услужливого, я знал давно, хотя никогда не мог представить его отдельно от его гостиницы и ее посетителей. На этот раз к его обычной услужливости примешивалось чувство собственного достоинства. Он то важно поджимал губы, то вдруг конфузился и кланялся с видом малодушия. Его костюм также вызывал удивление: вместо черного камзола, какой обычно носят люди его положения, на нем красовался голубой, с золотыми пуговицами. На груди и на шляпе у него были два банта из белых, синих и красных лент¹⁹.

Его спутник, державшийся позади и представлявший своей огромной фигурой резкий контраст с горожанином, разукрашен был точно так же. Встретившись со мной глазами, он покраснел и старался, насколько возможно, спрятаться за Дюри.

– Добрый день, Дюри, – сказал я, чуть было не рассмеявшись его важности, но серьезный вид кюре удержал меня.

– Что вас привело в Со? Вам что-нибудь нужно от меня?

¹⁹ Белый цвет был цветом королевского знамени, так что трехцветные кокарды должны были означать единение короля с народом.

– Точно так, господин виконт, – начал трактирщик и вдруг выпрямился во весь рост. – Нас привели сюда общественные дела. Мы хотели бы поговорить о них с вами. Теперь происходят большие перемены, и нам нужен совет.

Я пожал плечами и взглянул на кюре.

– В чем же дело? – поинтересовался я. – У вас плохо идет торговля вином?.. Или...

– Извините, сударь, – перебил он меня с достоинством. – Теперь не время шутить. Теперь содержатель гостиницы и дворянин оба подвергаются не меньшему риску. Оставленные теми, кто должен был вести их, они...

– Что такое, хозяин? – вскричал я.

Дюри густо покраснел:

– Надеюсь, господин виконт понимает, что я говорю о народе. Оставленные теми, кто должен был быть их естественными защитниками...

– Но кто же оставил народ?

– Разве вы еще не слышали? Герцог д'Артуа,²⁰ принц Конде,²¹ герцог Полиньяк... Через три дня после взятия Бастилии эти принцы крови все бежали тайком из Франции.

– Это невозможно! – вскричал я опять. – Для чего им бе-

²⁰ Имеется в виду граф д'Артуа (так и далее в тексте) – брат Людовика XVI, позднее, после событий 5 – 6 октября 1789 г. (см. ниже) возглавивший образовавшийся в Турине, вблизи французской границы, а затем в Кобленце, центр контрреволюционной эмиграции.

²¹ Принц Конде (1736–1818) – один из руководителей дворянской эмиграции в Кобленце.

жать?

– Вот в этом-то весь вопрос, господин виконт. Одни говорят, для того, чтобы своим отстранением от дела наказать Париж. Другие утверждают, что это сделано для того, чтобы выразить свое неудовольствие против амнистии, объявленной на днях его величеством. А третьи уверены, что они хотели избежать участи Фулона.

– Вздор! – строго остановил я его. – Ты говоришь вздор. Отправляйся назад к своим супам и наварам. Что ты можешь понимать в государственных делах? Если бы ты посмел так говорить о принцах крови при наших дедах, то тебя посадили бы на шесть недель на хлеб и воду.

Забыв о своей новой внешности, он забормотал какие-то извинения. Я хотел было прочесть ему нотацию, как вдруг, к моему изумлению, в разговор вступил Бютон.

– Это было лет тридцать тому назад, – ворчливо произнес он.

– Как? Ты тоже здесь по государственным делам?

– Да, господин виконт.

– Почему же вы, в таком случае, не привели с собой еще сторожевой собаки? – воскликнул я, приходя во все большее изумление. – Или козла от фермера Жана?

Тут я почувствовал, что кюре тихонько дотронулся до моего плеча.

– Может быть, лучше выслушать, что им нужно? – мягко заметил он.

Я молча кивнул головой.

– Что же вам здесь нужно?

– Интендант бежал, – заговорил Дюри, вернув себе прежнее достоинство, – и мы, следуя примеру Парижа, образовали комитет, который будет управлять местными делами. Чтобы справиться со своей задачей, комитет, членами которого мы оба имеем честь быть, должен включать в себя представителей всех классов. И мы пришли просить вас, господин виконт, не только войти в состав комитета, но и...

– Но и?

– Но и стать его председателем.

– Благодарю вас, господин трактирщик, – заговорил я, едва оправившись от такой наглости. – Если я правильно вас понял, вы предлагаете мне заседать в вашем комитете рядом с этим человеком? – продолжал я, указывая на Бютона. – С этим мужиком, который родился в моих поместьях и до вчерашнего дня подлежал моему суду?

– Но, господин виконт, – промолвил Дюри. – В комитете должны быть представлены все.

– Комитет! – закричал я, не в состоянии сдерживать овладевший мной гнев. – Это что-то новое во Франции! Что же будет делать этот комитет?

Дюри тоже взял себя в руки и вновь заговорил с важным видом:

– Интендант бежал. Народ больше не верит чиновникам.

Ходят слухи о разбоях.²² Нет хлеба. И комитет должен заняться всем этим. Надо принять меры по снабжению населения съестными припасами и по умиротворению местности. Кроме того, господин виконт, комитет войдет в сношения с Парижем.

– Одним словом, – перебил я, – управлять будет комитет, а король, очевидно, уже отрекся от власти.

Дюри как-то съежился и побледнел.

– Боже сохрани, – трусливо сказал он. – Комитет будет действовать от имени его величества.

– И его властью?

Трактирщик в смущении посмотрел на меня и что-то забормотал о народе...

– А, стало быть, меня приглашает управлять народ? Но ведь это значит присваивать себе права короля и заменять собою его чиновников, словом, совершить государственную измену. Понимаете?

Трактирщик дрожащей рукой вытер лоб. Вместо него опять заговорил кузнец.

– Господин виконт, – начал он, поглаживая бороду огромной ручищей. – Вы забываете, что комитету предстоит решить еще одну задачу.

²² После взятия Бастилии Францию охватили массовые волнения крестьян, уничтожавших замки своих господ и отказывавшихся нести повинности. В ответ Национальное Учредительное (с 9 июля) собрание приняло 11 августа 1789 г. несколько законов, фактически означавших гибель феодализма и отменявших восторженные феодальные права, сохраняя, впрочем, главные повинности.

Говорил он мрачно, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Какая же это задача?

– Охрана дворянства.

– От кого же? – кратко спросил я после небольшой паузы.

– От их собственных крестьян.

– Вот что! Стало быть, нас будут сжигать в собственных постелях?

Бютон покраснел сквозь загар и вдруг в первый раз взглянул мне прямо в лицо.

– Вы знаете, – заговорил он, – что я готов умереть за своего сеньора. Прежде, чем огонь коснется Со, он должен сжечь меня. Но, господин виконт, – продолжал он деловым тоном, – развелось много разных злоупотреблений, а этому надо положить конец. Женщины и дети умирают с голоду, и мы должны помочь им. Бедняки платят подати, а богатые люди свободны от них. Бедняки чинят дороги, а богатые только ездят по ним. У бедняков нет даже соли, а король ест на золоте. Всему этому надо положить конец, хотя бы и путем сожжения замков, – мрачно закончил он.

VI. Встреча на дороге

Неожиданное красноречие, обнаруженное кузнецом, уверенность, с которой он говорил, совершенно новый ход мыслей, который я никак не мог у него подозревать, – все это озадачило меня, и некоторое время я не мог сказать ничего. Дюри воспользовался этим, вновь вступив в разговор.

– Теперь вы изволите видеть необходимость такого комитета, – вкрадчиво сказал он. – Надо как-нибудь поддерживать спокойствие...

– Я вижу только то, что есть бунтовщики, которые находятся на воле, но которым лучше было бы сидеть в колодцах. Поддержание спокойствия – это дело короля... Администрации...

– Она же совершенно расстроена... – произнес было Дюри, но смутился.

– Так пусть приведут ее в порядок! – закричал я. – Ступайте прочь! Я не желаю иметь дела ни с вами, ни с вашим комитетом!

– Однако, в других провинциях Лианкур, Рошфуко отнеслись к этому делу иначе, – проговорил опять Дюри, сокрушенный неудачей своей миссии.

– А я не желаю, – возразил я. – Не забывайте, что вы потом ответите за свои действия. Я уже предупредил вас, что это государственная измена.

– Ну, в таком случае, быть пожарам, – пробормотал кузнец. – Не успеет наступить утро, как зарево будет уже на небе. И все это падет на вашу голову.

Я хотел запустить в него тростью, но он уклонился от удара и медленно пошел прочь. Дюри двинулся за ним. Его лицо стало еще бледнее, а парадный костюм висел на нем, как на вешалке.

Я молча стоял и смотрел на них, пока они не скрылись с глаз, потом повернулся к юре, желая услышать, что он скажет.

Но юре исчез. Может быть, для того, чтобы перехватить их у ворот и потолковать с ними. И действительно, скоро из-за угла показалась его сухая фигура, почти не отбрасывавшая тени: был полдень. Он что-то бормотал про себя, но, подойдя ко мне, поспешил принять бодрый вид.

– Я вступил в их комитет, – сказал он со слабой улыбкой.

– Не может быть!

– Почему же не может быть? Разве я не предсказывал наступления этого дня? Вам я советую оставаться на стороне вашего сословия. А я человек бедный и стану на своей стороне. Что касается комитета, то лучше хоть какое-нибудь правительство, чем вообще никакого. Вы сами прекрасно понимаете, что прежний механизм правления разрушен. Интендант бежал, народ на доверяет чиновникам. Солдаты заодно с народом, сборщики податей – Бог знает где...

– В таком случае нужно, чтобы дворянство...

– Приняло на себя руководство и стало править? – перебил он меня. – При помощи кого же? Кучки слуг и стражников? И это против такой толпы, что вы видели на площади? Невозможно!

– Кажется, все перевертывается вверх ногами, – сказал я тоном полной безнадежности.

– Нужно более крепкое и устойчивое управление, – произнес он, обмахиваясь шляпой. – Вот что я еще хотел вам сказать: я слышал от Дюри, что дворянство решило собраться в Кагоре, чтобы общими усилиями обуздать народ. Теперь это бесполезно и даже вредно. Это может привести к тем самым эксцессам, которых хотят избежать. Бютон говорил, конечно, не зря. Он сам – добрый человек, но знает, что есть люди другого склада, и есть не мало уединенно стоящих замков, где живут лишь нарядные женщины и дети.

– Неужели вы опасаетесь жакерий²³? – вскричал я в ужасе.

– Бог знает, что будет, – торжественно отвечал он. – Сколько лет знать веселилась в Версале, принося в жертву жизнь мужика. Теперь, может быть, пришел черед расплатиться за все это.

Кюре ушел, а я еще долго не мог успокоиться. Чтобы узнать новости, я велел оседлать лошадь и поехал в сопровождении двух слуг по направлению к Кагору. Едва выбрал-

²³ Жакерии – крестьянские восстания во Франции в период Столетней войны 1337–1453 гг. Само слово произошло от прозвища «Жак-Простак», данного крестьянам дворянами. Восставшие громили замки, убивали дворян, уничтожали акты феодальной зависимости.

ся я на большую дорогу, как из-за пригорка показался экипаж. Перевалив через гребень, он медленно спускался по дороге. На фоне ясного неба над кузовом четко вырисовывалась фигура дородного кучера и две головы стоявших на запятках лакеев. По мере приближения экипажа я сообразил, что он принадлежит маркизе де Сент-Алэ. Первым моим желанием было взять в сторону и избежать встречи. Но гордость помешала мне сделать это, и, натянув поводья, я двинулся ему навстречу.

Вскоре мы поравнялись. Втайне надеясь встретить Луи, я был убежден, что встречу саму маркизу. Поэтому, проезжая мимо, я снял шляпу и отвесил поклон: вежливость нигде не мешает.

Ожидания мои не оправдались: вместо маркизы посередине экипажа восседала маленькая мадемуазель Дениза. После всего случившегося ранее я должен был ограничиться поклоном, не произнося ни слова. Но я заметил, как лакеи оскалили зубы – вероятно, обращение со мной маркизы сделалось предметом их пересудов. Тотчас бледное лицо Денизы вспыхнуло, и я инстинктивно остановил лошадь. Перед мадемуазель сидели спиной к упряжке две служанки, уставившиеся на меня с самым глупым видом.

– Мадемуазель! – воскликнул я.

– Монсеньер, – машинально ответила она.

В сущности было сказано все, что было допустимо в данной ситуации. Оставалось только раскланяться и ехать даль-

ше. Но что-то заставило забыть меня о правилах этикета, и я спросил:

– Вы изволите ехать в Сент-Алэ?

Ее губы зашевелились, но ответа я не расслышал. Вместо нее ответила – и довольно грубо – одна из ее служанок:

– Предположим, да.

– А сама маркиза де Сент-Алэ?

– Маркиза по делам осталась в Кагоре с сыном, – тем же тоном отвечала прислуга.

Теперь уже наверное мне следовало ехать, но вид девушки, еще недавно бывшей моей невестой, заставил меня высказать все же опасения, которые были у меня в голове.

– Мадемуазель, – порывисто сказал я, не обращая внимания на служанок. – Если вам угодно выслушать мой совет – не ездите туда.

– Вот как! – вскричали дерзко обе служанки, покачивая головами.

Маленькая маркиза молчала некоторое время.

– Почему же? – вдруг спросила она. Любопытство, видимо, пересилило в ней робость.

– Потому что, – почтительно начал я, – состояние округа таково, что... Я опасаюсь, что вы не изволите знать...

– Что же? – застенчиво переспросила она.

– Что в Сент-Алэ есть много недовольных...

– В Сент-Алэ?

– То есть, я хотел сказать, в его окрестностях, – неловко

поправился я. – По моему мнению, было бы лучше, – продолжал я в смущении, – если бы вы вернулись назад.

– Чтобы составить вам компанию, вероятно, – хихикнув, проговорила одна из служанок.

Мадемуазель быстро взглянула на мою оскорбительницу и, вспыхнув, неожиданно громко приказала:

– Трогай!

Выглядел я довольно глупо, но мне не хотелось отпускать ее одну.

– Тысячу извинений, мадемуазель... – заговорил было я.

– Трогай! – крикнула она опять тоном, недопускающим никаких возражений. Дерзкая служанка громко повторила приказание. Экипаж тронулся, и я остался на дороге один все с тем же глупым видом.

Обсаженная тополями дорога, спускавшаяся вниз, подпрыгивающий на ухабах экипаж, насмешливые физиономии лакеев, обернувшихся ко мне и глазевших на меня сквозь пыль – все это я помню, как теперь.

Взбешенный на самого себя, я не мог не сознавать, что перешел границу дозволенного и заслужил такой отпор. Лицо Денизы де Сент-Алэ, полное удивления и презрения, не выходило у меня из памяти всю дорогу, и, вместо того, чтобы думать о комитете, я невольно думал о ней.

Очнулся от дум я лишь на половине дороги в Кагор. Тут я остановил лошадь. Возбуждение овладело мной и усилило мою нерешительность. Через полчаса я могу быть у марки-

за Сент-Алэ и, что бы ни случилось, исполню свой долг и упрекнуть себя потом будет не в чем. Но можно вернуться домой и через те же полчаса быть в полной безопасности, не выиграв, однако, в собственном уважении к себе.

Поколебавшись так некоторое время, я все же двинулся вперед и через полчаса уже переезжал Валандрийский мост.

Высокомерие, с которым обращалась со мной маркиза, было еще свежо в моей памяти. Из гордости и самолюбия я раз десять хотел повернуть назад, но каждый раз передо мной мысленно являлись физиономии простолюдинов со злыми глазами, виденные мною в деревне. Ужасы, которые могли произойти прежде, чем подойдет помощь из Кагора, заставляли меня продолжать путь.

Переполненные народом улицы, несомненно, свидетельствовали о беспорядках. Вновь повсюду видны были группы людей, горячо обсуждавших что-то. В двух-трех местах ораторы стояли на стульях, окруженные толпой бездельников. Некоторые лавки были закрыты, перед булочными стояли стражники. Я заметил, что в руках прохожих было много газет. Мое появление вызвало удивление. Кое-кто поздоровался со мною, но большинство смотрело на меня молча. В двух местах раздались даже крики против меня.

Это рассердило было меня, но произошло нечто, заставившее забыть гнев. Кто-то сзади окликнул меня по имени. Оглянувшись, я увидел Гонто, спешившего за мной, насколько ему позволяла его хромота. По обыкновению, он

опирался одной рукой на лакея, а в другой держал палку и табакерку.

– Вот уже несколько месяцев я не испытывал такого удовольствия, как от встречи с вами, – начал он с подкупающей сердечностью. – Вы превзошли всех нас, господин виконт. Вы хорошо проучили их, а знаете текст: «На небесах больше радости об одном раскаявшемся грешнике, чем...» Ха-ха-ха! Теперь мы опять с вами вместе.

– Позвольте, барон, – промолвил я в величайшем изумлении. – Я вас совершенно не понимаю!

– Не понимаете? А, вы думали, что мы не узнаем этого так скоро? – проговорил он, со значительным видом покачивая головой. – Мы хорошо осведомлены. Кампания началась, и не следует пренебрегать нашим информационным бюро. Этот мошенник Дюри все выболтал. Я слышал, вы прочли ему превосходную нотацию! Комитет! Скажите, что выдумали, негодяи! Если б вы присоединились к ним...

Он вдруг остановился. Какой-то человек, переходивший улицу, толкнул его. Старик, памятуя недавние события, вышел из себя и замахнулся на прохожего. Тот трусливо убежал.

Но барону было нелегко успокоиться.

– Бродяга! – кричал он вслед убежавшему дрожащим от гнева голосом. – Опять хотели сбить меня с ног. Погодите, мы поставим вас на место! Когда я был молод...

– Вы уверены в том, что нам удастся сдержать их? – спро-

сил я Гонто, чтобы отвлечь его от этого инцидента, ибо около нас уже собралось несколько человек, бросавших злобные взгляды.

Старый барон все еще не мог овладеть собой.

– Вы увидите! – кричал он. – Вот, наконец, мы и у цели. Видите, на балконе сидит маркиза де Сент-Алэ со своими телохранителями? – добавил он, посылая воздушный поцелуй. – Поднимайтесь наверх, вы узнаете, что вас ждет, а я счастлив, что привел вас сюда.

Все происходящее казалось мне просто сном. Две недели назад меня с насмешками выгнали из этого дома, а теперь мне приветливо махали платками с балкона. На лестнице, где толпилось множество слуг и лакеев, меня встретили громом аплодисментов.

Всюду мне любезно предлагались табакерки, а блестящие взгляды из-за вееров по блеску могли равняться с зеркалами. В дверях меня встретил Луи. Навстречу мне вышла маркиза, словом, получился какой-то триумф, совершенно мне непонятный. Впоследствии я узнал, что отпор, данный мною Дюри по поводу комитета, был преувеличен чуть ли не в сотню раз. Люди, более благоразумные и рассудительные приветствовали в моем лице роялистскую реакцию²⁴, которой все ждали с первых же дней возникновения беспорядков.

Для того, чтобы заявить об истинной цели своего посещения, для того, чтобы объяснить, что хотя предложение де-

²⁴ Роялисты – приверженцы королевской власти.

путации и было мной отвергнуто, я вовсе не собираюсь действовать, против нее – для всего этого требовалось такое мужество, каким я похвастаться не мог.

Обстоятельства, вызвавшие появление у меня депутации Дюри, намеки Бютона, наконец насилия, произведенные парижской толпой, – все это оказало на меня сильное впечатление, которое никак нельзя было назвать благоприятным. Подобно тысячам других людей, с нетерпением ожидавших реформ, я отступал перед ними, начиная понимать, к чему они могут привести. Въезжая в Кагор, я всего менее рассчитывал присоединиться к партии де Сент-Алэ. Но объясняться с ним теперь я счел невозможным.

Будучи молодым, опьяненным лестью, я стал игрушкой обстоятельств – слабый в том, в чем нужно было быть твердым, и упрямый там, где надо было уступить. К тому же мадемуазель Дениза не выходила у меня из головы.

– Немало случилось с тех пор, как я видела вас в последний раз, господин виконт, – с достоинством начала маркиза. – Извините меня. Слово женщины и меч мужчины не наносят оскорбления.

Я поклонился, краснея от удовольствия. И немудрено: после двухнедельного одиночества я вновь обретал огромное влияние среди этих людей, говоривших сдержанно и серьезно со мной.

– Король, – продолжала маркиза, всегда ставившая короля на первое место, – через неделю или две примет нужные ме-

ры. До сих пор он получал неверные сведения. Теперь этому будет положен конец. А пока мы должны вооружить наших слуг, подавить беспорядки и оказать сопротивление грабителям.

– А что делать с комитетом?

Она улыбнулась и по-дружески коснулась моего плеча выхоленными пальцами:

– Мы обойдемся с ним так же, как обошлись вы.

Вокруг нас шумела толпа красивых и нарядных мужчин и женщин. Но под этой блестящей внешностью скрывалась дряхлость и духовная пустота, порочность и равнодушие. Пудренные парики, мушки, шелк и бархат придавали старому, отжившему свое, режиму вид силы и достоинства. Хотя военных здесь было немного, но шпагу носили все и все умели действовать ею. Увы, не все понимали, что страшное на дуэли оружие не годится против толпы, вооруженной камнями и дубинами. Им казалось, что для восстановления в провинции порядка достаточно будет каких-нибудь трехсот всадников.

Отбросив всякие мечты о реформах, я тоже стал думать, что сохранение порядка – это единственное, что требуется в данный момент. Говорить о мадемуазель было как-то неловко в такую минуту: я предчувствовал, что буду осмеян за мои опасения и молчал.

Дав обещание приехать сюда завтра, я собирался уже уходить.

Двинувшись к выходу, я столкнулся с Луи. Тут только я спросил его, уверен ли он, что его сестра в Сент-Алэ находится в безопасности.

– Какое же в этом может быть сомнение? – в свою очередь спросил он, кладя мне руку на плечо.

– Волнения замечаются не только в городе, – осторожно намекнул я.

В ответ Луи пожал плечами.

– Вы придаете этому слишком большое значение, – отвечал он. – Поверьте, раз мы будем действовать все вместе, беспорядки прекратятся сами собой.

Этот разговор происходил накануне 4 августа, накануне того самого дня, когда в Париже Национальное собрание в ночном заседании уничтожило все привилегии, феодальные права, десятину²⁵ и налог на соль.

А Луи думал, что беспорядки уже кончились!

²⁵ Церковная десятина – десятая часть дохода, которую церковь брала с населения, в основном с крестьян.

VII. Тревога

В те времена большой костер на площади, да три-четыре фонаря на углах улиц составляли все освещение города. Проехав Валандрийский мост, я остановился на пригорке, чтобы дать лошади немного отдохнуть, и оглянулся на Кагор. Город исчез в темноте, лишь местами виднелись желтые пятна света. Вокруг города обвивалась, слабо поблескивая волнами, река, присутствие которой лишь угадывалось во мраке. По небу неслись быстрые облака, гонимые холодным, несмотря на жаркий день, ветром. Вся эта картина навевала какое-то торжественное настроение.

Пока я стоял на дороге, возбуждение, в котором я находился последние два часа, стало постепенно спадать. Все виденное мной в этот день, стало казаться довольно пошлым. Эти хвастливые циничные голоса, эти в высшей степени эгоистические планы, которым я должен был внимать в течение вечера, – все это представилось мне с особой отчетливостью.

Впрочем, что сделано, то сделано. На моей груди красовался белый бант, а я не ощущал никакого энтузиазма. По мере того, как падало настроение, приобретало особое значение то дело, ради которого я ездил в Кагор. Дернув поводья, я попробовал быстрой ездой рассеять овладевшие мной мысли.

Но ночью так же трудно ускользнуть от себя, как и днем.

Завывание ветра в ветвях деревьев, быстро бегущие облака и стук копыт – все действовало мне на нервы. На расстилавшейся передо мной равнине не было ни одной светлой точки. Казалось, что в этом море мрака я был единственным живым существом.

Наконец я добрался до холма, с которого открывался вид на поместье Сент-Алэ. Из-за крутизны склона здесь можно было ехать только шагом, и это тоже сильно раздражало меня. Вдруг я услышал сзади знакомый неверный звук и вспыл.

– Стой! – крикнул я, повернувшись в седле. – Твоя лошадь сломала подкову, а ты едешь, как ни в чем ни бывало! Слезай скорей и осмотри остальные!

– Виноват, – пробормотал Жиль, видимо задремавший дорогой.

Он быстро слез с лошади. Оказалось, что сломана была одна из задних подков. Это было уже не в первый раз. Бютон применял все способы ковать ее, но, как видно, не особенно успешно.

– Лошадь не может идти дальше в таком состоянии, – сердито сказал я.

Оба слуги молчали, внимательно рассматривая подкову. Потом Жиль заговорил:

– Кузница в Сент-Алэ находится недалеко от дороги за поворотом. Мы достучимся к Маленькому Жану, и он как-нибудь прибьет подкову. Только...

– Что только? – угрюмо спросил я.

– Я поспорил с ним на ярмарке в Кагоре, – смущенно сказал Жиль. – Он, пожалуй, не выйдет ко мне.

– Отлично, – резко ответил я. – Тогда я сам сейчас же поеду туда. А ты с лошастью оставайся здесь и жди.

В крайнем раздражении я слез с лошади и отправился пешком. Ближайший дом в деревне находился в четверти мили от этого места. Шагов через пятьдесят я был уже на перекрестке, откуда шла дорога в Сент-Алэ. Быстро я зашагал по ней, и вскоре голоса моих людей перестали долетать до меня.

По обеим сторонам дороги на возвышении росли тополя, отчего на самой дороге было темно, как в яме, и я должен был идти чуть ли не ощупью. Я споткнулся и едва не упал. Это было последней каплей, и я пустился ругать Жилья, дорогу за ее ухабы, луну за несвоевременное исчезновение. Непрерывный шелест тополей производил на меня странно удручающее впечатление. Внезапно до меня донесся какой-то шум, будто кто-то ехал за мной верхом. Я остановился и стал прислушиваться.

Сначала мне представилось, что слуги ослушались моего приказания, но вскоре я убедился, что звуки доносились спереди и были гораздо громче, чем бряцание уздечек. Вслепую я двинулся дальше и за поворотом сквозь просвет между деревьями заметил слабый красноватый свет. Мне показалось странным, что в кузнице еще работают.

Пройдя еще немного вперед, я очутился перед кузней и остановился в изумлении: работа в ней шла полным ходом. Два молота поднимались и опускались на наковальню с приглушенным стуком. Отблеск огня падал на дорогу и стоящие против дома деревья.

Была уже полночь, но около кузницы стояла толпа народа. Назвать точное число людей было трудно, да я и не пытался пересчитать все эти полуобнаженные фигуры со всклокоченными волосами. Некоторые из них были вооружены пиками и вилами, а какой-то человек делил их на группы и давал распоряжения. Все двигались в полной тишине, нарушаемой стуком молотов.

Я инстинктивно отступил в тень на край дороги и стал наблюдать дальше. Человек, бывший, очевидно, их предводителем, держал на плече топор, широкое лезвие которого ярко сверкало всякий раз, когда человек поворачивался боком к кузнице. Каждую секунду он был в движении; беспристанно переходя от одной группы к другой, вожак жестикулировал и ободрял их. Иногда он выбирал из группы какого-нибудь человека и толкал его в другую. Временами он что-то говорил, но за дальностью расстояния я не мог слышать. Когда же он входил в кузницу, его огромное туловище закрывало просвет двери. То был кузнец Маленький Жан.

Воспользовавшись тем, что при его входе в дом на дороге Делалось темнее, я несколько продвинулся вперед. Я уже понял, что происходит, но необходимо было узнать подроб-

ности. Ползком я подобрался к месту сборища еще шагов на тридцать и замер. Маленький Жан вышел с новой партией оружия и стал раздавать его. Слышно было, как они беспристанно повторяли имя Гаргуфа – управляющего маркизы де Сент-Алэ и первого врага крестьян. Теперь наступил час расплаты за прежние грехи!

Какой-то человек зажег факел и закричал:

– К замку! К замку!

Первым моим побуждением было броситься вперед и образумить их, заставить их угрозами или обещаниями отказаться от их намерений. Но в тот же самый момент благоразумие подсказало мне все безрассудство такой попытки. Передо мной были уже не крестьяне, не терпеливые мужики, а взбесившиеся звери.

Я пополз обратно и, выбравшись поодаль на дорогу, побежал назад, не обращая внимания ни на рытвины, ни на темноту. Едва переводя дыхание, добежал я до своих слуг и прерывающимся голосом объяснил им, в чем дело:

– В деревне восстание! Они хотят напасть на замок, а там находится мадемуазель... Жиль, скачи галопом в Кагор и предупреди маркиза. А ты, Андрэ, скачи в Со и расскажи все отцу Бенедикту. Скажи, чтобы он вел сюда всех, кого можно.

Оба слуги смотрели на меня во все глаза, открыв от изумления рты.

– А как же лошадь? – спросил Жиль.

– Бери мою и скачи немедленно! До лошади ли теперь?

Замок...

– А как же вы сами?

– Я вернусь домой садовой тропинкой. Сто ливров каждому, если удастся спасти замок! – вскричал я.

Я сказал «замок», не решаясь опять произнести вслух то, что было у меня на уме. Живо я воображал себе одинокую беззащитную девушку среди разъяренных чудовищ. Мысль о ней все время подгоняла меня. Я пересек поле и вскоре был уже у опушки парка. Ограды с этой стороны не было, ее заменяла живая изгородь из кустов и деревьев.

Замок Сент-Алэ, выстроенный отцом теперешнего маркиза, представлял собой здание с двумя флигелями, выходящее фасадом на дорогу и стоящее от нее шагах в ста. От железных ворот, всегда стоявших открытыми, вела к главному подъезду широкая пыльная аллея.

Бунтовщикам было недалеко идти, и ничто не могло задержать их. Я содрогался при мысли, как беззащитен замок и с ужасом представил, как толпа, вломившись в главный подъезд, быстро наводит парадную лестницу. И, спотыкаясь о кусты и корни, падая и вновь поднимаясь, покрытый потом и пылью, я все же летел вперед.

Наконец я оказался на тенистых аллеях парка, изобиловавших статуями нимф и фавнов. Я оглянулся на деревню. Между деревьями мелькали красные огоньки, и доносился отдаленный шум голосов: они приближались! Я бросился бегом по аллее. Через минуту я был у подъезда. Толкнув пле-

чом дверь, я убедился, что отворить ее не так уж легко! Каждая секунда была дорога. Огоньки скрылись за углом замка, но мое воображение рисовало мне, что бунтовщики уже у подъезда.

Я начал изо всей силы колотить кулаками в дверь. Тщетно вертел я дверную ручку: дверь не поддавалась. В безумном порыве я стал трясти ее и, наконец, забыв всякую осторожность, громко закричал.

Через минуту, показавшуюся мне вечностью, за дверью послышались чьи-то шаги, и под дверью мелькнула узкая полоска света.

– Кто здесь? – спросил дрожащий голос.

– Виконт де Со, – нетерпеливо отвечал я. – Впустите меня скорее. Слышите!

И я опять принялся колотить в дверь.

– Что случилось? – спросил тот же трепещущий голос.

– Деревня взбунтовалась! Они идут сюда, чтобы поджечь замок.

Отворяйте скорей, если не хотите заживо сгореть в ваших постелях! – кричал я.

Поколебавшись немного, слуга отпер мне, и я проскользнул внутрь. Передо мной стоял с подсвечником старый лакей маркизов Сент-Алэ, которого я не раз видел в передней. Свеча задрожала в его руках, когда он увидел меня. Быстро закрыв засов, я выхватил у него подсвечник.

– Скорее! – закричал я. – Наверх! Наверх!

Он что-то хотел сказать мне, но я не стал дожидаться. Зная дорогу, я кинулся к лестнице. Споткнувшись раза три-четыре о лежавшие на полу тюфяки служанок, я наконец добрался до входа во внутренние комнаты. В обступившей меня со всех сторон темноте свеча была не ярче ночника, но все же я убедился, что дверь заперта. Потом я бросился опять вниз и едва достиг последней ступени, как старый слуга, следовавший за мною так быстро, насколько позволяли ему больные ноги, сделал какое-то неловкое движение и задел прялку, стоявшую у стены. Она упала с грохотом, и слышался целый хор испуганных голосов. Шагая через три ступеньки, я поднялся вновь наверх. Передо мной очутился другой пожилой лакей с мальчиком, смотревшие на меня расширенными от ужаса глазами. За ними, прижавшись к обитому коврами дивану, тянувшемуся вдоль всей залы, стояли три или четыре женщины, с криками и плачем прятывшие лица в одежды друг друга. Они не обратили на меня даже никакого внимания, а только продолжали кричать и плакать.

Старик напрасно пытался заставить их замолчать.

– Где Гаргуф? – спросил я его.

– Он пошел запереть заднюю дверь, сударь.

– А мадемуазель?

– Она там.

Я оглянулся назад и заметил, что тяжелая занавесь, отделявшая залу от коридора, ведущего во внутренние ком-

наты, заколыхалась. Через мгновение показалась сама мадемуазель с бледным от страха лицом, но, видимо, сумевшая взять себя в руки. На ней было легкое платье, волосы были распущены. В темноте, которую не могли рассеять свечи, она сначала не заметила меня.

– Вернулся ли Гаргуф? – спросила она.

– Нет, но вот... – заговорил лакей, указывая в мою сторону.

Не узнав меня, она гневно вскрикнула:

– Да позовите сюда Гаргуфа! Неужели никто не хочет поинтересоваться?

– Мадемуазель, – сказал я, выступая вперед. – Вы должны немедленно бежать через парковые ворота.

Она вздрогнула и пристально поглядела на меня своими огромными глазами.

– Господин де Со! Вы здесь, – бормотала она. – Я не понимаю... Я думала...

– В деревне восстание! Через минуту бунтовщики будут здесь.

Глухой шум на дороге становился все явственнее. Женщины, притихшие во время нашего разговора, опять принялись кричать. Неосторожным движением одна из них уронила подсвечник. Старый слуга, сопровождавший меня, разбил его.

– Неужто нельзя заставить этих безумных вести себя спокойно! – в гневе закричал я. – Никто вас не тронет, не кричи-

те, а вы, мадемуазель, должны сейчас же следовать за мной. Нельзя терять ни секунды.

– Разве необходимо бежать? – вдруг спросила Дениза таким тоном, что я остановился в изумлении. – Разве нет какого-нибудь другого средства?

Шум все приближался.

– Сколько у вас людей? – спросил я.

– А вот и Гаргуф! – быстро отвечала она. – Он вам все скажет.

Обернувшись, я увидел поднимавшегося по лестнице управляющего. Лицо его было решительно и угрюмо. В одной руке он держал канделябр, в другой – пистолет. Я вновь спросил, сколько людей в его распоряжении.

– Здесь все, – упавшим голосом отвечал он, делая вид, что мое присутствие вовсе не удивляет его.

– Только-то?

– Было еще трое. Но двери оказались незапертыми, и они ушли.

– Мадемуазель должна сейчас же удалиться отсюда, – проговорил я поспешно.

– Как это сделать? – равнодушно спросил Гаргуф.

– Через ворота в парк.

– Но они уже там. Дом окружен со всех сторон.

Я вскрикнул от отчаяния, и в следующий момент, как подтверждение его слов, раздался сильный удар в парадную дверь, прокатившийся гулким эхом по всему дому. Вслед за

первым ударом послышался второй, третий...

– Вы должны спрятаться, – прошептал я мадемуазель. – Есть же здесь какое-нибудь место для этого... Вы...

– Я не желаю прятаться, – резко отвечала она.

Ее лицо было по-прежнему бледно, и только глаза горели как уголья.

– Это наши люди, и я буду говорить с ними, – продолжала она, храбро двинувшись вперед. – Если они осмелятся...

– Она с ума сошла! – воскликнул я. – Есть еще возможность спастись. Откройте окно!

Я уже хотел отдернуть занавеску, как вдруг передо мной очутился Гаргуф. Он схватил меня за руку и спросил:

– Что вы хотите делать?

– Я сам хочу говорить с ними из окна.

– Они не будут вас слушать.

– Все-таки я хочу попробовать. А это что еще такое?

– Это два охотничьих ружья маркиза. Возьмите одно, а я возьму другое. Мы, по крайней мере, не пустим их на лестницу.

Я машинально забрал одно из ружей. Дверь трещала под градом ударов. Снаружи неслись дикие завывания толпы. Помощи ждать было неоткуда приблизительно в течение целого часа. Сердце у меня невольно упало, и я только дивился мужеству управляющего.

– Неужели ты не боишься? – спрашивал я его, зная, как притеснял он крестьян и в течение многих лет всячески зло-

употреблял своей властью над ними.

– Ты останешься при мадемуазель? – продолжал я, чувствуя, как его присутствие возвращает мне самообладание.

В ответ он схватил мою руку, словно железными тисками, и более я не расспрашивал его.

Внезапно одна мысль молнией мелькнула в моей голове:

– Они хотят поджечь дом! Какой смысл нам охранять лестницу, когда они хотят сжечь нас, как мышей!

– В таком случае мы умрем вместе, – промолвил он, ткнув ногой одну из плакавших женщин. – Тише ты, рева! Неужто ты думаешь, что слезы тебе помогут?

Быстро подскочив к окну, я все же отдернул тяжелую занавесь.

В комнату ворвался красноватый свет, заигравший на потолке. Я боялся, что дверь вот-вот слетит с петель и будет уже поздно. К счастью, рама поддавалась легко. Я настежь распахнул окно и вскочил на подоконник, как раз над дверью главного входа.

Прямо перед ним горела большая голубятня, посылая к небу длинные языки пламени. Дым пожара несло прямо на парк, и он был весь окутан едкой гарью, сквозь которую местами поблескивали огни. На этом фоне виднелись черные фигуры беснующихся людей, подбрасывающих в огонь солому. За голубятней горел флигель и стог сена. Перед подъездом переливалась волнами толпа: одни били стекла в окнах, другие несли горючие материалы, и все это кричало, шумело

и, словно стая демонов, хохотало под треск пламени и звон разбиваемых окон.

Маленький Жан сновал впереди, раздавая какие-то приказания. В середине толпы приплясывала полуголая женская фигура, размахивая головней. Она первая увидела меня и с ругательствами показывала пальцем в мою сторону.

VIII. Гаргуф

Кто-то из нападавших потребовал молчания, и часть людей, затихнув, тупо уставилась на меня. Большинство, впрочем, грозило кулаками и осыпало меня ругательствами.

– Долой сеньоров! Долой тиранов! – носилось в воздухе.

Начало не предвещало ничего хорошего. Через минуту притихшая было толпа, заметив управляющего, или, быть может, вспомнив о предмете своей ненависти, от которого ее отвлекло мое появление, заревела снова:

– Гаргуфа! Гаргуфа!

Я почувствовал, что бледнею от этого крика.

– Гаргуфа! Подавайте нам Гаргуфа! Мы покажем ему, как обижать наших дочерей!

Дым стало оттягивать в сторону. В задних рядах наступавших раздался выстрел, и я услышал, как разлетелось вдребезги стекло позади меня. Кто-то, стоявший ближе, запустил в меня головней: она упала на подоконник и трещала у моих ног. Я сбросил ее ударом вниз.

Это заставило толпу на время прекратить крик, и я воспользовался моментом.

– Эй, вы! – закричал я, стараясь покрыть своим голосом треск пламени. – Слушайте! Солдаты уже идут из Кагора. Уходите, пока они не явились сюда. Тогда я заступлюсь за вас. Если же вы останетесь здесь и вздумаете буйствовать, то

вас повесят всех до единого!

Несколько голосов ответили мне насмешками, будучи уверенными, что солдаты с ними заодно. Некоторые утверждали, что дворянство уже уничтожено, а его имущества переданы им. С особенной настойчивостью кричал один пьяница:

– Долой Бастилию! Долой Бастилию!

Я замахал руками и закричал:

– Чего вы хотите?

– Правосудия! – кричали в одном месте.

– Мщения! – вопили в другом.

– Гаргуфа! Гаргуфа! – слышалось громче всего.

– Перестаньте, – вдруг закричал диким, хриплым голосом Маленький Жан. – Разве мы пришли сюда, чтобы орать зря? Сеньор, выдайте нам Гаргуфа, и мы вас отпустим! В противном случае мы подожжем дом!

– Каналья! – вскрикнул я. – У нас есть ружья...

– И у мышей есть зубы, однако они сгорают заживо.

И он с торжеством махнул своим топором в сторону, где горел флигель.

– Мы дадим вам минуту на размышление. Выдайте нам Гаргуфа, и мы расправимся с ним, как хотим. Остальные могут убираться.

– Это все?

– Все.

– А что же вы думаете сделать с Гаргуфом? – снова спро-

сил я, весь дрожа.

– Мы сожжем его заживо, – с ругательствами закричал кузнец.

Меня бросило в холод. Помощи из Кагора нечего было и ждать раньше часа-другого. Из Со ее не могло и быть. Дверь не сдержит более натиска разбойников. Их было раз в тридцать больше, чем нас. Я не знал, на что решиться.

– Даем одну минуту! – кричал снизу кузнец. – Одну минуту! Гаргуфа, или погибнете все!

– Подождите!

Я отвернулся от этих бесноватых фигур, от кружащихся над огнем голубей, прыгнул с подоконника и увидел другую сцену, не менее для меня ужасную. Комната, ранее едва освещенная двумя свечами, была озарена красноватыми отблесками пожара. Женщины уже перестали плакать и в молчаливом ужасе сбились в кучу. Старик-лакей, закрыв лицо руками, робко посматривал между пальцами. Одна мадемуазель, бледная как смерть, стояла спокойно. Она, очевидно, слышала наши переговоры.

– Вы дали им ответ? – тихо спросила она, встретившись со мною глазами.

– Нет. Они дали нам минуту на размышление, и...

– Дайте им ответ, – промолвила она, содрогаясь. – Скажите, что этого никогда не будет. Никогда! Только скорее! Иначе они подумают, что мы колеблемся.

Я, по-прежнему, не знал, на что решиться. В конце кон-

цов, что такое жизнь какого-то подлеца в сравнении с ее жизнью!

– Мадемуазель, – заговорил я, стараясь не смотреть на нее, – может быть, вы не подумали хорошенько. Отказать им – ведь это значит обречь нас всех на гибель, и, в то же время, не спасти его самого!

– Я подумала! – ответила она с решительным жестом. – Он служил моему отцу, а теперь служит моему брату. Если он и погрешил в чем-нибудь, то ради них. Но до этого, может быть, и не дойдет, – продолжала она, стараясь заглянуть мне в глаза. – Они не посмеют...

– Где он? – хрипло перебил я.

Она указала в угол комнаты. Я не узнавал теперь Гаргуфа. Я оставил его в припадке отчаянной храбрости, готовым дорого продать свою жизнь. Теперь он лежал, скорчившись, в углу. Хотя я говорил о нем вполголоса, не называя имени, он слышал и понял все. Его помертвевшее лицо исказилось от страха. Он пытался что-то сказать, но губы шевелились, не издавая звука.

Такого рода испуг действует заразительно. Я подскочил к нему в бешенстве и схватил его за ворот.

– Вставай, каналья! – закричал я. – Вставай и защищай свою жизнь!

– Да, да, я буду защищать мадемуазель, – зашептал он, поднимаясь. – Я...

Слышно было, как стучали у него зубы, а глаза бесцельно

блуждали по сторонам, словно у зайца, которого вот-вот нагонят собаки. Было ясно, что ждать от него нечего. Рев толпы показывал, что срок, данный мне на размышление, истек. Оттолкнув от себя Гаргуфа, я бросился к окну.

Однако, было уже поздно. Раздался такой сильный удар в дверь, что заколебалось пламя свечей. Женщины подняли вновь крик. В окно влетел большой камень, за ним другой, третий... Со звоном посыпались разбитые стекла. От дуновения холодного воздуха одна свеча потухла. Обезумев от страха, женщины с криком метались из одного угла в другой.

Все эти крики, завывание толпы, зловещий отблеск пожара, общая паника – все это сильно подействовало на меня, и я стоял, беспомощно озираясь и не зная, что предпринять.

Кто-то слегка дотронулся до моей руки. Повернувшись, я увидел перед собой Денизу, пристально всматривавшуюся снизу в мое лицо. Она была белее полотна.

– Спасите меня! – шептала она, прижимаясь ко мне. – Неужели ничего нельзя сделать? Неужели мы должны погибнуть?

– Мы должны выиграть время. Не все еще потеряно. Я попробую еще раз вступить с ними в переговоры, – отвечал я, чувствуя, как от ее прикосновения мужество возвращается ко мне.

Я вновь взобрался на подоконник. На первый взгляд снаружи все оставалось по-прежнему. Но, приглядевшись внимательно, не трудно было заметить, что бунтовщики уже не

двигались беспорядочно, а густой массой столпились напротив входных дверей, очевидно в ожидании, когда они будут взломаны. Я испустил отчаянный крик, надеясь удержать их от этой попытки. Но в общем шуме меня не было даже слышно.

Пока я кричал, стараясь привлечь их внимание к себе, двери наконец рухнули, и толпа с торжествующим криком вломила в замок.

Времени больше нельзя было терять. Одним прыжком я возвратился в комнату и остановился в недоумении: около меня никого не было. Снизу доносился топот ног по вестибюлю, через секунду толпа уже будет здесь! Куда же исчезли мадемуазель, Гаргуф, плакавшие женщины, которые только что были тут?

Внезапно что-то вроде стоны раздалось справа от меня, из-за двери, ведущей во флигель.

Едва я успел, перешагнув порог, затворить ее за собой, как в зале появились первые бунтовщики. Я быстро запер дверь на ключ, который, к счастью, оказался в замке, и пустился бегом через ряд комнат, оказавшихся передо мной.

В последней из них я нашел беглецов. Они скрылись с такой поспешностью, что даже не подумали запереть за собой двери. Последней комнатой был будуар самой маркизы, отделанный белым шелком и золотом. Здесь несчастные укрылись за высокими спинками золоченых кресел. Единственная свеча бросала свет на украшавшие будуар безделушки и

придавала какое-то особенное выражение их лицам, почти обезумевшим от страха.

Мадемуазель стояла впереди этой кучки людей. Узнав меня, она постаралась успокоить своих спутников. Я спросил, сам не узнавая своего голоса, где Гаргуф.

Оказалось, что они тоже не знали, куда он девался.

– Но ведь вы бежали за ним?

– Да, сударь.

Это не объясняло отсутствия Гаргуфа. Впрочем, не все ли равно, куда он спрятался: ведь помощи от него было немного.

Я с отчаянием огляделся. У меня было ружье и одного я мог уложить на месте, но какая от этого польза? Минуты через две мятежники неминуемо сломают дверь, и вся эта дикая орда накинется на нас...

– А лестница из чулана? Он убежал по лестнице из чулана! – закричал бывший в группе беглецов мальчик – единственное существо, не растерявшееся в эти страшные минуты.

– Где эта лестница? – спросил я.

Мальчик бросился было ко мне, но мадемуазель опередила его: со свечой в руке она выпорхнула в коридор, отделявший будуар от других комнат. В стене коридора одна дверь была открыта настежь. Это, очевидно, и был чулан. Я заглянул в него и увидел темную лестницу. Сердце мое подпрыгнуло от радости.

– Что там наверху?

– Крыша, – был дан мне ответ.

– Туда, скорее туда! – закричал я. – Скорее, они уже приближаются!

Я слышал, как трещала запертая мною на ключ дверь. Бунтовщики старались выломать ее, и это могло произойти в любой момент. Слышны были хриплые голоса и ругательства. Но все уже перебрались на крышу. Быстро закрыв за собой дверь из коридора в чулан, сильно пахнувший мышами, я ощупью полез наверх. На повороте лестницы темнота рассеялась, и я быстро оказался на крыше.

Зарево от горящего внизу дома ярко отражалось на большой трубе, стоявшей позади нас, и играло на небе; на листве больших каштанов, поднимавшихся верхушками до самой крыши, также лежал красноватый отблеск пожара.

Остальная часть крыши и желоба тонули в темноте, казавшейся по контрасту с освещенными местами еще гуще. Густой дым струями валил снизу и, временами, совершенно скрывал нас из виду. Шум бушевавшей внизу толпы доносился сюда довольно приглушенно. Ночной ветерок холодом пахнул нам в лица, и у меня была теперь минута-другая, чтобы осмотреться и собраться с мыслями.

– Есть ли еще лестница на крышу? – не без страха спросил я.

– Есть, сударь.

– Где? Впрочем, стой здесь и охраняй эту лестницу, – ска-

зал я, передавая ружье слуге. – Пусть мальчик пойдет со мной и покажет дорогу.

Парнишка побежал впереди и на гребне между двумя скалами крыши показал мне второй ход. Запереть его было нечем, и я не знал, что предпринять. К счастью, в нескольких шагах отсюда лежала груда кирпичей, оставшаяся, видимо, после ремонта трубы. Перетащив часть кирпичей к двери, мы в минуту заложили ее более, чем сотней штук. Поручив мальчику перетащить еще сотню, я бегом вернулся к женщинам.

Если бы бунтовщики подожгли весь дом, нам было бы не избежать мучительной смерти. Но здесь, по крайней мере, можно было свободно дышать. Внизу, в будуаре маркизы, среди шелковых подушек и тяжелого аромата духов, мне было не по себе. К тому же, замок был довольно длинен, и пламя не могло охватить все здание разом. А, тем временем, могла подойти помощь.

Я приложил руку к глазам, чтобы защитить их от света снизу, и жадно всматривался в темноту по направлению к дороге из Кагора. Через час, наверное, подоспеет помощь. Зарево видно за несколько миль отсюда, оно будет подгонять наших спасителей.

Придет на помощь и отец Бенедикт. Не все еще потеряно! Мы стояли, сбившись в одну кучу, стараясь ободрить измученных женщин.

– А где Гаргуф? – вдруг прошептал старик-лакей.

– О! Я и забыл про него! – воскликнул я.

– Куда же он девался, однако?

Крыши, как я уже сказал, не видно было в темноте. Кроме того, она была вся усеяна трубами, и Гаргуф мог быть где-нибудь около нас. А, быть может, он в отчаянии уже бросился вниз!

Пока я выяснял обстоятельства исчезновения Гаргуфа, опрометью прибежал мальчик, которого я оставил переносить кирпичи.

– Там кто-то прячется! – вскрикнул он, прижимаясь к старому лакею.

– Это, должно быть, Гаргуф, – отвечал я. – Подожди здесь.

И, не взирая на вопли женщин, умолявших меня остаться с ними, я побежал ко второму ходу на крышу, тщетно пытаюсь разглядеть что-нибудь в темноте. Вдруг до меня донесся какой-то шорох.

Кто-то копошился на самом краю крыши. Я стал осторожно продвигаться вперед, не зная, что меня ожидает. За одной из труб действительно оказался Гаргуф.

Он притаился в самой темной части крыши, там, где стена восточного флигеля выходила к парку.

Парк был объят мраком, и можно было разглядеть только угол здания, стоявшего между ним и горящим домом. Сначала я предположил, что Гаргуф забрался сюда, чтобы спрятаться в темноте. Решив, что он не видит меня, я вздумал было приблизиться к нему, но он, встав с колен, зарычал на

меня, как собака.

– Назад! – закричал он каким-то нечеловеческим голо-
сом. – Назад, или я...

– Послушай, ведь это я, виконт де Со! – заговорил я как
можно спокойнее, думая, что он не узнает меня от страха.

– Назад! – опять закричал он. – Назад, – повторил еще
раз, целясь в меня из пистолета. – Дайте мне одну минуту!
Я не хочу умирать! Назад!

– Да ты с ума сошел! – вскрикнул я.

– Назад, или я буду стрелять. Я не хочу умирать.

Он опять встал на колени и, цепляясь левой рукой за тру-
бу, чудом держался на самом краю крыши. Вступить с ним в
борьбу значило идти на верную смерть... Пришлось отодви-
нуться назад, но едва я сделал несколько шагов, как управ-
ляющий оторвался от трубы и полетел вниз.

У меня захватило дух. Но напрасно я прислушивался –
шума падения не было слышно. Вдруг спасительная мысль
блеснула у меня: я бросился к тому месту, где мгновение на-
зад был Гаргуф, и заглянул вниз.

Гаргуф висел в воздухе, футах в двенадцати от меня.
Осторожно он порывался спуститься ниже. Я инстинктивно
обшарил Рукой крышу вокруг себя и нащупал веревку, на
которой он висел. Она была привязана к трубе. Очевидно,
он припас эту веревку заранее и, как всякий трус, скрывал
свой план спасения, чтобы не уступать первой очереди ма-
демуазель и другим женщинам.

В порыве негодования я сначала хотел оборвать канат, но быстро сообразил, что если ему удастся спастись, то этот путь может пригодиться и для других.

Пока я обдумывал это, внизу в парке вдруг вспыхнул яркий свет, и человек двадцать мятежников бросились к дверям, через которые я еще недавно входил в замок.

Гаргуф, спустившийся уже до половины веревки, замер и перестал двигаться. При свете факелов, которые несли с собой бунтовщики, можно было видеть каждый узел веревки, конец которой волочился по земле при каждом движении Гаргуфа. Направляясь к входу в замок, негодяи должны были пройти в двух шагах от этого места. Возможно, что, ослепленные ярким светом факелов, они в своем возбуждении могли и не заметить веревки.

У меня перехватило дыхание, когда передний из шайки поравнялся с нею – мне показалось, что он что-то увидел. К счастью, он прошел мимо и вошел в подъезд. За ним последовали и другие. У меня отлегло от сердца. Оставалась одна женщина, та самая, что осыпала меня ругательствами, когда я появлялся в окне.

Она бежала, торопясь нагнать других, и можно было надеяться, что она тоже ничего не заметит. Факел она держала в правой руке так, что свет приходился между нею и веревкой. Как сумасшедшая она размахивала факелом, танцуя и приглашая остальных мужчин скорее разграбить замок.

Вдруг женщина остановилась напротив веревки, словно

присутствие человека, сделавшего ей так много зла, имело на нее какое-то особенное влияние. Я видел, как она медленно повернула голову и, отдалив факел в сторону, внимательно стала смотреть вверх. Через секунду она увидела Гаргуфа!

С радостным криком мегера бросилась к концу веревки и стала тянуть ее к себе, как будто таким путем она могла скорее овладеть несчастным управляющим. Мужчины, вошедшие было в дом, услышали ее хохот и вернулись обратно. Стоя на коленях на самом краю крыши, я дрожал всем телом, встречаясь с волчьими взглядами этих устремленных вверх глаз. Что же чувствовал в это время человек, поплатившийся за свой эгоизм и висевший беспомощно между небом и землей!

Он начал проворно взбираться опять наверх и поднялся уже футов на двенадцать, но вдруг силы оставили его. Никакие человеческие мускулы не выдержали бы такой работы. Он хотел было добраться до следующего узла, но не мог.

– Тяните меня кверху! – прохрипел он едва слышно. – Ради самого Бога!

Но бунтовщики уже ухватились за конец веревки, и втащить его наверх не было никакой возможности, даже если бы у меня хватило на это сил. Я крикнул ему, чтобы он поднимался сам, если хочет спасти свою жизнь, ибо через минуту будет уже поздно.

Он понял, с трудом добрался до ближайшего узла и опять повис. Потом, сделав невероятное усилие, дотянулся до вто-

рого. Я слышал треск его мускулов и тяжелое дыхание. Осталось преодолеть еще три узла, и он будет на крыше.

Вдруг он поднял голову и устремил на меня взор, полный отчаянья. Силы его иссякли. Мятежники с хохотом принялись раскачивать канат из стороны в сторону. Руки управляющего ослабели, и он со стоном спустился на два или три узла. Затем он опять уцепился за веревку и замолк.

Между тем внизу собралась целая толпа. Все выли и прыгали, словно собаки, дожидаящиеся лакомой пищи.

Я не мог видеть теперь лица Гаргуфа, но от этого ужасного зрелища кровь стыла у меня в жилах. Поднявшись и с ужасом ожидая, что вот-вот он упадет вниз, я пошел прочь от края крыши. Но едва я сделал пару шагов, как вспышка яркого света ослепила меня и раздался громкий выстрел. Тело управляющего мешком упало вниз, а на том месте, где он висел только что, вилось легкое облачко дыма.

Гаргуф не избег мести своих врагов.

IX. Трехцветный бант

Впоследствии мы узнали, что бунтовщики набросились на труп Гаргуфа и растерзали его, как дикие собаки. Но тогда с меня было довольно и того, что я видел.

Несколько минут я держался за трубу, дрожа, как женщина, и едва не падая в обморок. Я был единственным зрителем этой страшной драмы; одиночество, холодный ветер наверху и свалка внизу потрясли меня до глубины души. Если бы негодяи вздумали напасть на меня в то время, я не смог бы и пальцем шевельнуть.

К счастью, отрезвление пришло быстро и неожиданно.

Позади меня послышались чьи-то шаги, и чья-то рука легла на мое плечо. То была маленькая маркиза де Сент-Алэ.

– Вы вернетесь к нам? – сказала она, вопросительно поднимая ко мне свое лицо, казавшееся в темноте серым.

Я, наконец, оторвался от трубы. Мне стало стыдно, что в припадке малодушия я совсем забыл о ней.

– Что случилось? – спросил я.

– Дом горит.

Она произнесла это так спокойно, что сначала я не поверил ей, хотя и знал, что это должно было случиться.

– Что такое? Как горит? – глупо спрашивал я.

– Да, горит, – все так же спокойно повторила она. – Дым поднимается по чуланной лестнице. Видимо, они подожгли

восточный флигель.

Я бросился с нею к лестнице: через щели двери, ведущей на крышу, вился легкий дымок, едва заметный во мраке. Женщины уже бежали с этого места, и около струйки дыма, становившейся все заметнее и гуще, остались только я, да мадемуазель.

Когда я влезал на крышу, мне казалось, что я смело встречу эту опасность. Тогда представлялось, что хуже всего было попасться в руки мятежников вместе с женщинами в тех роскошных апартаментах, где так сильно пахло розовой пудрой и жасминовыми духами.

Теперь же угрожавшая нам гибель действительно была ужасна.

– Мы должны скорее убрать кирпичи и открыть другую дверь! – закричал я. – Скорее открывайте другую дверь!

– Они уже открывают, – отвечала мадемуазель.

Действительно, все, кто был на крыше, сгруппировались около второго хода, разбрасывая кирпичи, которыми мы завалили его.

– Мадемуазель, идите скорее, – кричал я. – Негодяи внизу, по всей вероятности, занялись грабежом, и мы сумеем спастись. Все равно, ничего другого нам не остается.

В темноте и распространившемся дыму уже в нескольких шагах нельзя было ничего видеть. Я стал шарить вокруг себя руками и нашел Денизу возле одной из труб. Она стояла на коленях, закрыв лицо руками, волосы ее распустились.

– Мадемуазель, – не без раздражения сказал я, находя, что теперь не время молиться, – нельзя терять ни одной минуты. Идемте! Ход открыт!

Она как-то странно взглянула на меня. Ее лицо было бледнее прежнего, и весь мой гнев сразу испарился.

– Я не пойду отсюда, – промолвила она. – Прощайте!

– Не пойдете? – воскликнул я в ужасе.

– Нет. Спасайтесь сами, – твердо и спокойно добавила она.

Я почувствовал, что задыхаюсь.

– Послушайте, – закричал я, пристально глядя на эту белешую во мраке фигуру. – Послушайте, вы не понимаете, что вы делаете! Остаться здесь – значит погибнуть, погибнуть наверное. Дом горит под нами. Сначала рухнет крыша, на которой мы стоим, потом...

– Это лучше, – прервала она, обращая лицо к небу с чисто женской величавостью. – Это лучше, чем попасть в их руки. Я – Сент-Алэ и сумею умереть с честью. Спасайтесь сами. Идите же, а я буду молиться за вас.

– В таком случае, я тоже остаюсь здесь, – отвечал я, недолго думая.

Что-то дрогнуло в ее лице. Она медленно поднялась с колен. Слуги уже бежали, ход был открыт и свободен. Схватив ее в объятия, я понес ее к лестнице – она была не тяжелее ребенка.

Сначала она слабо крикнула и пробовала бороться со мной, но я только крепче держал ее, продолжая бежать. В

открытом люке виднелась лестница, и я кое-как, все еще не выпуская ее из рук, спустился вниз и очутился в каком-то совершенно темном коридоре. В конце его, впрочем, брезжил слабый свет.

Я кинулся туда. Распушенные волосы мадемуазель били мне прямо в лицо. Она уже не сопротивлялась более, и вскоре я добежал до какой-то новой лестницы. Узкая и крутая, не крашенная и не совсем чистая, она, очевидно, предназначалась для слуг. Здесь не было еще никаких признаков пожара, и даже дым не проник еще сюда. Но на середине лестницы валялась горящая свеча, которую, видимо, кто-то только что уронил. Снизу доносились хриплые крики, смех, возня и суматоха. Остановившись, я стал прислушиваться.

– Поставьте меня на ноги, – прошептала мадемуазель.

– А вы сможете идти?

– Я буду делать все, что вы мне скажете.

Я поставил ее у первой ступени и шепотом спросил, куда ведет дверь, виднеющаяся у подножия лестницы.

– В кухню.

– Если б можно было чем-нибудь накрыть вас, – сказал я, – нам удалось бы пробежать. Нас они не ищут. Они грабят и пьют.

– Поднимите свечку, – прошептала она, – и мы попробуем найти что-нибудь.

Я прислушался еще внимательнее: в кухне послышался какой-то шум, становившийся все сильнее и сильнее. В то

же время до меня донесся запах дыма. Пожар, вероятно, распространялся и на флигель, в котором мы находились. Сзади нас была еще дверь. Налево по коридору виднелось еще несколько. – Я передал свечку моей спутнице и заглянул в ближайшую.

– Может быть, здесь найдется какая-нибудь накидка, – прошептал я. – Нельзя оставаться здесь долее.

Едва я успел произнести эти слова, как дверь внизу лестницы широко распахнулась, и какой-то человек бросился наверх к нам, шагая через две ступеньки. Он держал свечу в левой руке и железную палку в правой. Вслед за ним в растворенную дверь ворвался дикий хор голосов.

Его появление было так внезапно, что мы не успели даже двинуться с места. Краем глаза я взглянул на мадемуазель. Она совершенно застыла от ужаса, и только свеча сильно дрожала в ее руке. Я быстро вырвал свечу из ее пальцев и потушил пламя.

Потом, с подсвечником в руке, я стал ждать приближения незнакомца. Шпагу свою я где-то оставил, и теперь у меня не было другого оружия. Но лестница была довольно узка, и тут мог пригодиться и металлический подсвечник, особенно если другие мятежники не последуют за своим товарищем.

Он поднимался быстро, держа свечу перед собой. Нас разделяли всего пять или шесть ступенек, как вдруг он споткнулся и с ругательствами упал. Свеча его потухла, и мы остались в полной темноте.

Я инстинктивно схватил левой рукой мадемуазель, чтобы не дать ей вскрикнуть. Мы стояли, как статуи, затаив дыхание.

Упавший человек, несмотря на близость к нам, очевидно, не догадывавшийся о нашем присутствии, поднялся, продолжая браниться, и остановился. Слышно было, как он ощупью искал свою свечку. Потом он стал спускаться вниз, где долго, как мне казалось, не мог найти задвижку двери.

Дверь, наконец, открылась, и снова в нее ворвался на мгновение шум толпы. Пользуясь этим, я втолкнул мадемуазель в комнату, находившуюся позади нас и, оставшись сам у двери, стал прислушиваться.

Как, однако, найти здесь в абсолютной тьме какое-нибудь платье, чтобы переодеться? Как пройти потом через кухню? Я пожалел, что покинул лестницу. Воздух в комнате был совершенно спертым, к тому же, все с тем же мышиным запахом. Но ворвавшийся за нами дым становился все гуще и запахом его заглушал все остальные. Слышно уж было, как трещит пламя, охватившее стены флигеля.

Сердце у меня упало.

– Мадемуазель, – тихо позвал я.

– Я здесь, – слабо прошептала она.

– Нет ли отсюда окна на крышу?

– Есть, но оно, вероятно, закрыто.

У меня вдруг блеснула новая мысль: если пробраться через кухню невозможно, то, быть может, стоит попробовать

спасти через окно? Я хотел уже подойти к нему, но мадемуазель, к моему удивлению, крепко ухватилась за мое плечо. Раздался тихий стон, и она упала прямо мне на руки.

– Не падайте духом! Крепитесь! – твердил я, холодея от страха за нее.

– Я так боюсь, так боюсь! Спасите, спасите меня! – простонала она.

Мадемуазель держала себя вначале так храбро, что я был удивлен этой переменной, не подозревая, что даже самая храбрая из женщин подвержена таким перепадам настроения. Удивляться мне, впрочем, было некогда. Она все сильнее и сильнее наваливалась на меня, и напрасно было искать какой-либо помощи, какого-нибудь средства спасения. Кругом нас был кромешный мрак. Я уже не помнил, где была дверь, через которую мы вошли сюда. Напрасно я старался уловить малейший свет от окон. Я был совершенно один с полумертвой от страха девушкой на руках. Путь отступления был отрезан, а пожар подходил все ближе и ближе. Я почувствовал, как голова Денизы откинулась назад, и понял, что с нею обморок. Но в этой темноте я мог только поддерживать ее, прислушиваясь, не появится ли опять на лестнице напугавший нас человек.

Все было тихо. Вдруг на лестницу вновь ворвался шум толпы: из кухни, очевидно, опять открыли дверь. По ступенькам застучали деревянные башмаки. Я как-то сразу сообразил, где находится дверь, ведущая из комнаты, и, поло-

жив мадемуазель на пол, остановился у порога, сжимая в руке подсвечник. Я находился в полном отчаянии от своего бессилия.

С замиранием сердца вслушивался я в шаги. Услышав, что они замерли против двери, я крепко сжал в руке свое оружие.

Внезапно раздался голос, который я сразу узнал. Быстро растворив дверь, я очутился лицом к лицу с отцом Бенедиктом. С ним было еще трое мужчин. Впоследствии мне рассказывали, что в эту минуту я был похож на человека, восставшего из гроба.

Кюре бросился мне на шею и расцеловал меня.

– Вы не ранены? – прежде всего спросил он.

– К счастью, нет. Но как вы сюда попали?

– Слава Богу, попали как раз вовремя, чтобы спасти вас. А где мадемуазель де Сент-Алэ? – быстро прибавил он, оглядываясь кругом. – Вам что-нибудь известно о ней?

Я молча повернулся и вошел в комнату. Отец Бенедикт со свечой последовал за мной, а за ним, теснясь – трое его спутников, одним из которых был Бютон. Все это были простые крестьяне, но зрелище, представившееся их глазам, заставило их отпрянуть и обнажить головы.

Мадемуазель лежала на том самом месте, где я опустил ее на пол. Голова ее покоилась на подушке из собственных волос. Лицо было спокойно и бледно, как у мертвой. Один глаз был полураскрыт и, не моргая, глядел в потолок. Что

касается меня, то я смотрел на все это довольно спокойно – так много пришлось пережить мне за это короткое время.

– Боже мой! – воскликнул, зарыдав, отец Бенедикт. – Неужели они убили ее?

– Нет, – тихо отвечал я. – Она просто в обмороке. Если бы здесь была какая-нибудь женщина...

– Ни одной женщины здесь нет, за это можно поручиться, – пробормотал он сквозь зубы.

Приказав одному из своих спутников спуститься вниз и принести воды, он прибавил ещё несколько, слов, которых я не мог расслышать.

Вода была доставлена довольно быстро, и отец Бенедикт, заставив своих провожатых стать немного в сторону, принялся приводить мадемуазель в чувство, плеская воду ей в лицо. Он, видимо, очень торопился. Да и было от чего: комната все больше и больше наполнялась удушливым газом. Выглянув за дверь, я увидел, что огонь уже показался в конце коридора. Это заставило меня быть решительным, и я заявил отцу Бенедикту, что вынесу мадемуазель на руках.

– Здесь она никогда не придет в себя, – пояснил я, чувствуя, как рыдания сдавливают мне горло. – Она задохнется здесь.

В эту минуту в коридор ворвался густой клуб дыма, как бы подтверждающая мои слова.

– Я и сам так думаю, – медленно проговорил священник, – однако...

– Что однако? Ведь здесь оставаться все равно нельзя!

– Вы посылали в Кагор?

– Да. Разве маркиз уже прибыл?

– Нет еще. Видите ли, нас здесь всего четыре человека.

Если бы я стал собирать еще, то, вероятно, опоздал бы. А с этими тремя, что я могу сделать? Правда, половина негодяев, устроивших погром, перепилась, но другие явились сюда со стороны...

– Я думал, что все уже кончилось! – вскричал я.

– Не тут-то было, – серьезно отвечал он. – Они позволили нам пройти после долгих препирательств. Я и Бютон – мы входим в число членов комитета. Но когда они увидят вас и мадемуазель де Сент-Алэ, трудно поручиться за то, что они сделают.

– Не посмеют же они... – начал было я.

– Не бойтесь, сударь. Они не посмеют.

Слова эти сорвались с губ Бютона, которого не видно было из-за дыма. Он выдвинулся вперед, помахивая тяжелым железным брусом. – Они не посмеют. Нужно только сделать одно.

– Что же именно?

– Вы должны надеть трехцветный бант.

Он проговорил эти слова с какой-то особенной, непонятной мне гордостью. Только позднее я понял это.

Отец Бенедикт подпрыгнул на месте.

– Верно, Бютон совершенно прав, – заговорил он. – К это-

му они должны отнестись с уважением.

И прежде, чем я успел что-либо сказать, он сорвал у себя трехцветный бант и приколот его мне на грудь.

– Теперь давай сюда твой, Бютон.

И, взяв не совсем чистый бант кузнеца, он прикрепил его на левое плечо Денизы.

– Вот так, – проговорил кюре. – Теперь берите ее на руки, – обратился он ко мне. – Живо, иначе мы здесь задохнемся. Бютон и я пойдем впереди. Остальные пойдут за вами.

Дениза стала приходить в себя. Кашляя от дыма, мы тронулись в путь. Задержись мы еще на несколько минут, по коридору нельзя было бы пройти: кое-где уже пробивались тонкие струйки огня. Помогая друг другу и спотыкаясь, мы достигли двери в кухню. От дыма резало глаза и перехватывало дыхание.

Кухня была большая, господская. В свое время на ней приготавливалось немало пиров и жарилось немало дичи. Но теперь я обрадовался, что мадемуазель спрятала лицо на моей груди и не могла видеть, что тут творилось. В очаге горел яркий огонь, в котором были набросаны куски жиру и ветчины; над ним горели трупы трех собак, отравляя воздух смрадом горящего мяса. То были любимые собаки маркиза, убитые в диком порыве к разрушению. Пол был усеян бутылками и залит вином, из которого, словно островки в море, торчали обломки мебели и разбитые бочонки. Все, что бунтовщики не могли унести с собой, они постарались испортить.

И теперь еще какая-то женщина пыталась насыпать себе в передник как можно больше соли, кучей рассыпанной на полу, да три или четыре мужчины нагружали себя разными кухонными принадлежностями. Главная же масса погромщиков стояла на улице перед горящим зданием, заливаясь хохотом каждый раз, когда в огне падала труба или лопались стекла. Всякое живое существо, имевшее несчастье попасться им на глаза, они без капли милосердия бросали в огонь.

Завидев нас, грабители постарались поскорее ускользнуть из кухни, озираясь словно волки, у которых отняли добычу. Они, несомненно, объявили и другим о нашем появлении, ибо, пока мы переводили, остановившись, дух, во дворе настала какая-то странная тишина.

Когда мы открыли входную дверь, пламя горящего здания ярко освещало открывшееся нашим глазам зрелище. На всех лицах лежал отпечаток какого-то сумасшествия, о силе которого свидетельствовали груды обломков. Тень, отбрасываемая стенами, не позволила им сразу разглядеть нас. Но лишь мы сделали несколько шагов вперед, как вся толпа с яростным криком бросилась на нас, словно спущенная стая гончих на зайца. Низколобые, полуголые, перепачканные копотью и кровью, они напоминали скорее животных, чем людей.

– Смерть тиранам! Смерть скупщикам! – рычала толпа, и от этих криков содрогнулся бы и самый смелый человек.

Если бы наши спутники дрогнули хоть на мгновение, мы неминуемо погибли бы. Но они шли прямо, и вся толпа, кро-

ме одного человека, вдруг отхлынула обратно. Оставшийся негодяй бросился на меня с ножом. И тотчас же Бютон поднял свой железный брус и, крикнув: «Относись с уважением к трехцветной кокарде!», ударил его по голове. Тот упал на землю, как подкошенный.

– Относитесь с уважением к трехцветной кокарде! – заревел Бютон, словно разъяренный бык.

Окрик этот произвел магическое действие. Толпа откатилась еще дальше, затихла и лишь тупо смотрела на меня и мою ношу.

– Уважайте трехцветную кокарду! – закричал, в свою очередь, отец Бенедикт, поднимая руку и осеняя толпу крестом.

Возглас его тотчас же был подхвачен сотней хриплых голосов. Прежде, чем я мог осознать произошедшую перемену, те самые люди, что минутою ранее были готовы растерзать нас, теперь толкали друг друга, крича:

– Дорогу трехцветной кокарде! Дайте дорогу!

Было что-то совершенно невероятное, странное и страшное в том почтении, в том уважении, которое дикари питали к этим словам, к банту, к идее. Я был так поражен, что всю жизнь не могу забыть этой сцены. Но в данный момент я едва сознавал, что происходит передо мной. Я шел сквозь толпу, спотыкаясь, будто во сне. Когда мы добрались до ворот, отец Бенедикт хотел было отнять у меня драгоценную ношу, но я запротестовал.

– В Со! В Со! – лихорадочно повторял я.

Не помню теперь, каким образом я очутился верхом на лошади. Мы скакали в Со по дороге, освещенной кровавыми отблесками пожара.

Х. На другой день после бури

В том месте, где дорога разветвлялась, отец Бенедикт предусмотрительно поставил часового для встречи помощи из Кагора. Теперь часовой должен был предупредить маркиза, что мадемуазель находится в безопасности. Не проехали мы и полмили, как за нами послышался стук копыт. Я уже пришел в себя после всего пережитого за ночь, остановил лошадь и приготовился передать маркизу де Сент-Алэ его сестру.

Однако, то оказался Луи, сопровождаемый, к моему изумлению, всего пятью или шестью слугами, старым Гонто, одним из Гаринкуров и еще одним, незнакомым мне, человеком. Их лошади еле переводили дух от быстрой езды. Никому из прибывших не показалось, очевидно, странным, что я вез мадемуазель на своем седле. Поблагодарив Бога за то, что она осталась жива, каждый спешил осведомиться о числе бунтовщиков.

– Около сотни, насколько я могу судить, – отвечал я. – А где же маркиз?

– Он еще не вернулся, когда пришла весть о бунте.

– Неужели вас так мало?

– Я не мог собрать больше, – с досадой отвечал Луи. – Известие пришло в то время, когда загорелся дом Мариньяка, и он взял с собой около дюжины людей. Десятка два разбе-

жались по своим замкам, опасаясь, что у них начнется то же самое.

– Да, – прибавил он с горькой усмешкой, – теперь каждый сам за себя, кроме окружающих меня друзей.

Гонто от быстрой скачки раскашлялся и едва держался на лошади.

– Так вы не поедете с нами в Со? – спросил я, видя, что они поворачивают лошадей, поднимая целое облако пыли.

– Нет, – сердито отвечал Луи. – Теперь или никогда! Если нам удастся еще застать их...

Дальше я не расслышал его слов, ибо стук копыт заглушил их. Пришпорив лошадей, они в минуту были уже в шагах пятидесяти от нас. Но тут один из них, развернув коня, поскакал прямо на меня. Это был тот самый человек, которого я не знал.

– Есть ли у них какое-нибудь оружие? – спросил он, подьехав ко мне.

– Одно-то ружье было, – сказал я, с любопытством разглядывая его. – А теперь, вероятно, есть и еще. Большинство вооружено пиками и вилами.

– Кто их предводитель?

– Маленький Жан, кузнец из Сент-Алэ.

– Благодарю вас, – проговорил он, поклонившись, и, пришпорив свою лошадь, пустился догонять остальных.

Из боязни оставить полумертвую мадемуазель на попечении мужчин, я не мог присоединиться к ним, и мы двинулись

дальше своей дорогой. Отец Бенедикт и я молчали, остальные говорили без умолку.

В небе, по-прежнему, стояло сильное зарево, шум толпы все еще раздавался в наших ушах. Не раз на нашем пути попадались какие-то подозрительные фигуры, торопливо скрывавшиеся при виде нас в темноту. Отец Бенедикт полагал, что вспыхнул другой пожар, милях в двух восточнее Сент-Алэ. Но после пережитых волнений и в том душевном состоянии, в котором я находился, это предположение не произвело на меня никакого впечатления.

Я не был бы поражен, если даже пожар вспыхнул впереди нас, в самом Со.

К счастью, эта беда меня миновала. Напротив, вся деревня вышла ко мне навстречу и с приветствиями проводила до подъезда замка. В полном безмолвии, смешанном с любопытством, слуги сняли с моего седла мадемуазель и внесли ее в дом. Женщины, столпившись у входа, провожали нас глазами, но ни одна из них не решилась последовать за мной.

Многое, что казалось сносным ночью, было отвратительно днем. Многое, что можно перенести за ночь, потом казалось совершенно невозможным. Проснувшись на следующее утро в зале, на кресле, в котором, по преданию, сидел однажды Людовик XIII, я увидел стоящего передо мной Андрэ. В окна и двери ярко светило солнце, и от его лучей все пережитое за ночь представилось мне просто сном. Но потом мой взгляд упал на пару пистолетов, которые я положил ночью

около себя. Вспомнив действительность, я вскочил на ноги.

– Маркиз де Сент-Алэ вернулся? – спросил я.

– Никак нет.

– А граф?

– Тоже.

– Неужели никто из них еще не возвратился? – вскричал я. Присев вчера в кресло отдохнуть, я рассчитывал, что через час меня разбудят, и я буду встречать их.

– Вернулся только тот господин, что. был с ними, – доложил старый слуга. – Он теперь гуляет с аббатом в парке. А из-за него...

– Что из-за него? – резко спросил я, видя, что Андрэ, взявший поучительный тон, вдруг остановился.

– Он имеет такой вид, что вам, сударь, не стоило просыпаться из-за него, – отвечал он с презрением.

– Бютон здесь?

– Расхаживает по террасе, словно свой человек. Не могу понять, что теперь делается, – продолжал Андрэ, повышая голос. – Когда вам угодно было уничтожить позорный столб, я знал, что без этого не обойдется. Да, да, – продолжал он мне вслед. – Я это знал, я это предвидел.

И действительно, если б я не был выбит из обычной колеи мышления, общество трех мужчин, застигнутых мною на террасе, показалось бы мне в высшей степени странным. Они прохаживались взад и вперед, а отец Бенедикт, бывший в их группе средним, двигался, опустив глаза и заложив руки

за спину. Рядом с ним шагал с одной стороны грубый широкоплечий Бютон в запачканной блузе, с другой – изящный, просто одетый незнакомец в высоких сапогах и со шпагой. К удивлению моему, в петлице его камзола красовался трехцветный бант.

Я поспешил осведомиться у него, что случилось с Луи и его спутниками.

– Они атаковали мятежников, потеряли одного человека и были отбиты, – отвечал он с сухой отчетливостью.

– А что граф Гаринкур?

– Он вышел невредимым из свалки и уехал в Кагор набирать людей. Я же направился сюда, так как моим советам не хотели следовать.

Он говорил прямо, нисколько не стесняясь, как равный. Заметив, что я недоумеваю, с кем имею дело, кюре поспешил познакомиться нас.

– Бывший капитан американской армии Юз. Он предложил свои услуги нашему комитету, – проговорил он.

Прежде, чем я успел спросить, какого рода могли быть эти услуги, капитан поспешил сам разрешить возможный вопрос.

– Я предложил набрать в Керси и обучить небольшой отряд для поддержания порядка. Назовем это милицией или еще как-нибудь, все равно.

Я был озадачен. Этот быстрый, подвижный человек, из кармана которого торчала рукоять пистолета, был для меня

совершенно новым типом.

– Вы были на службе его величества? – спросил я, чтобы выиграть некоторое время и обдумать положение.

– Нет. В вашей армии нельзя сделать карьеры. Я служил под командой генерала Вашингтона.

– Но вчера вечером я видел вас вместе с маркизом Сент-Алэ?

– А почему бы мне и не быть с ним? – в свою очередь спросил он, спокойно взглянув на меня. – Я слышал, что его дом подожжен и предложил ему свои услуги. Но здесь не умеют действовать методически и не слушают хороших советов.

– У Мариньяка тоже пожар, – вмешался в разговор отец Бенедикт. – Услышим мы, вероятно, и о других пожарах.

– Дело не в том, чтобы слушать, а в том, чтобы делать, – заметил капитан. – Перед нами целый день, но если б мы не приняли кое-каких мер еще вчера, то завтра пришлось бы плохо всей округе.

– Но ведь у нас есть войска!

– Они отказываются повиноваться и потому не только бесполезны, но и вредны.

– А что же делают офицеры?

– Они стараются исполнить свой долг, но народ ненавидит их. Орден Св. Людовика для простого народа то же, что и красная тряпка для быка. Довольно и того, что они удерживают солдат в казармах и спасают собственные головы.

Мне не понравилась его фамильярность и бесстрашие, с

которым он говорил. Но, как бы там ни было, вчерашний тон в разговоре я взять не мог. Тогда мне казалось оскорбительным, что Бютон стоит тут же и слушает нас. Теперь – это вещь самая обыкновенная. К тому же Бютон был совершенно другим человеком, нежели Дюри, и доводы, сокрушившие одного, не имели никакого действия на другого. Довольно безнадежно я поинтересовался у отца Бенедикта, что он намерен делать.

Кюре не дал мне никакого ответа. За него ответил, и довольно решительно, капитан.

– Мы хотим, чтобы вы вступили в комитет.

– Я думал об этом вчера. Но я не могу этого сделать. Вот и отец Бенедикт скажет вам то же.

– Мне нужен ответ не отца Бенедикта, а ваш, – возразил капитан.

– Я дал ответ уже вчера, – ответил я высокомерно.

– Вчера – не сегодня. Вчера дом господина де Сент-Алэ был еще цел, а сегодня это груда дымящихся развалин. Вчера о многом можно было только догадываться, а сегодня факты говорят сами за себя. Стоит помедлить еще несколько часов, как вся область из конца в конец будет охвачена пламенем.

Я не мог не согласиться с этим, но в то же время не мог вновь идти наперекор своим поступкам. Торжественно прицепив себе в гостиную маркизы Сент-Алэ белый бант, я не мог сделать столь решительный поворот в другую сторону.

– Это невозможно. Невозможно в моем положении, – бес-

связно бормотал я. – Почему вы обращаетесь именно ко мне, а не к другому? Здесь найдется не менее двухсот лиц, которые...

– Будут совершенно бесполезны для нас, – решительно прервал меня капитан. – Ваше имя могло бы успокоить тревогу, привлечь на сторону комитета более умеренные элементы и не оттолкнуло бы народные массы.

– Позвольте мне быть с вами предельно откровенным, – продолжал он другим тоном. – Мне нужно ваше содействие. Я здесь подвергаюсь разного рода риску, но рискую только там, где это необходимо. Поэтому я предпочитаю, чтобы дело, предлагаемое мне, находило поддержку как снизу, так и сверху. Присоедините ваше имя к комитету, и я возьмусь за это дело. Я, конечно, мог бы распоряжаться в Керси от имени одного третьего сословия, но предпочел бы вешать и миловать от имени всех трех.

– Но ведь другие...

– Я сумел справиться с чернью в Кагоре, – нетерпеливо перебил он. – Сумею справиться и с этим сумасшедшим мужичьем, которое воображает, что только и свету в окошке, что у них. А те, о ком вы говорили...

– Те не годятся, – тихонько подсказал ему отец Бенедикт, поглядывая на меня печальными глазами.

Утренний ветерок развеивал полы его сутаны, шляпу свою он держал в руке, загораживаясь ею от солнца. Я понимал, что в нем происходит та же борьба, что и во мне, и сознание

этого дало мне силы не согласиться с капитаном.

– Невозможно! – промолвил я решительней прежнего.

– Почему же?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос. Я повернулся лицом к двери и только собирался добавить что-то, как Ан-дрэ, отворив ее, доложил:

– Маркиз де Сент-Алэ желает видеть господина виконта.

Торжественный тон, принятый слугой, подействовал на меня не совсем приятно: он как бы намеренно подчеркивал возвращение к старому.

Сам маркиз, однако, не показал и виду, что заметил это. Он весело подошел ко мне и поздоровался весьма изысканно. Лишь мгновение я думал, что он не знает всего, что произошло, но первые же его слова показали мне, что я ошибался.

– Мы обязаны вам вечной благодарностью, виконт, – заговорил он. – Вчера вечером я вынужден был уехать по делам и не мог ничего предпринять. Мой брат явился, кажется, слишком поздно, да и силы его были самые незначительные. Проходя через дом, я виделся с сестрой. Она рассказала мне некоторые подробности.

– Как, она уже покинула свою комнату? – воскликнул я в изумлении.

Трое моих собеседников несколько отодвинулись от нас с маркизом, так что мы могли говорить с глазу на глаз.

– Да, – отвечал он, улыбаясь. – Могу уверить, что она го-

ворила о вас в таких выражениях, какие только может позволить себе девушка, говорящая о мужчине. Моя мать еще будет иметь случай принести вам свою благодарность. Надеюсь, что вы не пострадали.

Не давая себе отчета, я что-то пробормотал в ответ. Сент-Алэ вел себя совершенно иначе, чем я предполагал. Его спокойствие и веселость до такой степени не соответствовали настроению человека, которому пришлось только что услышать, что его дом сожжен, а управляющий убит, что я был озадачен. Одет он был с обычной своей щеголеватостью, хотя заметно было, что он не спал всю ночь. Несмотря на то, что разгром Сент-Алэ и поместья Мариньяка бесспорно опровергал все его прежние выкладки, он делал вид, что это его несколько не беспокоит.

Все это сбивало меня с толку, но я тоже не показал виду, а лишь выразил надежду, что все пережитое не слишком сильно потрясло его сестру.

– Мы, Сент-Алэ, не сахарные, – отвечал он. – Она вполне отдохнула за ночь... Впрочем, я, кажется, помешал вашей беседе? – Он метнул на моих собеседников быстрый взгляд.

– В действительности вы должны благодарить не меня, а отца Бенедикта и Бютона, маркиз. Без их помощи...

– Да, – холодно заметил он. – Я слышал об этом. Позвольте мне привести вам некую притчу. Жил-был человек, сердитый на своего соседа за то, что у того урожай был лучше, чем у него; и вот он стал ходить тайно ночью (не раз, а много

раз) на землю своего соседа и сделал так, что пустил к соседу ручей, протекавший мимо их ферм. Он устроил это так ловко, что вода не только залила все поля, но грозила даже потопить самого соседа, а, стало быть, и этого человека и его поля. Убедившись слишком поздно в своем безумии... Как вам нравится эта притча, отец Бенедикт? – неожиданно обратился он к кюре.

– Я ее не совсем понимаю, – ответил кюре.

– Я еще не превратился в лакея своих собственных людей, как хвастались эти рабы, – продолжал Сент-Алэ, насмешливо отведывая поклон.

– Стыдитесь, маркиз! – воскликнул я, потеряв терпение. – Я уже сказал вам, что если бы не отец Бенедикт и Бютон, то мадемуазель и я...

– А я уже сказал вам, – прервал он меня раздраженно, – что я на этот счет думаю. Вот и все.

– Но вы, видимо, не знаете всего, что произошло! – воскликнул я, начиная сердиться от его несправедливости. – Вероятно, вы не знаете, что когда явились на помощь отец Бенедикт и Бютон, мадемуазель де Сент-Алэ и я находились в самом отчаянном положении, что они спасли нас с величайшим риском для себя, что, наконец, мы обязаны спасением скорее трехцветной кокарде, чем применению силы!

– Вот как! Вот как! – заговорил маркиз, мрачней. – Я должен кое-что сказать по этому поводу. Но разрешите предварительно задать вам один вопрос. Верна ли моя догадка о

том, что эти господа явились к вам от имени (извиняюсь заранее, если я перепутаю название) комитета общественной безопасности?

Я кивнул головой.

– Можно будет поздравить их с благоприятным ответом?

– Нет. Этот господин, – сказал я, указывая на капитана Юза, – обратился ко мне с некоторыми предложениями и высказал свои соображения в их пользу.

– Но я еще не высказал самого главного из них, – вмешался капитан, сухо поклонившись маркизу. – А понять его вам поможет сам маркиз де Сент-Алэ.

Маркиз бросил на него холодный взгляд.

– Очень вам благодарен, – презрительно заметил он. – Со временем, вероятно, нам придется еще поговорить с вами, но пока я беседую с виконтом де Со.

И, обернувшись ко мне, он заговорил снова:

– Итак, должен ли я предполагать, что предложения этих господ отклонены?

– Совершенно. Но из этого не следует, что я не питаю к ним благодарности.

– Вот как, – промолвил он. Потом, обернувшись, прибавил развязно: – Я вижу здесь вашего человека. Могу ли я дать ему поручение?

– Разумеется.

Он махнул рукой. Андрэ, стоявший у двери и наблюдавший за нами, подбежал к нему.

Маркиз опять обратился ко мне:

– Вы позволите?

Я молча поклонился.

– Иди сейчас, мой друг, к мадемуазель де Сент-Алэ, – сказал маркиз. – Она находится в зале. Попроси ее удостоить нас своим присутствием.

Андрэ поспешил в дом с каким-то особо торжественным видом. Мы, оставшись вдвоем, молчали. Мне страшно хотелось посоветоваться с отцом Бенедиктом, но я даже не смел взглянуть на него, ибо маркиз, продолжая сохранять на лице загадочную улыбку, не сводил с меня глаз.

Так мы стояли, пока в дверях не появилась мадемуазель. Остановившись на минуту, она затем робко двинулась дальше и подошла к нам.

На ней было платье, принадлежащее, должно быть, моей покойной матери и слишком длинное для нее. Но мне казалось, что оно удивительно шло ей. Плечи ее были прикрыты косынкой. Другую она надела на ненапудренные волосы, выбивавшиеся тонкими локонами на шее и висках.

Я не видел ее с тех пор, как ее сняли с моего седла, и теперь при свете ясного утра она показалась мне божественно красивой.

Приблизившись к нам, она даже не взглянула на меня: ее глаза были устремлены на маркиза, который притягивал ее к себе, словно магнит.

– Мадемуазель, – начал он, – я слышал, что своим спасе-

нием в прошлую ночь вы обязаны эмблеме, которая и теперь еще на вас. Эту эмблему не может носить ни один подданный его величества, не покрывая себя позором. Соблаговолите прежде всего снять ее.

То бледнея, то краснея, она бросала на нас умоляющие взоры.

– Монсеньер! – пробормотала она, как будто не понимая, в чем дело.

– Я, кажется, выразился совершенно ясно. Будьте добры снять это.

Она колебалась и, видимо, готова была расплакаться. Затем все же она принялась отшпиливать трехцветную кокарду, которую слуги, скорее всего без ее ведома, прикрепили к ее платью. Губы мадемуазель нервно подергивались, а пальцы заметно дрожали. Эта операция заняла довольно много времени.

Негодование охватило меня, но я решил не вмешиваться. Другие тоже смотрели на эту сцену с самым серьезным видом.

– Благодарю вас, – заговорил опять Сент-Алэ, когда его сестре удалось наконец отцепить трехцветный бант. – Я знаю, что вы настоящая Сент-Алэ и скорее умрете, чем сохраните вашу жизнь ценою позора. Будьте добры, бросьте это на пол и растопчите ногами.

При этих словах она вздрогнула всем телом. Помню, что я сделал шаг вперед и, без сомнения, вмешался бы, но маркиз

поднял руку. Вмешаться я не мог: мы были зрителями, они – актерами.

Некоторое время мадемуазель стояла неподвижно и, затаив дыхание, расширенными глазами смотрела в лицо брата. Потом, по-прежнему не спуская с него глаз, она протянула руку и выронила бант.

– Растопчите его! – безжалостно скомандовал маркиз.

Она побледнела, как полотно, и не двигалась с места.

– Растопчите его!

Не отводя от него глаз, она выставила вперед ногу и коснулась трехцветного банта.

XI. Два лагеря

– Благодарю вас. Теперь вы можете идти, – промолвил маркиз.

Не глядя на нас, она бросилась в дом, закрыв лицо руками. Маленькая ее фигурка вздрагивала от рыданий, громко раздававшихся в неподвижном воздухе.

Вся эта сцена взбесила меня до крайности, но, делая над собой огромное усилие, я сдерживал себя. Мне хотелось знать, что он еще скажет.

Но он не заметил или делал вид, что не заметил, какое впечатление произвела на всех его выходка.

– Благодарю и вас господа за терпение, – начал маркиз. – Теперь вы знаете, что я думаю об этой трехцветной эмблеме: ни я, ни мои родные не будем прятаться за нее. Точно так же я не считаю возможным вступать в переговоры с убийцами и разбойниками.

Я уже не смог сдерживать себя далее и бросился к нему.
– Позвольте и мне сказать вам кое-что, маркиз! – закричал я. – Недавно я отверг эту трехцветную кокарду, отверг предложение тех, кто мне ее дал. Я хотел стать на вашу сторону, хотя и не верю в ваше дело. Но теперь я вижу, что этот джентльмен прав: вы сами даете против себя самое сильное оружие. Я поднимаю этот бант, и знайте же, что это будет делом ваших рук!

С этими словами я схватил кокарду, брошенную его сестрой, и дрожавшими не менее чем у нее пальцами, прикрепил у себя на груди.

С насмешливой улыбкой маркиз церемонно поклонился мне.

– Кокарду ведь легко и переменить, – сказал он.

Но я видел, что он побагровел от злобы и готов был убить меня на месте.

– Мной не так-то легко играть, – горячо возразил я.

Трое остальных, присутствовавших при этой сцене, с явным презрением отошли в сторону, оставив нас на том самом месте, где мы стояли три недели тому назад накануне дворянского собрания.

Раздраженный поведением мадемуазель и желая кольнуть его, я припомнил ему тот день и пророчества, предрекаемые тогда им и оказавшиеся неудачными.

– Неудачными? – прервал он меня на втором же слове. – Неудачными? Но почему же неудачными, господин виконт? Потому что те, кто должен бы был поддерживать меня и короля, колеблются, как вы, и не понимают, что творят? Потому что дворяне Франции оказываются трусами, недостойными имен, которые носят? Не осуществились! Потому что вы, господин виконт, и люди, вам подобные, стоите сегодня за одно, а завтра за другое! Сегодня вы кричите «реформы!», а завтра – «порядок!».

Это замечание только подогрело разгоравшийся во мне

гнев. Он заметил это и, воспользовавшись моим замешательством, продолжал с оскорбительным для меня высокомерием:

– Впрочем, довольно об этом. Я уже благодарил вас за помощь, которую вы оказали, господин де Со, и менее всего склонен забыть, чем мы вам обязаны после этой ночи. Но никакой дружбы между теми, кто носит это, – он указал на мой трехцветный бант, – и теми, кто служит королю, не может быть. Вы должны извинить меня, и я немедленно покину вас, забрав сестру, присутствие здесь которой может быть истолковано совершенно ложно.

Он опять поклонился мне и направился к дому. Я последовал за ним, чувствуя, как холодеет у меня сердце. В зале никого не было, кроме Андрэ, стоявшего в отдалении у двери. В аллее под окнами маркиза дожидались трое или четверо верховых, а к воротам уже отъезжала другая группа всадников. Бросив на них беглый взгляд, я узнал в первом мадемуазель. Она ехала, низко наклонив голову, и, видимо, горько плакала. В горячем порыве я было обратился к маркизу, но он бросил на меня такой взгляд, что слова замерли у меня на языке.

– А, – сказал он, сухо кашлянув, – мадемуазель сама сообразила, что ей неудобно оставаться здесь долее. Позвольте и мне проститься с вами, господин де Со.

Он вновь поклонился и приготовился сесть на лошадь.

Я сделал слугам знак оставить нас вдвоем и, колеблясь

между бешенством и стыдом, горячо заговорил:

– Нам нужно выяснить еще одно обстоятельство, маркиз. Между мной и мадемуазель не все еще кончено. Ибо она...

– Не будем говорить о ней, – перебил он меня.

Но меня не так-то легко было удержать.

– Я не знаю ее чувств ко мне, – продолжал я, не обращая на него внимания, – не знаю, насколько она симпатизирует мне. Но, что касается меня, то скажу вам откровенно, я люблю ее и не переменялся от того, что надел трехцветный бант. Следовательно...

– Я могу сказать вам лишь одно, – опять перебил он, поднимая руку, чтобы остановить меня. – А именно, вы любите, как буржуа или какой-нибудь сумасшедший англичанин, – добавил он с презрительным смехом. – Мадемуазель де Сент-Алэ не дочь какого-то булочника, и подобного рода сватовство я нахожу для нее оскорбительным. Довольно этого или я должен еще продолжать, господин виконт?

– Этого мало, чтобы заставить меня свернуть с моего пути. Вы забываете, что я привез сюда мадемуазель в своих объятиях. Но этого не забудем ни я, ни она.

– Вы спасли ее жизнь и требуете теперь за это награды, – сердито сказал он. – Вы действуете очень великодушно и как настоящий дворянин...

– Я не требую ничего! – в горячности вскричал я. – Но я имею право искать ее руки и добьюсь этого!

– Пока я жив, этого не будет, – в гневе отвечал он. – Я

ручаюсь, что подобно тому, как по моему приказу она растоптала эту кокарду, так же она растопчет и вашу любовь. С этого дня ищите себе невесту среди ваших друзей! Мадемуазель де Сент-Алэ не для вас.

Я дрожал от ярости.

– Вы знаете, что я не могу драться с вами.

– Я тоже не могу драться с вами. Следовательно, – прибавил он, помолчав немного и снова возвращаясь к изысканной вежливости, – мне остается только покинуть вас. Мое почтение. Не хочу сказать «до свидания», ибо не думаю, чтобы нам пришлось встретиться когда-нибудь в будущем.

Я не нашелся, что ему ответить. Он тронул лошадь и тихонько поехал по аллее. Мадемуазель уже скрылась из вида, а слуги маркиза дожидались его у ворот. Я долго следил за тем, как он едет среди каштанов, то скрываясь в тени, то снова попадая в полосу солнечного света, лившегося сквозь листву, и, презирая себя в душе, я невольно любовался его молодежавшей посадкой и беззаботным видом.

Да, у него была сила, которой не хватало окружающим его. Все, что я сказал ему, показалось мне теперь слабым и глупым, а решимость, с которой я было напустился на него, просто детской. В конце концов он был прав: конечно, такой способ заявлять свою претензию на руку девушки был не принят среди французов, да я и сам не допустил бы его относительно моей сестры.

Вернувшись в дом, я почувствовал себя очень плохо. Мой

взгляд случайно упал на пистолеты, которые продолжали лежать на столе. Это напомнило мне, что замки Сент-Алэ и Мариньяк сожжены дотла, что вчера ночью я спас мадемуазель от смерти, что за прохладной каштановой аллеей лежит волнующийся мир Керси и Франции – мир обезумевших крестьян и перепуганных горожан, мир солдат, не желающих сражаться, и дворян, не смеющих поднять оружие.

– Жребий брошен! Да здравствует трехцветная кокарда!

Я прошел через дом, желая отыскать отца Бенедикта и его спутников. Но на террасе никого не было уже. Из слуг я нашел одного Андрэ, подошедшего ко мне с надутым видом. Я спросил, где кюре.

– Он ушел, господин виконт.

– А Бютон?

– Он тоже ушел, захватив с собой половину слуг.

– Ушел? Куда?

– В деревню, – грубо отвечал он. – Мир, должно быть, пошел вверх ногами.

– Не поручал ли кюре передать мне что-нибудь?

Старик видимо колебался.

– Да, поручал, – отвечал он неохотно. – Он сказал, что если вы останетесь дома часов до двенадцати, то он даст знать о себе.

– Но он хотел ехать в Кагор? Стало быть, он рассчитывает вернуться сегодня же?

– Он пошел по аллее к деревне, – с упрямым видом прого-

ворил Андрэ. – Относительно Кагора он ничего не говорил.

– В таком случае отправляйся сейчас в деревню и узнай, едет ли он в Кагор.

Старик ушел с недовольным видом, а я остался на террасе один. Какая-то неестественная тишина царила во всем доме. Я сел у стены на каменную скамейку и стал перебирать в памяти события прошедшей ночи, вспоминая с поразительной ясностью события, едва промелькнувшие мимо меня. Мало-помалу мысль моя стала отходить от этих ужасов и невольно направилась к мадемуазель де Сент-Алэ. Мне представилось, как она плакала, склонившись в седле.

Пчелы низко жужжали в теплом воздухе, с голубятни несло воркование голубей, и я незаметно заснул, прислушиваясь к этим мирным звукам. Это было неудивительно после ночи, которую я провел.

Проснувшись, я понял, что проспал довольно долго и забеспокоился. Вскочив на ноги и осмотревшись, я заметил Андрэ, стоявшего у дома. Окликнув его, я спросил, почему он не разбудил меня.

– Я думал, что вы устали, сударь, очень устали, – отвечал он, прикрываясь рукой от солнца. – Вы ведь не какой-нибудь крестьянин и можете спать, когда вам заблагорассудится.

– Вернулся кюре?

– Никак нет.

– А куда же он пошел?

Он назвал деревню, лежавшую в полумиле от нас. Потом

он доложил, что обед готов.

Я был голоден и потому, не говоря ни слова, направился в дом и сел за стол. Когда я закончил обедать, было уже два часа. Рассчитывая, что отец Бенедикт вот-вот подойдет, я приказал оседлать лошадей, чтобы иметь возможность ехать тотчас же. Наконец я не мог более ждать и сам пошел в деревню.

Здесь все шло вверх дном. Три четверти обитателей бросились в Сент-Алэ, чтобы взглянуть на пожарище. А те, кто остался, и не думали заниматься делом. Собравшись группами у своих порогов, на перекрестках, у церковной паперти они беседовали о разыгравшихся событиях. Один из крестьян робко осведомился у меня, правда ли, что король отдал всю землю крестьянам. Другой задал вопрос о том, будут ли еще налоги. Оба относились ко мне с почтением и не проявили никакой грубости. Некоторые выразили даже радость, что мне удалось спастись от негодеев из Сент-Алэ. Но всякий раз, когда я приближался к какой-либо группе, по лицам пробегала какая-то легкая тень не то робости, не то подозрительности. В тот момент я не понимал значения этой тени. Теперь, когда уже слишком поздно, и события идут уже своим ходом, я понимаю, что это было действием социального яда, начавшего свою разрушительную работу.

Однако кюре мне не удалось разыскать. Поговаривали, что он уехал в Кагор. В конце концов я вернулся домой крайне недовольный и встревоженный всем виденным. Приняв

решение не уходить из дому, пока не придет отец Бенедикт, целыми часами я ходил по аллее из конца в конец, прислушиваясь, не растворяются ли ворота, и то и дело поглядывая на дорогу.

Между тем наступил вечер, а я все еще ждал появления кюре. Фантазия рисовала мне всякие ужасы. Мысль о том, что я нахожусь в бездействии, заставляла меня мучиться стыдом. Когда Андрэ явился доложить, что подан ужин, я обрушился на него с бранью. Вместо столовой я отправился на крышу замка и стал всматриваться, не видно ли где-нибудь зарева.

Все было, однако, благополучно, но кюре так и не приходил. Ночь я провел без сна и часов в семь утра сел на лошадь и поехал по дороге в Кагор. Андрэ отговорился нездоровьем, и я взял с собою одного Жиля.

Окрестности Сент-Алэ казались безлюдными. Но, проехав еще с милю, мы нагнали десятка два крестьян, которые куда-то спешили. Я спросил, куда они идут и почему они не на поле?

– Мы идем в Кагор за оружием, – отвечали они.

– С кем же вы хотите сражаться?

– С разбойниками, сударь. Они теперь везде грабят и жгут. Слава Богу, они еще не добрались до нас, а к ночи мы уже раздобудем оружие.

– Про каких разбойников вы говорите? – спросил я.

На этот вопрос они не могли дать никакого ответа.

Долго я потом не мог отделаться от мысли об этих разбойниках.

Не доезжая до Кагора мили две, лежала маленькая деревушка: и тут только и было разговоров, что о разбойниках. В конце улиц были наскоро устроены баррикады, а на колокольне стоял караульный. Между тем, все, кто мог двигаться, ушли в Кагор.

– Зачем? – спрашивал я.

– Чтобы узнать новости.

Я начинал понимать, что мое воображение было недалеко от действительности.

Кагор я застал жужжащим, как пчелиный улей. На Валандрийском мосту стояла такая толпа народа, что я едва смог проложить себе путь через нее.

Когда я проезжал по улицам со своим трехцветным бантом, со всех сторон неслись приветственные клики, и теперь меня это уже не удивляло. С другой стороны, бросалось в глаза, что было не мало людей, украсивших себя белыми бантами. Они ходили по двое и по трое, держа головы высоко поднятыми, но не спуская рук с эфесов шпаг. Толпа смотрела на них искоса с явным недоброжелательством. Некоторых из них я знал лично, другие были мне незнакомы. Но все они бросали на меня взоры, словно на ренегата, и кровь невольно прилиwała к моему лицу.

Я был рад избавиться от тех и других и с удовольствием слез с лошади у гостиницы Дюри, над входом в которую раз-

вевался огромный трехцветный флаг.

Я спросил, нет ли здесь кюре из Со.

Оказалось, что он наверху заседает в комитете, куда мне и предложили пройти.

С трудом я пробрался сквозь массу людей, заполнивших лестницу и коридоры. Все они энергично жестикулировали и кричали. Казалось, все собирались оставаться здесь целый день. Из приоткрытой двери одной из комнат доносился неясный гул голосов.

Я вошел туда. Вокруг большого круглого стола собралось человек двадцать, из коих трое или четверо говорили разом, не обращая на мое появление никакого внимания. Некоторые сидели, некоторые слушали стоя. В конце комнаты я разглядел отца Бенедикта и Бютона, которые сразу двинулись ко мне навстречу, и капитана Юза, приподнявшегося со своего места, но не прекратившего, однако, разговора. Кроме них было несколько мелких дворян, также порывисто бросившихся ко мне. Тут же присутствовал и хозяин гостиницы, беспрестанно встававший и опять в волнении опускавшийся на свой стул. Было еще два-три деревенских священника, которых я знал в лицо.

В комнате было шумно и не более просторно, чем в коридоре. Кое-как мне дали место за столом. По одну сторону от меня сидел капитан, по другую – нотариус из Кагора. В общей суматохе я успел обменяться несколькими словами с отцом Бенедиктом, который остановился позади моего стула.

– Отчего вы не присоединились к нам вчера? – спросил он, бросая на меня взгляд, значение которого мог понять только я.

– Но вы же сами велели передать мне, чтобы я дожидался вас.

– Я? Напротив, я просил сказать вам, чтобы вы ехали за мной.

– Андрэ мне сказал...

– Ах, Андрэ! – воскликнул кюре, качая головой.

– Негодяй! Он, стало быть, солгал мне! Я...

В это время кто-то окликнул кюре, и он отправился на свое место. Общие разговоры прекратились сами собой. Продолжали говорить лишь два человека, которые не замечая друг друга, обращались к своим соседям, один вещал об «Общественном договоре»,²⁶ другой – о разбойниках.

Наконец капитан, давно порывавшийся взять слово, заговорил:

– Стыдитесь, сударь, – сказал он, обращаясь к первому оратору. – Разве время теперь заниматься теоретическими рассуждениями? Ничтожный факт...

– Огромной значимости факт, – перебил капитана его противник, торговец овощами, ударяя по столу кулаком.

– Теперь-то и время выработать теорию! – кричал другой оратор. – Необходимо создать совершенную систему. Необходимо возродить весь мир!

²⁶ Имеется в виду «Общественный договор» Жан Жака Руссо (1762 г.).

– Возрождать мир, когда у нас на носу разбойники, – продолжал свое овощной торговец, – когда наши поля сожжены. . .

– Послушайте, наконец, – резко оборвал его капитан. – Я столько же верю в ваших разбойников, как и в теорию нашего юриста.

– Как не верите? – завопил торговец. – Их видели в Фижаке, в Кожаре, в. . .

– Кто их видел? – все так же резко спросил капитан.

– Сотни людей!

– Назовите хоть одного.

– Но это всем известно!

– Все это ложь, – оборвал его капитан. – Разбойники, с которыми вам придется иметь дело, гораздо ближе к вам. Сначала нужно обсудить вопрос, как управиться с ними, а не оглушать виконта вашей болтовней.

– Слушайте! Слушайте! – закричал адвокат.

Но человек, твердивший о разбойниках, не мог примириться с таким отпором. Он опять начал что-то говорить. Одни были за него, другие против. Похоже было, что вместо мира, ради которого все собрались сюда, начинается новая ссора.

Нечего и говорить, как угнетающе подействовал на меня весь этот шум, бестолковые разговоры, отсутствие вежливости, к которому я напрасно пытался себя приучить. Я сидел как оглушенный, не видя пред собою никого, кроме Бютона,

делавшего всяческие усилия, чтобы водворить тишину.

– Теперь вы сказали все, что хотели, – говорил капитан. – Может быть, вы позволите высказаться и мне. Вы, господин адвокат, и этот человек, имя которого я позабыл – вы оба не принадлежите к военным людям и не понимаете затруднений, которые мне представляются достаточно ясно. Но за этим столом есть еще дюжина лиц, отлично их представляющих. Вводите какую угодно организацию, но если ваших должностных лиц будут убивать каждое утро, дело не пойдет на лад.

– Как убивать? – спросил адвокат, раздувая щеки.

– Как? – бесцеремонно оборвал его капитан. – Очень просто: ударом небольшой шпаги. Ведь некоторые из нас не сделают отсюда и трех шагов, как будут оскорблены и вызваны на дуэль.

– Это верно! – в один голос воскликнули двое мелкопоместных дворян.

– Это несомненно, – продолжал разгорячившийся капитан. – Тут не какая-нибудь случайность, а предумышленный план. Они хотят таким путем сломить нас. Сегодня я видел на улице троих: готов держать пари, что это переодетые учителя фехтования.

– Убийцы! – громко завопил нотариус.

– Вы можете называть их как угодно, – продолжал Юз уже спокойнее. – Но какой от этого толк? Если мы не можем выйти из дома, чтобы не нажить дуэли, это значит, что мы со-

вершенно беспомощны. Все наши вожаки будут перебиты.

– Народ отомстит за них! – напыщенно заговорил нотариус.

Капитан презрительно пожал плечами:

– Благодарю вас покорно. Это весьма утешительно.

– В настоящее время, – вмешался в разговор отец Бенедикт, – уяснить надо только одно. Вы сказали, что некоторые члены комитета не военные люди. Для чего же нам устраивать битвы и играть на руку своим противникам?

– Вы правы, – откровенно отвечал Юз, обводя глазами присутствующих. – Зачем нам сражаться? Я, по крайней мере, не склонен к этому, что я уже и доказал.

Воцарилось молчание. Все с сомнением поглядывали друг на Друга.

– В самом деле, для чего вооруженная борьба? – заговорил опять капитан. – Тут не игра, а дело. А делать его будут уже не простые дворяне; а, так сказать, солдаты под общей командой.

– Да, да, – поспешно проговорил я, чувствуя, что все взгляды устремились на меня. – Но нам, дворянам, трудно отказаться от некоторых, с детства усвоенных, идей. Если мы не будем защищать себя от оскорблений, то спустимся до уровня животных...

– Не сомневайтесь! – вдруг закричал Бютон. – Народ никогда не допустит оскорблений.

– Не допустит, не допустит! – закричали другие, и вся

комната наполнилась гулом.

– Ну, надеюсь, все предупреждены, – сказал наконец капитан. – И если теперь кто-то легкомысленно примет вызов, то пусть он помнит, что сыграл на руку своим врагам. Что касается меня, – добавил он сухо рассмеявшись, – то они могут даже пройти по мне палкой, но я не приму их вызова. Мы поняли их игру!

ХII. Дуэль

Я уже говорил, как тяжело подействовало на меня все это. С неприятным чувством посматривал я на заостренные черты нотариуса, на жирную улыбку лавочника и на грубую физиономию Бютона. Мне было тяжело, что я оказался на одном уровне с этими людьми, с их грубой резкостью с одной стороны, и угодливостью с другой.

К счастью, заседание продолжалось недолго. Прения заняли еще с полчаса, и собрание стало расходиться. Несколько человек остались, чтобы заняться делами, о которых шла речь, и в числе этих нескольких был я. Отведя отца Бенедикта в сторону и стараясь не показать ему охватившего меня отчаяния, я осведомился, не произошло ли еще где-нибудь погромов.

– Нет, – отвечал он, незаметно пожимая мне руку. – Комитет сыграл большую роль, надеюсь. – И с откровенностью, показывающей, что он легко читает мои мысли, кюре продолжал: – Только помогите нам поддержать спокойствие. Дайте нам сделать все, что в наших силах. Нам предстоит испытания гораздо более серьезные, чем я предвидел. Дайте нам только зацепиться.

В это время в комнату с шумом вошел капитан Юз. Его возвращение было внезапно, и все сидевшие за столом вскочили со своих мест.

Лицо капитана раскраснелось, глаза горели гневом. Нотариус, сидевший ближе всех к двери, почему-то вдруг побледнел и, запинаясь, начал было расспрашивать Юза, но тот только бросил на него презрительный взгляд и подошел прямо ко мне.

– Вы джентльмен, виконт, – громко заговорил он, в спешке глотая слова. – Вы меня поймете. Мне нужна ваша помощь.

Взглянув на него, я быстро сказал:

– К вашим услугам. Но в чем дело?

– Меня оскорбили, – отвечал он, покручивая ус.

– Кто и где?

– На улице. Один из этих франтов! Но я научу его, как шутить со мной. Я, сэр, солдат...

– Позвольте, однако, капитан! – вскричал я, пораженный. – Я понял так, что больше дуэлей быть не должно. Вы же сами говорили, что даже позволите ударить себя палкой!

– Черт побери, что же из этого! – закричал он. – Уж не думаете ли вы, что я не джентльмен оттого, что вместо Франции я служил в Америке?

– Конечно, нет, – отвечал я, сдерживая улыбку. – Но ведь это же значит играть на руку вашим противникам! Минуту назад вы сами говорили это.

– Могу я рассчитывать на вашу помощь, сэр, или нет? – сердито прервал он меня. – Молчите! – крикнул он пытавшемуся вступить с ним в разговор нотариусу. – Что вы в этом

поднимаете!

– Тише, капитан, тише, – проговорил я, стараясь успокоить его и предупредить готовую вспыхнуть ссору. – Наш нотариус...

– Я не хочу его знать! Что же, могу я рассчитывать на вас?

– Конечно.

– В таком случае ваша помощь нужна мне сейчас же. Местом встречи назначена площадка позади собора. Я просил бы вас приступить к делу немедленно.

Поняв, что далее говорить с ним бесполезно, вместо ответа я взял свою шляпу. Лавочник, нотариус и еще несколько человек подняли крик и хотели загородить нам дорогу. Но отец Бенедикт продолжал хранить молчание, и мы беспрепятственно спустились вниз и вышли из дома.

На улице стало ясно, что оскорбление капитана и последовавшая за ним ссора совершились при свидетелях. На залитой солнцем площади там и сям виднелись группки мрачных людей, видимо ожидавших, чем кончится дело. Тротуар же был занят исключительно дворянами. Нацепив на себя белые банты, они расхаживали взад и вперед по трое и по четверо, небрежно помахивая своими тростями.

Люди на площади молча смотрели на них, а они делали вид, что не замечают их взглядов. Иногда дворянчики останавливались по нескольку человек, чтобы обменяться парой слов и взять друг у друга из табакерки щепотку табака. Все эти действия имели какой-то надменно-вызывающий вид,

чем вполне оправдывали косые взгляды, бросаемые на них.

Нам предстояло пройти меж ними, как сквозь строй солдат. Лицо мое горело от стыда. Многих из них я видел всего два дня назад в доме маркизы де Сент-Алэ, где я на глазах у всех прикрепил себе на грудь белый бант. Теперь же я был в противоположном лагере. Причин моего образа действия они знать не могли, и я видел по их глазам и поджатым губам, что они считали меня изменником. Некоторые из них были в военной форме и с орденом св. Людовика и были мне незнакомы. Эти посматривали на меня вызывающе и нехотя давали мне дорогу.

К счастью, идти нам было недалеко. Достигнув северной стены собора, через небольшую калитку мы вошли в сад, где липы умеряли палящий зной солнца. Казалось, будто город с его шумом остался где-то далеко позади. Направо высились стена абсиды и тяжелые восточные купола собора, впереди поднималась стена укреплений, а слева виднелась обвитая плющом старинная полуразвалившаяся башня четырнадцатого века. У ее подножия на гладком газоне стояли четверо, очевидно ожидавшие нас.

Один из них был Сент-Алэ, другой Луи, остальных я не знал.

Вдруг мне в голову пришла ужасная мысль.

– С кем вы будете драться? – тихо спросил я своего спутника.

– С Сент-Алэ, – так же тихо отвечал он.

Мы были уже так близко от маркиза, что я не мог более расспрашивать капитана.

Поджидавшие нас двинулись нам навстречу и раскланялись.

– Виконт? – спросил Луи.

Он был так серьезен и суров, что я не узнавал его.

Я молча кивнул ему и мы отошли с ним в сторону.

– Нам, вероятно, незачем пытаться примирить противников, – сказал он.

– Полагаю, что так, – хрипло отвечал я.

Сказать по правде, от ужаса я едва понимал, что я говорил. Понемногу стала наконец разъясняться стоявшая передо мной дилемма. С одной стороны, если Сент-Алэ падет от руки капитана, то что скажет его сестра мне, что она подумает обо мне, как подаст мне руку? С другой стороны, я не мог представить себе к гибели капитана Юза, ибо его открытость и практичность незаметно покорили мое сердце.

А между тем один из них должен был погибнуть.

Большие церковные часы над моей головой пробили час. Мне казалось, что я сейчас упаду в обморок. Солнце било прямо в глаза, деревья шатались передо мной, сад исчезал в каком-то тумане, в ушах стоял шум человеческих голосов. Особенно отчетливо прозвучал голос Луи, говорившего как-то неестественно твердо:

– Что вы скажете насчет этого места? Трава здесь совершенно сухая, и, стало быть, здесь не скользко; света здесь

достаточно, а вместе с тем они будут драться в тени.

– Я согласен, – пробормотал я.

– Может быть, вы сами осмотрите это место?

– Лучшего не найти, – все тем же хриплым голосом отвечал я.

– В таком случае расставим противников.

Я не имел ни малейшего понятия о ловкости обеих сторон, но когда я обернулся и направился к капитану Юзу, я был поражен контрастом, который представляли противники. Капитан был ниже маркиза на целую голову. Но светлые глаза его сверкали, он имел вид решительный и энергичный. Маркиз же отличался высоким ростом и гибкостью, руки его были довольно длинны и давали ему преимущество в нападении. Но на его губах застыла улыбка как у мертвеца.

– Мы готовы, – нетерпеливо промолвил Луи.

Я заметил, что взгляд его скользил мимо меня к калитке сада.

– Не угодно ли вам смерить шпаги, господин виконт? – снова спросил он.

Исполнив эту обязанность, я хотел было уже вести капитана на место, как вдруг он сделал знак, что хочет говорить со мной, и, не обращая на неудовольствие своего противника внимания, он отвел меня в сторону.

Гнев, охвативший его недавно, теперь прошел, и его лицо было бледно и серьезно.

– Какая глупая вещь, – отрывисто сказал он. – И поделом

мне, если этот франт пронзит меня насквозь. Можете ли вы сделать мне одно одолжение?

Я пробормотал, что готов сделать все, что в моих силах.

– Я занял тысячу франков, – заговорил он, избегая моего взгляда, – чтобы обмундировать себя для поступления на военную службу. Я взял их у одного человека в Париже, фамилию его вы найдете в моем чемодане в гостинице. Если со мной что-нибудь случится, я прошу вас переслать ему все, что после меня останется.

– Ему будет заплачено сполна, – сказал я. – Я уж позабочусь об этом.

Он пожал мне руку и пошел к месту, где ему было назначено встать. Я и Луи поместились около противников также с обнаженными шпагами, готовые броситься на помощь, если понадобится.

Дали сигнал начать борьбу. Противники поклонились друг другу и сделали выпад. Зазвенели шпаги. А наверху, в небе над собором весело летали голуби и тихо журчал в саду фонтан...

Сразу же обнаружилась огромная разница в приемах обоих дуэлянтов. Капитан Юз сильно двигал туловищем, то наклоняясь, то отступая в сторону, большей частью работая кистью руки. Маркиз, напротив, держался неподвижно и действовал всей рукой, строго придерживаясь всех правил фехтования. Было очевидно, что преимущество на его стороне и что капитан устанет первым, ибо кисть утомляется скорее,

чем вся рука. В довершение всего, я скоро заметил, что маркиз даже не прилагает особых стараний, а ограничивается лишь защитой, выжидая, когда противник утомится.

В горле у меня пересохло, я следил за поединком, затаив дыхание. Вот-вот должен был последовать удар, которым все будет кончено.

Вдруг случилось что-то необычное. Капитан как будто поскользнулся и сделал выпад против маркиза. Его шпага почти коснулась груди Сент-Алэ, и маркиз едва спасся, отскочив назад. Но, прежде чем капитан успел сделать второй выпад, Луи направил против него свою шпагу.

– Этого нельзя! – сердито закричал он. – Удар снизу! Это запрещено правилами.

Капитан остановился, тяжело переводя дух и уперевшись шпагой в землю.

– Почему запрещено? – сказал он и посмотрел на меня.

– Я не совсем хорошо видел, господин Сент-Алэ, – вмешался я. – Это удар...

– Это не разрешается.

– В школе – да, а здесь не школа, а дуэль!

– Я никогда не видал, чтобы его применяли на дуэли.

– Это решительно все равно, и прерывать схватку по таким поводам – нелепость.

– Сударь!

– Да, нелепость, – твердо повторил я. – После этого мне не остается ничего другого, как снять капитана.

– Может быть, вам угодно самому занять его место? – вдруг спросил сзади чей-то насмешливый голос.

Я быстро обернулся. Это произнес один из спутников маркиза.

Я поклонился и спросил:

– Вы доктор?

– Нет, – сердито отвечал он. – Мое имя дю Марк, и я к вашим услугам.

– Вы не секундант, – возразил я, – и, следовательно, не имеете права стоять там, где вы стоите. Попрошу вас удалиться отсюда.

– Я имею такое же право быть здесь, как и другие, – произнес он, указывая шпагой на крышу собора. Наверху у парапета виднелось несколько человек, смотревших на дуэль.

– Наши друзья имеют такое же право, как и ваши, – продолжал он, видимо стараясь меня подразнить.

– Они могут смотреть, но не вмешиваться, – твердо возразил я. – Не можете вмешиваться и вы. Попрошу вас удалиться.

Он опять стал отказываться и поднял было шум. Но Луи сделал резкое замечание нарушителю порядка. Тот, пожав плечами, с недовольным видом отошел прочь.

– Будем продолжать, – вдруг заговорил капитан. – Если удар был неправильный, но этот джентльмен имел право вмешаться. В противном случае...

– Я готов продолжать, – сказал де Сент-Алэ.

Они опять горячо схватились, не соблюдая более осто-

рожности. Я видел, как шпага маркиза скользнула змеей мимо шпаги капитана, и тот зашатался и выронил оружие.

Я подхватил его на руки. Кровь ручьем лилась из глубокой раны на шее. Он взглянул на меня и хотел что-то сказать. Но я разобрал только одно слово:

– Вы...

Кровь залила ему горло. Он замолк и закрыл глаза. Прежде, чем я успел опустить его на траву, он был уже мертв. Пораженный внезапностью катастрофы, я опустился около него на колени.

Доктор пощупал его пульс и теперь старался пальцем остановить кровотечение. Весь мир в эту минуту сосредоточился для меня в этом сером лице, и кроме него я ничего не видел. Мне как-то не верилось, что дух этого человека уже отлетел, что такой сильный и жизнерадостный, завоевавший мою симпатию, он был уже мертв, мертв в то самое время, когда голуби продолжали весело выписывать круги над нашими головами, а фонтан по-прежнему журчал так тихо и спокойно.

– Убит? – в тоске воскликнул я.

– Да, господин виконт. Ему не повезло, – отвечал доктор, опуская голову капитана на забрызганную кровью траву. – При такой ране ничего нельзя сделать.

И он поднялся с земли. Подавленный и поглощенный своими мыслями, я продолжал стоять на коленях, пристально глядя в лицо, минутой ранее полное жизни и энергии. Потом

я вздрогнул и посмотрел на самого себя. Я был весь покрыт его кровью: руки, грудь – все было в крови, просочившейся даже сквозь камзол.

Потом мысли мои обратились к Сент-Алэ. Я инстинктивно посмотрел на то место, где он стоял, но там уже никого не было.

Внезапно раздался громкий удар колокола – один, другой. Не успели звуки еще замереть в воздухе, как послышались чьи-то торопливые шаги. Кто-то хрипло крикнул около меня:

– Боже мой! Это убийство! Они хотят и нас убить!

Я оглянулся. Говоривший был дю Марк. С ним были Сент-Алэ и доктор. Все они явились сюда со стороны калитки, не успев, видимо, скрыться через нее. Они прошли мимо меня отвернувшись, и направились к маленькой двери, которая находилась сбоку старой башни и вела на стены. Едва они успели войти в нее, как над моей головой опять загудел колокол. Звон его был унылым и, вместе с тем, полным угрозы.

Тут я окончательно пришел в себя и понял все происходящее. До ушей моих донесся гул толпы, ворвавшейся в сад при соборе и кричавшей: «На фонарь! На фонарь!». С каждого выступа крыши, с колокольни, из каждого окна мрачного здания собора десятки людей делали знаки, указывали руками, размахивали кулаками. Мне казалось, что они показывали на меня или на мертвого Юза, но, обернувшись на-

зад, я увидел возле себя обоих Сент-Алэ, доктора и дю Марка. Сент-Алэ были бледны, но глаза их горели. Дю Марк тоже был бледен, но его глаза растерянно бегали вокруг.

– Будь Они прокляты! Они захватили калитку! – хрипло закричал он. – Мы окружены! Нас убьют немедленно. Я ссылаюсь на свидетеля, здесь был честный бой! Я призываю вас в свидетели, виконт...

– Ну, это не особенно нам поможет, – насмешливо перебил его маркиз. – Если бы я был дома...

– Да как нам выбраться отсюда? – закричал опять дю Марк, не в силах скрыть страх. – Как вы полагаете, – вдруг обратился он ко мне. – Нас убьют? Нет ли здесь какого-нибудь другого выхода? Да говорите же что-нибудь! Говорите!

Но он напрасно обращался ко мне в своем страхе: я не пошевелил бы и пальцем, чтобы спасти его. Но видя обоих Сент-Алэ, которые стояли передо мной, не зная, что делать и слыша рев уже приближающейся толпы, я не мог оставаться равнодушным. Еще мгновение, и толпа окончательно вломится в сад. Застав нас у трупа Юза, без разбора она принесет нас в жертву своему гневу. Я уже слышал, как трещала садовая калитка, поддаваясь напору, и бессознательно крикнул, что есть другой путь спасения, есть другая дверь, если только она отперта.

Оставив убитого, я бросился через лужайку к стене собора, не обращая внимания на то, бегут ли за мной остальные. Толпа уже вломилась в сад, и нас разделяли только кусты,

хорошо скрывавшие наши действия. Незамеченные никем, мы добежали до маленькой двери с другой стороны башни, которая вела в ризницу, а оттуда был ход в склеп. Все это я знал потому, что незадолго до теперешних событий показывал собор одному англичанину. Надежды на то, что дверь окажется открытой, было немного, да и если бы у меня было время обдумать шансы, то не испытал бы ничего, кроме отчаяния. Но, к величайшей моей радости, дверь отворилась сама собой, и священник, кивнув нам головой с пробритой тонзурой, сделал знак спешить. В мгновение ока мы были уже подле него. Едва переводя дух, мы слышали, как загремел за нами запор. Мы были спасены!

Мы очутились в полутемной узкой и длинной комнате с каменным полом и тремя бойницами вместо окон.

– Боже мой! Мы чуть было... – заговорил первым дю Марк, вытирая мокрый лоб. Его лицо было бледно как у мертвеца. – Теперь мы...

– Еще не выбрались из беды, – серьезно промолвил доктор. – Нам следует прежде всего поблагодарить виконта. Однако наше убежище раскрыто, и они идут. сюда!

Очевидно те, кто был на крыше собора, видели, как мы скрылись в двери, и указали толпе наше пристанище. Шум толпы был слышен уже у стен башни. Вскоре дверь задрожала от сильных ударов, а в узких бойницах показалось десятка два свирепых физиономий, осыпавших нас ругательствами. К счастью дверь была дубовая, обитая железом, ка-

кие делали в старину нарочно для таких случаев. Сломать ее будет трудно. Но слышать, как кричит и беснуется толпа, было довольно страшно. Страшно было чувствовать эту толпу так близко от себя, страшно было подумать, что вот-вот мы рискуем попасть в ее руки! Мы молча смотрели друг на друга. Оттого ли, что в нашем убежище было темновато, или от страха, но бледны как полотно были все. Молчание продолжалось недолго: впустивший нас сюда священник открыл другую, внутреннюю дверь и сказал:

– Сюда...

Рев и гул толпы почти заглушали его голос.

– Идите за мной, я выпущу вас через южные врата. Они могут догадаться об этом и опередить нас.

Легко догадаться, что после этих слов мы не теряли времени даром и со всех ног побежали за ним по узкому подземному коридору, сырому и темному. В конце его находилась лестница, по которой мы поднялись наверх, в новый коридор. Дверь, ведущая в него, была закрыта, и пока священник открывал ее, казалось, прошла целая вечность. Перешагнув порог, мы оказались в комнате, подобной первой, но на противоположном конце собора.

Священник открыл дверь, ведущую наружу. Длинная улица, идущая от собора к дому дворянства, была совершенно безлюдна.

– Мы добрались вовремя, – сказал я со вздохом облегчения.

Приятно было вдохнуть свежий воздух. Отходя от быстрого бега, я повернулся, чтобы поблагодарить спасшего нас священника.

Маркиз де Сент-Алэ, следовавший за мной молча, также выразил ему свою благодарность, но вместо того, чтобы поспешить по безлюдной улице, затем в нерешительности остановился на пороге.

– Господин де Со, – заговорил он, не прибегая в этот раз к своей обычной насмешливости и самоуверенности. – Я должен поблагодарить и вас. Но, может быть, положение, которое мы взаимно заняли...

– Я не желаю говорить об этом, – прервал я. – А вот положение, о котором вы изволили говорить...

– А! – воскликнул он, пожимая плечами. – Значит вы все-таки избираете этот путь?

– Да, я избираю этот путь.

Кровь капитана Юза еще не успела засохнуть на шпаге этого человека, а он еще говорит со мной!

– Я избираю этот путь и должен вас предостеречь, – строго продолжал я, – что если вы будете далее гнуть свою линию, которая стоила уже жизни одному хорошему человеку, то она может повернуть и в вашу сторону, и это будет ужасно.

– Я по крайней мере не собираюсь просить вас защищать меня, – надменно сказал он и пошел беззаботно по улице, вкладывая на ходу шпагу в ножны.

За ним двинулся Луи. Доктор и дю Марк уже давно исчез-

ли. Мне показалось, что проходя мимо меня, Луи на мгновение задержался, что он хотел сказать мне что-то, заглянуть в глаза, протянуть мне руку.

Но перед моими глазами возникло мертвое лицо и закатившиеся глаза Юза. Ни один мускул не дрогнул в моем лице, оно было как каменное, и я отвернулся к стене.

Часть вторая

I. На фонарь!

Из всех происшествий, случившихся с тех пор, как я вышел из комнаты, где заседал комитет, смерть капитана Юза больше всего врезалась мне в память. Я живо представлял себе, как он шел со мной в сад при соборе, как храбро встретил своих врагов. То и дело воспоминания о нем, полном жизни и энергии, поднимались в моей душе, вопиющей о его смерти. Это казалось мне ужасным, и я готов был возненавидеть человека, отнявшего у него жизнь.

Я знал до известной степени историю Юза. Я знал, что он занял ту небольшую сумму денег, что у него была, я знал, какие надежды он питал. Знал я и то, что он пришел сюда с твердым убеждением, что нашел выход из сложившегося положения... И вот теперь он лежит там, возле собора, очо-ченевший и бездыханный!

Мне было до такой степени жаль его, что я почти не думал о том, удастся ли Сент-Алэ окончательно спастись или нет. Прислушавшись, я убедился, что шум толпы затихает где-то в отдалении и что в городе все, более или менее, спокойно. Еще раз горячо поблагодарив священника, я простился с ним и пошел своей дорогой.

Кругом стояла такая тишина, что мои шаги гулко раздавались по мостовой. Хотелось бы знать, почему толпа, несколько минут назад пылавшая мезью, теперь исчезла, оставив окрестности собора! Через несколько шагов это, очевидно, должно было выясниться. Я прибавил ходу и скоро вышел на рыночную площадь. Поразительно, но залитая солнцем площадь была также совершенно спокойна и безлюдна. Там и сям бегали, обнюхивая отбросы и высоко подняв хвосты, собаки. Около лавок на противоположной стороне рынка виднелось несколько старух. Кое-где торговцы запирали свои лавки. Но толпы, недавно заполнявшей всю площадь, хвостов около весов для хлеба, белых кокард уже не было. Это удивило меня несказанно. Недоумение мое продолжалось, однако, недолго. Тишина, царствовавшая меж высокими стенами переулка, стала сменяться каким-то глухим, тяжелым шумом, словно волны били о песчаный берег.

Я прибавил шаг и вскоре был уже у порога гостиницы. Сердце у меня сильно билось, когда я поднимался по лестнице.

В здании не было ни души: весь дом, казалось, вымер. Никого не было видно и слышно. Наконец я добрался до комнаты, где заседал комитет, и вошел в нее. Здесь, хотя и была жизнь, но также царило безмолвие.

За столом еще сидело с полдюжины членов комитета. Увидев меня, они вздрогнули, как люди, застигнутые за делом, которого стыдятся. Одни из них продолжали сидеть,

положа локти на стол, другие, склонившись друг к другу, о чем-то перешептывались. Я заметил, что все они бледны и мрачны. Несмотря на то, что снаружи светило яркое солнце, меня невольно бросило в дрожь и на душе стало сумрачно.

Отца Бенедикта не было, но Бютон еще был здесь. Тут же находились нотариус, торговец овощами, два мелких дворянчика, один из священников и Дюри. Последний был бледен, как полотно, и на всей его фигуре лежал отпечаток ужаса. Можно было предполагать, что никто из них еще не знает того, что случилось, но всмотревшись в них, я сейчас же понял, что им известно все о дуэли и о буйстве толпы даже больше, чем мне самому. Многие из них, встретившись со мной взглядом, поспешили отвести глаза.

– Что случилось? – спросил я, остановившись между дверью и столом.

– А вы не знаете?

– Нет, – пробормотал я, пристально глядя на них.

– Разве вы не присутствовали при дуэли? – спросил Бютон.

– Присутствовал, – нервно отвечал я. – Но что же из этого?

– Я видел, как маркиз спокойно отправился домой, и полагал, что толпа рассеялась. Однако... – заговорил я, опять прислушиваясь.

– Вы же слышите шум даже отсюда? – продолжал допрос Бютон, глядя на меня в упор.

– Да, и я боюсь, что они производят разные бесчинства.

– И мы боимся того же, – сухо отвечал кузнец, облакачиваясь на стол и опять вглядываясь в мое лицо. – Это весьма возможно.

Тут я понял все. Я поймал взгляд Дюри, напрасно старавшегося, чтобы я его не заметил, и понял все. Отдаленный гул толпы делался все сильнее и сильнее и, по мере того, как он возрастал, лица собравшихся становились все серьезнее, губы их начали дрожать, но сами собой сжимались все крепче и крепче.

– Боже мой! – воскликнул я, чувствуя, как их дрожь невольно передается и мне. – Неужели никто не пойдет и не прекратит этих беспорядков? Неужели вы будете оставаться здесь в то время, как эти демоны будут делать свою разрушительную работу? В то время, как дома будут разграблены, а женщины и дети...

– А почему бы и нет? – отрывисто спросил Бютон.

– Как, почему бы и нет?

– Да, да, почему бы и нет? – строго переспросил он.

Видно было, что он держит остальных в своих руках, а они не смеют сделать ничего, ему неугодного.

– Мы собрались здесь, чтобы поддержать общественное спокойствие и принять меры к тому, чтобы и другие его соблюдали. Но ваши белые кокарды, ваши дворяне, ваши офицеры без солдат не захотели этого. Я говорю это вовсе не для того, чтобы обидеть вас, господин виконт. Они решили перебить нас, а теперь пускай получают хороший урок. Да, гос-

подин виконт, – продолжал Бютон, оглядывая сидящих за столом, – да, пусть народ в течение получаса действует, как он знает, а там...

Доставшаяся ему власть удивительно изменила его!

– Народ? – вскричал я. – Да разве всякие негодяи, бродяги, арестанты, нищие и каторжники – народ?

– Это безразлично, – промолвил он, хмурясь.

– Но ведь это будет убийством!

Два-три члена комитета как-то скорчились при этих словах и с испугом посмотрели на меня, но кузнец только плечами пожал. Я все еще не терял надежды предотвратить несчастье и хотел перейти к угрозам, а затем даже к мольбам. Но, прежде, чем я успел раскрыть рот, человек, стоявший у самого окна, поднял руку, требуя молчания. Шум и крики на улице как-то сразу заглохли, и в наступившей тишине ясно послышался резкий выстрел, за ним другой, третий... И вдруг все это перекрыл рев, явственный и полный угрозы.

– Боже мой! – закричал я, срываясь с места. – Я не могу больше выносить этого! Неужели никто не хочет вмешаться? Должны же быть здесь какие-нибудь власти! Должен быть кто-нибудь, чтобы обуздать этих каналий! Предупреждаю вас, что потом они перережут горло и вам! И вам, господин нотариус, и вам, Дюри...

– Был у нас один человек, да и тот теперь убит, – отвечал Бютон.

Остальные члены комитета мрачно расхаживали по ком-

нате.

– Неужели среди вас только и нашелся один человек?

– Они убили его, пускай теперь считаются с последствиями этого, – резко сказал Бютон.

– Они убили! – вскричал я в гневе. – Но и вы это делаете. Я утверждаю, что вы пользуетесь этим отребьем, чтобы свести счеты с вашими личными врагами. Впоследствии они сведут счеты и с вами!

Никто не отвечал мне. Все старались даже не смотреть в мою сторону. Я понял, что бы ни было сказано, мне не удастся подействовать на них. Поэтому я, не говоря ни слова, повернулся и бросился вниз по лестнице. Я знал, или, по крайней мере, догадывался, куда направилась толпа и откуда доносились крики.

Выбежав на площадь, я повернул по направлению к дому Сент-Алэ и пустился по спокойным улицам, мимо окон, в которых виднелись любопытные женские лица, мимо редких прохожих. Все смеялись, глядя на меня, а в моих ушах все слышался безумный рев толпы.

Они грабили дом маркиза де Сент-Алэ! Но ведь там мадемуазель!

Там ее мать!

Мысль о них пришла мне в голову слишком поздно. Но зато я уже не мог теперь избавиться от нее. Неужели я рисковал своей жизнью и вырвал ее из рук озверевших мужиков только для того, чтобы она попала в руки обезумевшего го-

родского отребья?

Мысль эта приводила меня в ужас, и я бежал, что было сил.

Расстояние от собора до дома Сент-Алэ было небольшим, но показалось мне бесконечным. Мне казалось, что прошел целый век, прежде чем я, запыхавшись, добежал туда, пытаясь сквозь лес голов разглядеть, что происходит впереди. Толпа еще не успела овладеть положением. Заполнив собой всю улицу по обе стороны от дома Сент-Алэ, она оставила свободным пространство перед самым домом, откуда раздавались выстрелы. Время от времени из толпы выделялся человек или кучка людей, которые, пробежав по этому пространству к подъезду, старались взломать дверь топорами, ломami и даже голыми руками. Но из-за спущенных штор на окнах-бойницах каждый раз появлялся легкий дымок – один, другой, третий – и люди падали, обагрив кровью камни мостовой, и отступали.

То было страшное зрелище. Но сдерживая пока дикое бешенство, толпа, ревевшая от ярости всякий раз, когда падал кто-нибудь из ее вожаков, не решалась еще броситься на дом всей массой и завладеть им таким образом. К общему шуму и гаму примешивались треск выстрелов и стоны раненых. Мятежники, у которых тоже были ружья, забравшись в дом напротив, палили оттуда по окнам Сент-Алэ.

Ужас этого зрелища усиливался контрастом его с красотой местности, освещенной заходящим уже солнцем, окра-

сившим белые стены высоких домов в золотистые тона. Я бежал сюда, готовый рисковать всем, но теперь я заколебался, не в силах представить себе, неужели это – Кагор, тот небольшой тихий городок, который я знал всю свою жизнь? Неужели в нем могло произойти нечто подобное? Нет, это казалось мне просто тяжелым сном.

Но казаться так могло какую-нибудь минуту, и с отчаянием в сердце я бросился в толпу, решившись во что бы то ни стало пробиться через нее и добраться до подъезда. Как это сделать, я сам еще не знал.

Вдруг я почувствовал, что кто-то схватил меня за руку и довольно крепко, стараясь остановить. Я обернулся, чтобы ответить на это насилие ударом – я был вне себя. Оказалось, что подле меня стоял отец Бенедикт. Я не мог удержаться и вскрикнул от радости, а он что было силы тащил меня из толпы. На бледном его лице ясно читались ужас и огорчение. Я же был чрезвычайно рад нашей встрече.

– Вы можете еще что-нибудь сделать! – кричал я ему в ухо, сжимая его руку. – Комитет не хочет вмешиваться! Это равносильно убийству! Разве вы сами не видите, что делается?

– Что я могу тут сделать? – вздохнул он, с отчаянием махнув рукой.

– Заговорите с ними.

– Заговорить с ними? Неужто вы думаете, что люди, впавшие в безумие, будут вас слушать? Да кто теперь решится заговорить с ними? И где это сделать? Это невозможно, невоз-

можно! Они убили бы собственных отцов, если б те вздумали встать между ними и их мщением.

– Что же вы в таком случае намерены делать? – раздраженно вскричал я.

Отец Бенедикт покачал головой. Я понял, что он не способен к каким бы то ни было действиям, и меня охватило еще большее раздражение.

– Вы должны что-нибудь предпринять! Вы спустили дьявола с цепи, вы же должны и укротить его! Значит это и есть та свобода, о которой вы толковали? Это значит и есть тот самый народ, который вы так защищали? Отвечайте мне, что вы намерены теперь делать? – кричал я, свирепо тряся его за руку.

Отец Бенедикт закрыл лицо ладонями.

– Господи, помоги нам, – глухо произнес он.

Первый раз в жизни я посмотрел на него с презрением и гневом.

– Господь помогает только тем, кто умеет помочь себе сам! – закричал я вне себя. – Вы вызвали все это! Вы! Вы! Теперь поправляйте дело сами!

Но он лишь молчал и дрожал. Чувства, обуревавшие меня, были ему чужды, и он совершенно упал духом.

– Теперь поправляйте дело! – в бешенстве твердил я.

– Я не могу идти к ним, – пробормотал он.

– В таком случае, я проложу вам дорогу, – обезумев, закричал я. – Следуйте за мной! Слышите этот шум? Хорошо,

мы сами тоже примем в нем участие.

Грянул залп стволов из десяти. Мы не могли видеть ни его результатов, ни того, что происходило впереди. Слышен был только глухой рев толпы.

Я крикнул отцу Бенедикту, чтобы он не отставал от меня, и ринулся в самую толчею.

Он опять схватил меня за руку и с очевидным упорством хотел вновь остановить меня.

– Идите через дом! Через дом с противоположной стороны, – бормотал он, приблизившись к моему уху.

Я еще окончательно не потерял самообладания и, поняв, что он говорит, не мог не согласиться с ним. Он повел меня в сторону.

Мы выбрались из толпы и поспешили по боковой улочке, вскоре достигнув заднего двора здания, стоявшего как раз напротив дома Сент-Алэ. Мы не первые воспользовались этой дорогой: некоторые наиболее предприимчивые из бунтовщиков предвосхитили наш план и сами добрались этим путем до окон, через которые и стреляли в Сент-Алэ. Ворота и входные двери были открыты настежь, а из дома неслись возбужденные крики и ругательства вломившихся в него людей. Мы, впрочем, не пошли к ним. Я направился в первую попавшуюся дверь и, пройдя мимо группы женщин и детей (вероятно жильцов этого дома), жавшихся в страхе друг к другу, вышел через парадную дверь прямо на улицу.

Два или три человека грубоватого вида, с закопченными

лицами, стреляли из окон первого этажа. Один из них обернулся и посмотрел на меня. Он крикнул мне, чтобы я не трогался с места, прибавив с ругательством, что если я выйду на улицу, аристократы тотчас же убьют меня. Но в своем возбуждении я не придавал его словам большого значения и, быстро отворив дверь, очутился на улице один-одинешенек, среди свободного от толпы пространства. По обеим сторонам от меня, шагах в пятидесяти стояли плотными рядами люди, а прямо передо мной возвышался белый фасад дома Сент-Алэ.

Перед ставнями его окон вился легкий дымок от выстрелов.

Толпа, увидев меня одного, смолкла и с изумлением глядела на меня. Я поднял руку. Кто-то выстрелил: раз, другой, третий. Пули просвистели над моей головой. На противоположной стороне от зеленых ставней отлетел вниз порядочный осколок. Кто-то из толпы крикнул, чтоб не стреляли, и в одну секунду настала полная тишина. Подняв руку, я стоял меж двух живых стен, слыша тяжелое их дыхание и не в силах найти подходящих слов.

Послышался сдержанный ропот, и я поспешил начать свою речь:

– Жители кагорские! – закричал я. – Во имя трехцветного знамени, остановитесь!

Дрожа от волнения, повинуюсь только обстоятельствам, я медленно перешел через улицу к крыльцу осажденного дома

и, вынув из своей петлицы трехцветную кокарду, на глазах у всех прикрепил ее к дверной ручке. Потом я повернулся спиной к дому.

– Этот дом, – закричал я изо всех сил. – Этот дом я взял в свои руки, а вместе с ним и тех, кто в нем находится. Я делаю это от имени нации и кагорского комитета. Находящиеся в доме будут преданы суду, и правосудие свершится над ними. А вас я прошу расходиться. Идите с миром по своим домам, а комитет...

Закончить фразу я не смог: при слове «комитет» над самой моей головой грянул выстрел, и от стены противоположного дома оторвался кусок штукатурки. Выстрел этот как будто освободил связанные было чувства толпы, и вопль негодования раздался в воздухе. Все свистели и, указывая на меня, кричали:

– На фонарь его! На фонарь предателя!

Словно невидимый поток хлынул позади толпы с обеих сторон: люди ринулись вперед и, докатившись плотной массой до самых дверей, надели на меня.

Я ожидал, что вот-вот меня разорвут на части. Но вместо этого меня как-то оттеснили в сторону и... забыли. В минуту я был поглощен этой бушующей, кипящей массой людей, в беспорядке бросавшихся на крыльцо, нанося в припадке бешенства раны друг другу. Раненные ранее, были растоптаны ногами, и никто не обращал внимания на их вопли. Из дома раздались еще два выстрела, свалившие двоих нападавших.

Но давка была столь велика, что никто даже не заметил, как они упали, и их также раздавили.

Я прижался к железной решетке, бывшей по бокам крыльца между колоннами, и старался не оторваться от этого места. Впрочем, сдвинуться куда-либо было очень трудно. Приходилось стоять среди этой беснующейся толпы в ожидании развязки, которая не заставила ждать себя долго.

Первые двери, достаточно уже разбитые и расшатанные, поддались, и люди, бывшие впереди, были внесены напором сзади в образовавшийся проем. Но внутренняя дверь еще держалась. Скоро и она упала под ударами нападавших.

Я был захвачен хлынувшим в дверь потоком. Несколько человек впереди меня были смяты, и я несся одним из первых.

У меня была надежда опередить других и поскорее попасть в верхние комнаты, чтобы если не спасти мадемуазель, то хоть умереть, сражаясь за нее. Энергия толпы передалась и мне, и кровь моя так и бурлила.

Однако, когда мы достигли лестницы, нашим глазам предстало зрелище, заставившее всех остановиться.

На лестнице стоял один старый Гонто. Он спокойно смотрел на вторгнувшуюся орду и улыбался. В улыбке этой виднелось не обычное его легкомыслие, а мужественное сознание касты, к которой он принадлежал. Он видел, как ненависть захлестывала тот мир, который он любил и уважал. Он знал, что смерть ждет его там, внизу, через семь ступеней.

И он улыбался...

Повесив свою тонкую шпагу эфесом на руку, он барабанил пальцами по табакерке и смотрел на нас сверху вниз.

– Что, ребята, – заговорил он. – Вы хотите попасть на виселицу?

Сначала никто не трогался с места: появление старика и его бесстрашие подействовали даже на самых подлых. Смущенные его взглядом, они молча тарасили на него глаза.

Гонто первым пришел в движение. Спокойным и уверенным жестом, словно на дуэли, он схватился за рукоятку своей шпаги.

– Ну! – промолвил он с гневом и горечью. – Зачем вы пришли сюда? Вы хотите погубить свою душу? Извольте, я помогу вам это сделать.

Эти слова разрушили создавшееся было впечатление. Десяток оборванцев с криком бросился к нему. Я видел, как блестящая шпага сверкнула раз – другой. Один упал и покотился прямо под ноги своим товарищам. Потом я увидел, как поднялся и опустился на это улыбающееся лицо железный брус. Без крика, без стога старик упал, где стоял. На него посыпался целый град ударов, и через секунду он был уже мертв.

Все это произошло так быстро, что я не успел вмешаться. Потом поток людей, испуская страшные крики, хлынул через труп по лестнице. Я бросился за ними. Направо и налево видны были запертые двери. Каналы, взломав их, разбе-

жались по богато обставленным комнатам, разрушая в припадке злобы все, что попадалось им на пути: вазы, статуи, картины, зеркала. С криком триумфа они ворвались в гостиную, которая в течение нескольких поколений видела только красивую сторону жизни. Их ноги стучали по блестящему паркету, по которому издавна мягко вились лишь дамские шлейфы. Все, что было им непонятно, сбрасывалось на пол и уничтожалось. В мгновение ока дивное венецианское зеркало было разбито вдребезги, картины вспороты и безнадежно испорчены, книги выброшены из окна на улицу.

С первого взгляда поняв, что осажденных нет в этих комнатах, я кинулся вперед, перешагивая через несколько ступеней. Но другие уже опередили меня. Обогнув лестницу, я увидел троих оборванцев, стоявших у двери и прислушивавшихся к тому, что за ней происходит. Прежде чем я успел добежать до этой двери, один из них выпрямился и закричал:

– Они здесь! Я слышал женский голос!

И он размахнулся ломом, чтобы ударить в дверь.

– Стой! – закричал я таким голосом, что он невольно вздрогнул и опустил свое оружие. – Стой! Именем комитета я приказываю вам оставить в покое эту дверь. Остальная часть дома в вашем распоряжении. Идите и грабьте!

Оборванцы взглянули на меня в изумлении.

– Черт побери, – зашипел один из них. – Кто вы такой?

– Я представитель комитета.

Он выругался и поднял было опять руку.

– Стой! Назад! – закричал я в ярости. – Назад, иначе вы все будете повешены!

– Ого! Аристократ! – бросил он мне в ответ и повысил голос. – Сюда, товарищи, сюда! Аристократ, аристократ! – вопил он.

На его зов прибежало человек шесть. В одно мгновение я оказался окружен свирепыми физиономиями со злыми глазами, окружен отребьем, подонками, вынырнувшими с самого дна жизни. Они не замедлили бы убить меня, если бы я, не помня себя, сам не бросился на человека с ломом и не вырвал это оружие из его рук, повергнув его на пол.

В этой борьбе я потерял равновесие и споткнулся. Не успел я оправиться, как один из нападавших ударил меня по голове деревянным башмаком. Удар оглушил меня, однако у меня еще достало силы выпрямиться. Не теряя времени, я накинулся на них, обратил в бегство и освободил от них площадку перед дверью.

Но голова у меня сильно кружилась. Все представлялось мне в каком-то красноватом тумане, люди расплывались перед моими глазами. Я не мог более ориентироваться и только услышал, как подле меня раздавался громкий смех. Кто-то дернул меня за рукав камзола. Я обернулся и в эту минуту получил страшный удар, чем, не знаю до сих пор, и упал замертво.

II. Дело плохо

Стоял август, и листья каштанов были еще зелены, когда произошел разгром дома Сент-Алэ, во время которого на меня обрушился ужасный удар. Ясени уже сбросили листву, а дубы только покраснели, когда я стал приходить в себя. Но еще много дней прошло, пока я перестал быть только животным – есть, пить, спать и видеть отца Бенедикта около моей постели. Однако в самом конце ноября настало все-таки время, когда проснулся и разум, хотя все ухаживавшие за мной уже потеряли на это всякую надежду. Встречаясь глазами с добрым кюре, я видел, как он отворачивается и украдкой радостно всхлипывает.

Через неделю я знал уже все, что произошло в эту удивительную осень, пока я лежал прикованный к своей постели. Избегая событий, которые касались меня слишком близко, отец Бенедикт рассказал мне о Париже, о тех двух месяцах подозрения и нерешительности, возникших после взятия Бастилии, о том времени, когда предместья Парижа, едва сдерживаемые Лафайетом и его Национальной гвардией, ревниво стерегли Версаль, где заседало Национальное собрание. Он не скрыл от меня и трудностей с продовольствием, царивших в Париже, и постоянных слухов о том, что двор готовит нападение на собрание. Рассказал он и о злополучном банкете, устроенном королевой и послужившем искрой,

взорвавшей мину²⁷. От него же я узнал и о шествии женщин к Версалию 5 октября, которые принудили короля и Национальное собрание вернуться в Париж и, сделав короля пленником в его собственном дворце, положили конец периоду колебаний²⁸.

– А что же было дальше? – спросил я с удивлением. – Ведь теперь уже 20 ноября...

– С тех пор не произошло ничего особенного. Есть только некоторые признаки...

– Признаки чего?

Он с серьезным видом покачал головой:

– Все поступают в Национальную гвардию. Даже здесь, в Керси, отряд, который хотел сформировать капитан Юз, достиг уже нескольких тысяч человек. Все, конечно, вооружены. Затем, отменено право охоты, и охотиться теперь может каждый. Многие из дворян эмигрировали.

– Кто же управляет сейчас страной?

– Муниципалитеты, а где их нет – комитеты.

При слове «комитеты» я не смог сдержать улыбку:

– А как ваш комитет?

– Я не принимаю в нем участия, – отвечал он, видимо сму-

²⁷ 1 октября 1789 г. состоялся званый обед, на котором офицеры Фландрского. Швейцарского полков и версальские национальные гвардейцы в знак верности королю попрали национальные (трехцветные) кокарды и прикрепили к мундирам белые.

²⁸ Речь идет о походе женщин в Версаль 5–6 октября 1789 г., повлекшем за собой переселение короля и Национального собрания в Париж.

тившись. – Сказать по правде, они уж слишком быстро идут вперед. Но я должен сказать вам и нечто более прискорбное.

– Что такое?

– Четвертого августа собрание отменило десятину в пользу церкви, а в начале этого месяца было предложено конфисковать все церковное имущество. Теперь, вероятно, это уже решено.

– Что же, духовенству умирать теперь с голода? – воскликнул я с негодованием.

– Как-нибудь устроят, – отвечал он, грустно улыбаясь. – Духовенству будет платить государство, пока это будет ему угодно.

Вскоре он ушел. Я по-прежнему лежал, поглядывая в окно и стараясь представить себе мир, в котором без меня произошли такие перемены. Вошел Андрэ с приготовленным для меня бульоном. Свежая струя жизни, ворвавшаяся в мою комнату вместе с новостями, сразу улучшила мой аппетит и вселила в меня решительное отвращение к лекарствам и микстурам.

Я заметил Андрэ, что бульон недостаточно крепок. Старика это обидело.

– Что же тут можно поделать, – заворчал он. – Чего тут ждать, когда аренду едва платят, половина голубей убита прямо на голубятне, а во всей округе не найдешь и одного зайца? Когда все начинают охотиться и ловить силками, а портные и кузнецы гарцуют на лошадях со шпагами на боку

в то время, как дворянство бежит или прячется в своих постелях, немудрено, что и бульон недостаточно крепок! Если вам угодно более крепкого бульона, то надо бы завести корову...

– Ну-ну! – перебил его я, хмурясь в свою очередь. – Что слышно о Бютоне?

– Вы говорите о капитане Бютоне? – с усмешкой спросил старый слуга. – Он теперь в Кагоре.

– А кто подвергся наказанию за... за разгром дома Сент-Алэ?

– Нынче никто не подвергается наказанию, – резко отвечал Андрэ. – Разве иногда повесят какого-нибудь мельника, да и то потому, что хлеб дорожает.

– Стало быть и Маленький Жан...

– Он уехал в Париж. Наверное он уже капитан или даже полковник.

И, выпалив в меня таким предположением, старик вышел из комнаты, оставив меня в ярости. Хотя я и не решался спрашивать его обо всем, одно мне непременно хотелось знать. Мне хотелось освободиться от мучившего меня страха.

Я где-то читал, что лихорадка выжигает любовь и что человек встает с одра болезни, поборов не только свою болезнь, но и страсть, с которой раньше не мог справиться. Но со мной этого не случилось. С тех пор, как Охватившее меня беспокойство стало принимать реальные формы, я то и де-

ло видел перед собой на зеленом пологе кровати знакомое детское лицо – то заплаканное, то просто грустное, то призывавшее меня взглядом. Мысль о Денизе уже не покидала моего очнувшегося сознания.

На другой день, впрочем, это беспокойство было устранено.

Отец Бенедикт решился покончить с вопросом, от ответа на который он прежде намеренно уклонялся.

– А вы так и не спросите, что случилось после того, как вы упали, – заговорил он, слегка колеблясь. – Вы помните что-нибудь?

– Все помню, – со стоном отвечал я.

Он облегченно вздохнул. Кюре, кажется, опасался, что голова моя все еще не в порядке.

– А вы так ничего и не спросите?

– Да поймите наконец, могу ли я спрашивать? – сдавленно крикнул я.

Охваченный волнением, я было приподнялся со своей постели, но сейчас же вынужден был опуститься назад, не в силах побороть слабость.

– Разве вы не понимаете, что я не спрашивал оттого, что все еще надеялся? Но, раз вы заговорили, не мучьте меня больше... Скажите мне все, все...

– Я могу сообщить вам только хорошие вести, – весело промолвил кюре, желая, очевидно, рассеять мои опасения первыми же словами. – Самое худшее вы знаете. Бедный гос-

подин Гонто был убит на лестнице. Он был слишком стар и не мог спастись бегством. Остальные, вплоть до последнего слуги, бежали по крышам соседних домов.

– И спаслись?

– Да. Мятеж в городе бушевал несколько часов, но им удалось все-таки скрыться. Кажется, они совсем уехали отсюда.

– А вы знаете, где они теперь?

– Нет. Со времени беспорядков я не видел никого из них. Но, бывая то в одном доме, то в другом, слышал о них. В середине октября уехали и Гаринкуры. Маркиз де Сент-Алэ с семьей уехал, кажется, вместе с ними.

Последнее сообщение сняло камень с моей души, и некоторое время я лежал молча.

– Больше вы ничего не знаете? – наконец спросил я.

– Ничего.

Но и этого для меня было довольно.

В следующий раз кюре навестил меня лишь весной, я уже мог пройтись с ним по террасе. После этого я стал поправляться быстро, но замечал, что по мере того, как силы возвращались ко мне, настроение отца Бенедикта становилось все печальнее и печальнее. Лицо его приняло какое-то угрюмое выражение, и он большей частью молчал. Когда однажды я спросил, что с ним такое, он ответил, вздохнув:

– Плохо дело! Плохо! И я, прости Господи, виноват в этом!

– Кто же не виноват теперь?

– Но я-то должен был предвидеть! – упрекал он себя. – Я должен был знать, что первое, что Господь дарует человеку, это порядок. А нынче в Кагоре никакого суда не добьешься: старые чиновники перепуганы, старыми законами пренебрегают, никто не смеет напомнить должнику о его долге. Самое худшее, то, чего должен бояться даже арестант в тюрьме – это то, что о нем совсем забудут. Хорош порядок, когда везде я у всех оружие, и люди, неумеющие читать и писать, поучают грамотных, а те, кто не вносят налогов, присваивают себе имущество тех, кто аккуратно их платил. В городах голод, фермеры и крестьяне изводят дичь или сидят, сложа руки. Кто же в самом деле будет работать, когда люди не уверены в завтрашнем дне? Дома богатых людей стоят пустые, их слуги умирают с голоду.

– Ну, а свобода? – осторожно проговорил я. – Вы же сами однажды говорили, что за свободу придется заплатить кое-чем?

– Разве свобода заключается в том, чтобы производить беспорядок? – в сердцах отвечал он. – Разве свобода в том, чтобы грабить, богохульствовать и уничтожать межу вашего соседа? Разве тирания перестает быть тиранией оттого, что тиранов теперь не один, а целые тысячи? Просто не знаю, что мне делать, – продолжал он после небольшой паузы. – Я хотел бы пойти теперь в мир, отказаться от того, что я говорил, отречься от того, что сделал!

– Что же произошло за это время, чего я не знаю? – спро-

сил я, встревоженный такой горячностью.

– Национальное собрание отняло у нас десятину и церковное имущество, – с горечью отвечал он. – Но это вы уже знаете. Они отказываются признать нас церковью. И это вы знаете. Постановлено уже уничтожить всякие молитвенные здания, а теперь хотят запретить церкви и соборы. Таким образом, мы скоро вернемся опять к язычеству.

– Этого не может быть!

– Но это так.

– Неужели и соборы и церкви...

– А почему бы и нет! – с отчаянием воскликнул кюре.

Я видел, что этот человек с чуткой совестью мучается от мысли, что сам ускорил эту катастрофу. Вот почему я ощутил беспокойство, когда он не явился ко мне на другой день. Пришел он только два дня спустя, был угрюм и молчалив, оставался у меня недолго и распрощался с такой грустью, что мне захотелось воротить его назад. Потом он опять пропал на целых два дня. Я послал за ним, но его старая прислуга сказала, что, уговорившись с соседним кюре насчет исполнения треб, он внезапно собрался и куда-то уехал.

К тому времени я уже мог самостоятельно ходить и побрел к его домику сам. Здесь я узнал только, что заходил к нему в гости какой-то монах-капуцин, пробывший у кюре около двух недель, и что отец Бенедикт уехал из дома через несколько часов после его ухода.

Я возвратился домой опечаленный и недовольный.

Жители деревни, попадавшие мне навстречу, почти-тельно кланялись мне с заметным сочувствием: со времени болезни я впервые показался в деревушке. И тем не менее, оттенок подозрительности, который я заметил на их лицах еще несколько месяцев назад, не только не исчез, а, наоборот, стал явственнее. Не зная с уверенностью нашей взаимной позиции, они стеснялись меня и, видимо, облегченно вздыхали, когда я проходил мимо них.

Возле ворот, ведущих в аллею парка, я встретился с одним виноторговцем из Ольнуа, которого я знал. Остановив его, я спросил, дома ли его семья.

– Нет, господин виконт, – отвечал он, с удивлением глядя на меня, – она уже несколько недель тому назад уехала, после того, как короля уговорили вернуться в Париж.

– А как ваш барон?

– Он тоже уехал.

– В Париж?

Виноторговец, почтенный буржуа, не смог удержаться от улыбки:

– Думаю, что нет. Впрочем, вы сами лучше знаете. Если я скажу «Турин», то это будет, пожалуй, ближе к истине.

– Я был очень болен и ничего не слыхал.

– Вам нужно бы переехать в Кагор, – с грубоватым доброжелательством посоветовал он. – Большинство дворян там, если не уехало еще дальше. Это гораздо безопаснее, чем оставаться в деревне. Если б мой отец был жив...

Не окончив фразы, он только пожал плечами, поклонился мне и продолжил свой путь. Несмотря на его слова, видно было, что произошедшие перемены ему по душе, хотя он и считал нужным из вежливости скрывать свое удовольствие.

Я же направился к дому, чувствуя себя еще более одиноким. Высокий каменный замок с башней и голубятней, полускрытый редкой еще листвой, смягчавшей его очертания, был пуст и безлюден. Казалось, он тоже чувствовал себя одиноким и жаловался мне на тяжелые времена, которые пришлось нам переживать. Лишившись отца Бенедикта, я лишился единственного собеседника, и притом, как раз в такой момент, когда с возвращением сил явилось особенное желание поделиться с кем-нибудь своими планами.

Мрачные мысли одолевали меня, пока я шел по широкой аллее к дому. Вот почему я чрезвычайно обрадовался, увидав около подъезда чью-то привязанную лошадь. К седлу были приторочены кобуры, подруга была распущена.

Войдя в вестибюль, я застал там Андрэ. К моему изумлению, старик вместо того, чтобы сообщить мне, кто приехал, повернулся ко мне спиной, продолжая стирать пыль со стола.

– Кто это здесь? – строго спросил я.

– Никого тут нет, – последовал ответ.

– Как никого? Чья же это лошадь?

– Кузнеца.

– Какого кузнеца? Бютона?

– Да, Бютона.

– Но где же он сам и что он тут делает?

– Он там, где должен быть, то есть в конюшне, – угрюмо отвечал старик. – Держу пари, что это первое хорошее дело, что он делает в течение уже многих дней.

– Он подковывает лошадь?

– А что же ему, обедать что ли с вами? – ответил вопросом на вопрос рассерженный слуга.

Я не обращал внимания на его воркотню и направился к конюшне.

Издали уже было слышно, как пытели мехи. Зайдя за угол, я увидел Бютона, работавшего в кузнице вместе с двумя молодцами.

На нем была рубашка, схваченная кожаным поясом. Своими обнаженными по локоть, закоптелыми руками он напомнил мне прежнего Бютона, каким я знал его шесть месяцев назад. Возле кузницы лежало тщательно свернутое верхнее платье – голубой камзол с красными нашивками, длинный голубой жилет и шляпа с громадной трехцветной кокардой.

Опустив ногу лошади, которую он ковал, Бютон выпрямился и поклонился мне. Во взгляде его было какое-то новое выражение, не то он просил о помощи, не то бросал мне вызов.

– Ого! – сказал я, пристально глядя на него. – Слишком большая честь для меня, капитан. Лошадь, подкованная членом комитета!

– Разве вы можете на что-нибудь пожаловаться? – спросил он, краснея под густым слоем сажи, покрывшей его лицо.

– Я? Нет, мне не на что жаловаться! Я только ошеломлен выпавшей мне честью!

– Я здесь бываю и подковываю лошадей раз в месяц. И, вероятно, вы не можете пожаловаться на то, что лошади от этого страдают.

– Нет, но...

– Разве пострадал ваш дом? Сгорел ли у вас хоть один стог сена, пропал ли хоть один жеребенок с выгона, хоть одно яйцо с голубятни?

– Нет.

Бютон мрачно кивнул головой.

– Итак, если вам не на что жаловаться, то, быть может, вы позволите мне сначала закончить свою работу? Потом я передам вам одно поручение, которое было мне дано. Но я должен сделать это с глазу на глаз, а не в кузнице...

– Конечно, кузница не место для секретов, – насмешливо промолвил я, собираясь уходить. – Хорошо, приходите ко мне на террасу, когда кончите работу.

Через час он явился ко мне. В своем новом камзоле и со шпагой на боку он был чрезвычайно неуклюж. Оказалось, что он привез с собою назначение меня подполковником Национальной гвардии нашей провинции.

– Это назначение было дано вам по моей просьбе, – сказал он с нескрываемой гордостью. – Были люди, находившие,

что вы не особенно ладно вели себя во время беспорядков, но я их перекричал. Я заявил решительно: никого другого подполковником!

А они не могут обойтись без меня.

Каково было положение! Ощущение его нелепости столкнулось в моей душе с чувством унижения! Шесть месяцев назад я в ярости изорвал бы этот клочок бумаги, бросил бы ему в лицо и палками прогнал бы его прочь. Но много воды утекло с тех пор, и мне только хотелось смеяться, но я подавил это желание. Отчасти из осторожности, отчасти из добрых побуждений: я ценил чувство привязанности ко мне Бютона даже в изменившихся обстоятельствах и ненормальном положении вещей. Внутренне задыхаясь от смеха, я, тем не менее, с серьезным видом поблагодарил его и заявил, что сам дам письменный ответ комитету.

Он все не уходил, мялся, переступая с одной огромной ноги на другую. С напускной вежливостью я ждал, что он еще скажет.

– Я хочу сказать вам и другую новость, – начал он наконец. – Отец Бенедикт уехал из Со.

– Да?

– Да. Он хороший человек. Лучше сказать, он был хорошим человеком. Но он рискует нажить себе неприятности; вы сами хорошо бы сделали, если бы предупредили его об этом.

– А вы разве знаете, где он теперь?

– Догадываюсь, – отвечал Бютон. – Там же, где и другие. Эти монахи-капуцины не даром шныряют по всей округе. Когда вороны летят домой, быть буре. А мне бы не хотелось, чтобы отец Бенедикт попал в нее.

– Я не имею никакого представления о том, где он теперь, – сказал я холодно. – Не понимаю и того, о чем вы говорите. Кузнец переменял тон и стал говорить довольно резко и грубо:

– Он уехал в Ним.

– В Ним? – воскликнул я с удивлением. – Почему вы это знаете?

– Знаю. Знаю и то, что там затевается. Знаю и многое другое. Но на этот раз ни Сент-Алэ, ни все их драгуны – да, да, они все там – не вырвутся от нас. Мы сломаем им шеи. Да, господин виконт, не делайте ошибки, – продолжал он, глядя на меня налившимися кровью глазами, – не якшайтесь ни с кем из них. Народ – это теперь мы! Горе человеку, который вздумает стать ему поперек дороги!

– Идите! – воскликнул я. – На сегодня я довольно наслушался.

Он хотел было что-то мне возразить, но старая привычка взяла верх и, пробормотав на прощание несколько неясных слов, он исчез за углом дома. Через минуту я услышал топот лошадиных копыт по аллее.

Напрасно я остановил его в разговоре. Теперь мне хотелось воротить его и расспросить подробнее.

Маркиз де Сент-Алэ в Ниме! Отец Бенедикт в Ниме! И там зреет заговор!

Эта новость как бы распахнула передо мной окно в мир Божий, и я уже не чувствовал себя одиноким и затерянным. Мне представлялся большой южный город, его улицы, покрытые белой пылью; в городе поднимаются беспорядки, а издали вдруг всплывает лицо Денизы де Сент-Алэ, которое смотрит на меня строго и укоризненно.

Отец Бенедикт уехал в Ним. Почему бы и мне не поехать туда? В нерешительности я кружил на одном месте и, чем дальше обдумывал пришедшую мне в голову мысль, тем больше она соблазняла меня. Чем больше думал я о скучном бездействии, в котором вынужден жить дома, тем сильнее мне хотелось уехать. Почему бы мне, в самом деле, не уехать?

В кармане у меня лежала бумага, в которой было не только назначение меня подполковником Национальной гвардии, но и говорилось, что я был товарищем председателя комитета общественной безопасности в провинции Керси. Имея такой паспорт, можно было ехать без опаски. Затянувшаяся болезнь послужит прекрасным объяснением того, почему меня не видно на людях. Денег у меня довольно. Словом, я не видел никаких препятствий для скорейшего отъезда, и мне казалось, что он доставит одно удовольствие.

Таким образом, выбор был сделан. На следующий же день я в первый раз после болезни сел верхом и проскакал две-три

мили по дороге в Кагор, туда и обратно. Это сильно утомило меня. На следующее утро я поехал в Сент-Алэ, взглянул на развалины дома и вернулся обратно. На этот раз я уже не чувствовал такой усталости.

Следующим днем было воскресенье, и я сидел дома. Зато в понедельник я проехал уже половину дороги в Кагор. Вечером я вычистил свои пистолеты и проследил за тем, как Жиль укладывал мои дорожные мешки, в которые я велел положить два простых костюма и шляпу с небольшим трехцветным бантом.

На другое утро, 6 марта я тронулся в путь.

Простившись с Андрэ на краю деревни, я повернул лошадь по направлению к Фижаку и пустился галопом, чувствуя себя свободным от всего, что раньше угнетало меня.

На смену прохладному мартовскому дню пришел такой же свежий вечер, но меня он только подбадривал.

III. В Мило

Много удивительного видел я в этой поездке. Странно было видеть на полевых работах вооруженных крестьян, и не менее странным было видеть, как в каждой деревне крестьян обучали владеть оружием. В какой бы гостинице я не останавливался, первое, что я видел, было человек пятнадцать простонародья, сидевших вокруг стола со стаканами вина и чернильницей в центре: то были местные комитеты.

А к вечеру третьего дня я увидел нечто еще более странное.

Когда я начал подниматься по долине Тарна, впадающей в Севенн около Мило, задул холодный северный ветер, и небо затянуло облаками. Местность была серой и безлюдной. Впереди, милях в двух громоздились массивы голубых гор. Я устало брел рядом с лошадьёю, погруженный в свои думы. Вдруг я услышал голоса, певшие хором. Напрасно я искал певцов кругом себя: звуки, такие чистые и нежные, казалось, выходили из-под земли, у самых моих ног.

Я прошел немного вперед, и загадка разрешилась сама собой. Я оказался на краю невысокого обрыва, под которым виднелись крыши какой-то деревушки. На окраине ее собралась толпа человек в сто, мужчин и женщин. Они пели и плясали вокруг большого дерева. Листвы на нем не было, зато оно было все увешано флагами. В центре круга, у самого де-

рева сидели старики. Если б не было так свежо, я бы подумал, что я случайно попал на майский праздник.²⁹

При моем появлении пение оборвалось. Потом два старика, выбравшись из круга, пошли ко мне навстречу, держа друг друга за руки.

– Добро пожаловать в Жиронду и Влэ! – закричал мне один из них.

– Добро пожаловать в Жиронду и Влэ, – как эхо, повторил другой.

И прежде, чем я успел им ответить, они закричали оба вместе:

– Вы приехали в счастливый день!

Я не мог удержаться от улыбки.

– Я очень рад это слышать, – сказал я. – Позвольте, однако, узнать, по какому случаю у вас такое собрание?

– Общины Жиронды и Влэ, Влэ и Жиронды, – закричали они разом, – теперь единое целое. С сегодняшнего дня старинные межи более не существуют. Старая вражда исчезла. Благородное сердце Жиронды и благородное сердце Влэ бьются в полном согласии!

Я уже едва сдерживал смех при виде их наивности. К счастью, в это время хоровод вокруг дерева опять запел и задвигался, словно на какой-нибудь картине Ватто. Я с улыбкой поблагодарил обоих крестьян за это зрелище.

²⁹ Древний обряд, связанный с культом растительности, распространенный в Европе. Вокруг майского дерева устраивались игры и танцы.

– Но это еще не все, сударь, – серьезно отвечал один из них. – Исчезли не только наши границы, но и отошли в прошлое границы целых провинций. В Валенсии, например, оба берега Роны подали друг другу руку и поклялись в вечной дружбе. С этих пор все французы – братья.

– Прекрасная мысль, – согласился я.

– Ни один сын Франции не станет уж проливать французскую кровь.

– Дай Бог!

– Католики и протестанты будут жить в мире. Не будет никаких дел в суде. Хлеб будет повсюду развозиться свободно, без всяких пошлин. Все будут свободны. Все будут богаты.

Они еще что-то говорили мне в том же радостном тоне и с той же наивной верой в свой бред, но мое внимание было отвлечено от них человеком, сидевшим среди крестьян под самым деревом. Мне показалось, что он принадлежит к другой категории людей. Высокий, худой, с гладкими черными волосами и строгими чертами лица, на первый взгляд он по внешности ничем не отличался от окружающих. Его грубый охотничий костюм был весь в заплатах, шпоры на желтых, забрызганных грязью сапогах были погнуты и покрыты ржавчиной. Но в его осанке было нечто такое, чего не было у других, а во взглядах, которые он бросал на вертевшихся перед ним крестьян, я подметил спокойное презрение.

Я не думал, что он заметил мое появление, но не успел, простившись с обоими стариками, пройти и сотни шагов,

как услышал позади себя шаги. Оглянувшись, я увидел, что это был мой незнакомец. Он сделал мне знак, и я остановился в ожидании, пока он не подошел ко мне.

– Вы направляетесь в Мило? – спросил он отрывисто, с сильным местным акцентом.

По его тону чувствовалось, что он обращается ко мне, как равный к равному.

– Да, сударь, – отвечал я. – Но я боюсь, что не успею добраться к ночи до города.

– Я тоже туда еду, – промолвил он. – Моя лошадь в деревне. – И, не говоря больше ни слова, он пошел рядом со мной до самой деревушки. Она была безлюдна. Здесь мы нашли гнедую кобылу привязанной к столбу. Также молча я наблюдал за моим спутником.

– Что вы думаете об этом дурачье? – вдруг спросил он, когда мы двинулись в путь.

– Боюсь, что их ожидания сильно преувеличены, – осторожно ответил я.

Мой спутник громко рассмеялся. Презрение уже ясно слышалось в этом смехе.

– Они воображают, что настало время чудес. А, между тем, через какой-нибудь месяц их сараи будут сожжены, а глотки перерезаны.

– Надеюсь, что этого не случится.

– Не надейтесь! – цинично возразил он. – Я-то сам, конечно, не надеюсь. И, тем не менее, я кричу: «Да здравствует

нация! Да здравствует революция!».

– Что? А если она приведет к таким ужасам?

– Ну, что ж, если и приведет? – отвечал он, мрачно устремляя на меня глаза. – Что мне дал старый режим, от чего я бы не захотел попробовать нового? Он оставил меня умирать с голоду в моем старинном замке, пока женщины и банкиры, надушенные франты и ленивые священники щеголяли перед королем! А почему? Потому, что я остаюсь тем, чем была когда-то половина всего народа.

– Вы протестант? – спросил я наугад.

– Да, сударь. И обедневший дворянин вдобавок, – с горечью добавил он. – Я, барон де Жеоль, к вашим услугам.

Я, в свою очередь, назвал себя.

– Вы носите трехцветную кокарду. Мы с вами стоим на противоположных сторонах. Вы, без сомнения, человек семейный, господин виконт?

– Напротив, господин барон.

– Но, вероятно, у вас есть мать или сестра?

– И их нет, – сказал я, улыбаясь. – Я человек одинокий.

– Но, по крайней мере, у вас есть угол, друзья, какое-нибудь занятие или возможность получить занятие?

– Да, все это у меня есть.

– А у меня, – вдруг заговорил он каким-то гортанным голосом, – ничего этого нет. Я не могу даже поступить в армию – ведь я протестант! Как протестант, я не имею и права на государственную службу, не могу быть ни судьей, ни ад-

вокатом. Королевские школы закрыты для меня, я не смею показаться ко двору. В глазах закона я просто не существую. Я, сударь, – продолжал он несколько медленнее и с чувством собственного достоинства. – Я, чьи предки были всегда подле королей, а прадед спас жизнь Генриха IV при Кутро, я – не существую на белом свете!

– А теперь? – спросил я, взволнованный его страстной речью.

– А теперь все пойдет иначе, – мрачно отвечал он. – Все пойдет иначе, если только эти черные вороны – попы – не переставят стрелку часов. Вот почему я и еду.

– Вы едете в Мило?

– Я живу недалеко от Мило, – отвечал он. – Но я еду не домой, а дальше – в Ним.

– В Ним? – воскликнул я в удивлении.

– Да, в Ним. – И, поглядев на меня искоса с легким недоверием, он замолк.

Между тем, становилось уже совсем темно. Долина Тарна, по которой мы ехали, плодородная и очень красивая летом, теперь, в полутьме весенней ночи представлялась дикой и неприветливой. По обе стороны долины возвышались горы. Местами, где дорога подходила ближе к реке, слышался шум воды, бежавшей между скалами, и это придавало пейзажу еще более грустный колорит.

Неизвестность результата моей поездки, неуверенность ни в ком и ни в чем, мрачность моего спутника – все это по-

давляло меня. Я обрадовался, когда он вышел, наконец, из состояния задумчивости и, указывая на огни Мило, рассыпью блестящие вдаль на равнине, там, где река отходит от гор, спросил:

– Вы остановитесь, вероятно, в гостинице?

Я отвечал утвердительно.

– В таком случае, расстанемся здесь. А завтра, если вы поедете в Ним... Но, может быть, вам больше нравится путешествовать одному?

– Вовсе нет.

– Отлично. В восемь часов я выезжаю через восточные ворота. Доброй ночи, сударь, – проговорил он.

Я также пожелал ему спокойной ночи и, распростившись с ним, поехал в город.

Долго я плутал по узким улицам, под темными арками, мимо болтавшихся и скрипевших на ветру фонарей, которые освещали все, что угодно, только не скрытую темнотой мостовую. Несмотря на позднее время, народ еще сновал по улицам или стоял у своих ворот. После того безлюдья, которое я так чувствовал во время поездки, Мило показался мне большим городом.

Пока я искал гостиницу, следом за мной увязалась какая-то кучка людей. Эта кучка росла и начинала уже теснить меня. Те, что шли ближе других ко мне, вопросительно заглядывали мне в лицо. Остальные, что были подальше, кричали одно и то же своим соседям и в освещенные окна с вид-

невшимися темными силуэтами. Я разобрал, что они кричат «это он»!

Это меня немного встревожило. Но пока они еще не стеснили меня окончательно. Однако, стоило мне остановиться, как и они остановились все разом. Когда я слез с лошади, мне некуда было ступить.

– Это гостиница? – спросил я тех, кто был поближе.

– Да, да, – закричали они в один голос. – Это гостиница.

– Моя лошадь...

– Мы отведем лошадь! Идите себе! Идите!

Они толпились около меня так плотно, что ничего другого мне и не оставалось делать. И, притворившись беззаботным, я двинулся в гостиницу в полной уверенности, что теперь они не последуют уже за мной, и что в гостинице я получу разъяснение их поведения. Но едва я повернулся к ним спиной, как они окружили меня, почти сбив с ног, и невольно втолкнули меня в узкие ворота дома. Я хотел было повернуться и выразить свое недовольство. Но мои слова были заглушены громкими криками:

– Господин Фландр! Господин Фландр!

К счастью для меня, этот господин Фландр оказался недалеко. Дверь, к которой меня толкали, отворилась, и на пороге явился сам господин Фландр. Это был огромный, дюжий мужчина с лицом, гармонировавшим с его телосложением. Удивленный нашим вторжением, он сначала с недовольством посмотрел вокруг, а потом спросил довольно сердито:

– Черт побери! Мой это дом, или ваш, бездельники? Кто это еще?

– Капуцин! Капуцин! – раздалось несколько голосов сразу.

– Ого! – воскликнул он прежде, чем я успел что-либо сказать. – Принесите-ка огня!

Две или три женщины с обнаженными руками вышли на шум из кухни, принесли свечи и, подняв их над головами, смотрели на меня с любопытством.

– Ого! – промолвил опять гигант. – Так вы словили капуцина?

– Неужели я похож на капуцина? – сердито закричал я, расталкивая толпящихся. – Так вот как у вас принимают постояльцев! Не сошел ли с ума ваш город?

– Так вы не капуцин? – спросил гигант, озадаченный, как видно, моей смелостью.

– Я уже сказал вам. Разве монахи ездят в ботфортах со шпорами?

– Покажите ваши бумаги, – громко проговорил он. – Ваши бумаги! Знайте, что я здесь не только трактирщик, но и старшина, и держу не только гостиницу, но и тюрьму, – продолжал он, надувая щеки. – Ваши бумаги!

– Предъявлять бумаги здесь, пред вашими товарищами? – презрительно спросил я.

– Это хорошие граждане.

Я боялся, что должность, занимаемая мной в комитете,

не произведет того эффекта, на который я рассчитывал. Но выбора у меня не было и, стало быть, всякие опасения были бесполезны. Постояв минуту в нерешительности, я достал свои бумаги и протянул их старшине. Пробежав их, тот вообразил, что я ехал по казенной надобности, и рассыпался в извинениях, объявив толпе, что они ошиблись.

Мне показалось очень странным, что толпа не была смущена такой ошибкой. Напротив, все спешили поздравить меня с освобождением и добродушно хлопали меня по плечу. Некоторые отправились посмотреть, где моя лошадь, и распорядиться насчет меня. Остальные мало-помалу разошлись, оставив меня в полном убеждении, что с таким же добродушием они готовы были повесить на ближайшем фонаре.

Когда подле осталось человека три-четыре, я спросил трактирщика, за кого они меня приняли.

– За переодетого монаха, господин виконт, – отвечал он. – Это преопасный человек. Ехал с двумя дамами, по нашим сведениям, в Ним. Из штаб-квартиры дан приказ задержать его.

– Но я-то ехал один! – возразил я. – Никаких дам со мной не было!

Он пожал плечами:

– Конечно, это так, господин виконт. Но дам мы уже захватили. Они были арестованы сегодня утром в то время, когда пытались проехать через город в закрытой карете. И

мы знаем, что он теперь едет один.

– А в чем его обвиняют? – спросил я, вспомнив, что монах-капуцин был и у отца Бенедикта незадолго до его отъезда. Не знаю почему, но сердце у меня забилося сильнее.

– Его обвиняют в государственной измене нации, – важно отвечал трактирщик. – Он был везде – в Моннелье, в Сетте, в Альби, и везде проповедовал войну, суеверие и развращал народ.

– А дамы? – улыбаясь, спросил я. – Они тоже развращали?

– Нет. Но говорят, что, желая вернуться в Ним и зная, что все дороги находятся под наблюдением, он переоделся и присоединился к ним. Это, очевидно, какие-то ханжи.

– Несчастные! – промолвил я, содрогаясь из сострадания к дамам. – Что же вы будете делать с ними?

– Буду ждать приказаний. Ужин для вас уже готов? Извините, что я не буду прислуживать вам сам. Будучи старшиной, я должен заботиться о том, чтобы не уронить себя – понимаете, господин виконт?

Я вежливо отвечал, что вполне понимаю его положение. Ужин был накрыт, как тогда обыкновенно делалось в небольших гостиницах, у меня в комнате. Я предложил ему выпить со мной стаканчик и за едой узнал от него многое о положении края. На южном побережье шло брожение, и священники возбуждали народ, устраивая крестные ходы и произнося проповеди. Особенно он распространялся о волнениях в Ниме, где большинство принадлежало к богомольным като-

ликам.

– Тут непременно вспыхнут беспорядки! Не обойдется без этого, – со значительным видом прибавил он. – Тут дело идет слишком хорошо, и они постараются это остановить.

– А этот монах?

– Один из их эмиссаров.

Я вспомнил об отце Бенедикте и вздохнул.

– Кстати, – сказал вдруг старшина, задумчиво глядя на меня. – Вот любопытная вещь!

– Что такое?

– Вы едете из Кагора?

– Ну?

– И эти дамы ехали тоже из Кагора. По крайней мере, они так заявляют.

– Из Кагора?

– Да. Когда я просматривал ваши бумаги, я забыл об этом.

Я пожал плечами и с неудовольствием заметил:

– Однако, из этого не следует, что я тоже из числа заговорщиков. Пожалуйста, не будем возвращаться к этому. Вы уже видели мои бумаги...

– Позвольте, я не то хотел сказать. Но вы должны знать этих дам!

– В самом деле? – сказал я.

И вдруг моя рука замерла с вилкой в воздухе, и я со страхом устремил взор на хозяина. Невероятная мысль пронеслась молнией в моем мозгу. Две дамы из Кагора!

– А как эти дамы называли себя? – спросил я.

– Корва.

– Корва? – переспросил я, донеся, наконец, вилку до рта.

– Да, Корва. Она выдает себя за жену купца. Да вот вы сами ее увидите.

– Не помню что-то такой фамилии.

– Вы наверняка их знаете, наверняка знаете, – повторял он с упорством человека, у которого не особенно много мыслей в голове. – Может быть, мы что-нибудь и напутали – никаких бумаг в карете не оказалось. Подозрение возбуждает только одна вещь.

– А именно?

– А именно красная кокарда.

– Красная?

– Да, знак старинных лигистов, как изволите знать.

Он задумчиво потер свою лысую голову и продолжал:

– Мы не очень-то любим здесь этот цвет. К тому же две дамы, едущие одни... А тут еще их полоумный извозчик утверждает, что они наняли его в Рода, и что никакого капуцина он не видал. Если вы кончили свой ужин, господин виконт, то я готов отвести вас к ним.

– А не слишком ли поздно теперь? – спросил я, чувствуя какую-то неловкость от предстоящего свидания.

– Арестанты не могут назначать время, – произнес он, неприятно захихикав, и потребовал в дверь, чтобы ему принесли шляпу и фонарь.

– Стало быть, женщины находятся не здесь?

– Нет. Они запрятаны надежно, – продолжал он, подмигивая. – Но плакать им не о чем. Так как здесь найдется пара-другая грубоватых малых, то их приютил в своих владениях тюремщик Бабэ.

Принесли фонарь, и старшина, закутав свое дородное тело в плащ, вышел со мной из дома.

На площади царила кромешная тьма. Огни, горевшие в момент моего прибытия в город, были уже потушены. По безлюдным улицам носился внезапно поднявшийся ветер. Без желтого огонька фонаря нельзя было бы и шагу ступить, хотя он и освещал дорогу всего на два-три шага вперед, оставляя позади еще более густой мрак. Я не мог разглядеть даже крыши домов и совершенно не представлял, в каком направлении и как далеко мы отошли от гостиницы.

Вдруг Фландр остановился и, подняв фонарь, осветил им серую каменную стену, в которой виднелась низкая, обитая железом дверь. Посередине ее висел огромный молоток, а над дверью была маленькая решетка.

– Прочно запрятаны, прочно, – повторял старшина, заливаясь жирным смехом.

Но вместо того, чтобы постучать в дверь молотком, он часто забарабанил палкой по решетке. Сигнал был услышан и понят. За решеткой показалась голова, и через секунду открылась дверь.

Старшина двинулся вперед. После прохлады ночи мы

вдруг очутились в теплой спертой атмосфере, пропитанной запахом скверного табаку, огурцов и еще чего-то, не менее неприятного. Кто-то молча затворил за нами дверь и, взяв у старшины фонарь, повел нас вниз по темному, низкому коридору, в котором даже одному трудно было идти. Пройдя немного, этот кто-то остановился у первой двери налево и распахнул ее.

Фландр вошел первым. На пороге он стал снимать свою шляпу, на несколько секунд закрыв собою просвет. Из соседней комнаты в том же коридоре слышалось громкое пение каких-то фривольных песен. Из конца коридора донесся вой цепной собаки, которая, заслышав нас, бросалась, гремя цепью, в нашу сторону. Я успел заметить, что стены коридора были грязны и покрыты пятнами сырости. Потом я услышал, как кто-то ответил на приветствие Фландра, и голос этот заставил меня остолбенеть. То был голос маркизы де Сент-Алэ!

Хорошо, что невероятная мысль о возможности такой встречи пришла мне в голову еще за ужином, и я внутренне был несколько готов к этому.

На мое счастье, комната была полна табачного дыма и пара от сушившегося у огня платья. Я нарочно закашлялся у входа, не торопясь выходить на свет.

Кроме старшины здесь было еще четыре человека. Мне некогда было разглядывать каких-то хмурых мужчину и женщину, игравших в карты за столом посередине комнаты.

Глаза мои устремились на маркизу и мадемуазель Денизу, сидевших на стульях подле камина. Девушка прислонила голову к стене и прикрыла глаза. Маркиза стояла около и внимательно следила за старшиной с презрением во взгляде. Ни тюрьма, ни опасность положения, ни даже Грязное общество в этой вонючей дыре – ничто не могло сломить ее гордости и самообладания. Но когда ее взор, скользнув несколько раз по старшине, остановился на мне, из уст ее вырвался громкий пронзительный крик.

Может быть, вследствие окутавшего комнату дыма она еще сомневалась, кто стоит перед ней. Но этот крик вывел из забвения мадемуазель: она в испуге вскочила на ноги, но, увидев меня, опять опустилась на стул и громко зарыдала.

– Эге! Что тут такое? – спросил старшина.

– Кажется, тут произошла ошибка, – заговорил я, заранее подбирая слова. – Слава Богу, сударыня, что я оказался здесь в такую минуту, – продолжал я, кланяясь маркизе с самым равнодушным видом, на какой только был способен в данный момент.

Она что-то пробормотала в ответ и прислонилась к стене. Видимо, она еще не успела прийти в себя от изумления.

– Вы знаете этих дам? – спросил старшина, поворачиваясь ко мне. В его голосе слышалась нотка подозрительности, и он быстро посматривал то на одного из нас, то на другого.

– Очень хорошо, – отвечал я.

– Они действительно из Кагора?

– Из окрестностей Кагора.

– Однако, когда я назвал вам их имена, вы сказали, что вы таких не знаете.

У меня перехватило дыхание. Украдкой я бросил взгляд на маркизу. На ее лице застыло выражение ужаса. Я пошел вперед, очертя голову – все равно мне не оставалось ничего другого.

– Вы называли их Корва, между тем, как фамилия этой дамы Корреа.

– Корреа? – повторил он, открывая от удивления рот.

– Ну да, Корреа. Вероятно, от испуга эти дамы произнесли свою фамилию недостаточно внятно, – продолжал я с напускной вежливостью.

– Стало быть, их фамилия Корреа?

– Да ведь я так и сказала вам, – заговорила маркиза. – Еще я прибавила, что ровно ничего не знаю о вашем капуцинском монахе. Я готова подтвердить это еще раз, – продолжала она серьезно, устремив на меня взор, в котором я ясно видел страстную мольбу о спасении.

– Да, господин старшина, боюсь, что вы сделали ошибку, – поспешил я ей на помощь. – Я могу отвечать за эту даму, как за самого себя.

Старшина почесал затылок.

IV. Трое в одном экипаже

– Конечно, если вам ничего не известно о монахе, – заговорил он, обводя комнату блуждающим взором, – то, очевидно, тут произошла ошибка.

– Остается сделать только одно, – подсказал я ему.

– Но есть еще одно обстоятельство, которое требует объяснения, – возразил он, опять принимая важный вид, – Красная кокарда! Что вы можете сказать по этому поводу?

– Красная кокарда? – переспросил я, чтобы выиграть время.

– Да, что вы скажете о ней?

Я не ожидал этого вопроса и в отчаянии взглянул на маркизу. Авось ее женский ум подыщет какой-нибудь выход...

– А вы спрашивали об этом г-жу Корреа? – спросил я, стараясь отбиться от вопроса и обратить его к ней. – Вы требовали у нее объяснений?

– Нет.

– В таком случае, я спрошу ее сам.

– Меня нечего спрашивать, а спросите лучше господина виконта, – вмешалась маркиза. – Спросите его, какого цвета кокарды Национальной гвардии из Керси?

– Красного! – воскликнул я, чувствуя, что у меня словно гора упала с плеч.

Я стал припоминать кокарду на шляпе Бютона, что лежала

около кузницы. Но как об этом стало известно маркизе, этого я не знал.

– А, вот что! – промолвил Фландр, сомнения которого, видимо, еще не рассеялись вполне. – Ради чего же вы носите эту кокарду?

– Нет, господин старшина, – отвечала маркиза с хитрой улыбкой. Я видел, что она хочет привести его в хорошее настроение. – Не я ношу эту кокарду, а моя дочь. Если вы хотите узнать о причине, то спросите ее сами.

Как всякий буржуа, Фландр был страшно любопытен. Его лицо после такого предложения расплылось в глупой улыбке.

– Если мадемуазель позволит... – начал он.

До этого момента Дениза пряталась в тени, за своей матерью.

Но теперь она должна была выступить вперед.

Как только она заговорила, я увидел внезапно произошедшую перемену в ней. Несколько минут назад лицо ее было бледно, как полотно, теперь же оно покрылось ярким румянцем, и глаза горели, подобно звездам.

– Это очень просто, – промолвила она тихо. – Мой жених находится в одном из отрядов Национальной гвардии.

– Вот почему вы и носите эту кокарду! – воскликнул старшина, приходя в восторг.

– Я люблю его, – мягко заметила Дениза, посмотрев мне прямо в глаза.

Не знаю, кто в эту минуту покраснел сильнее – я или она.

Вонючая и грязная комната показалась мне дворцом, а пропитанный табачным дымом воздух – прекрасными духами.

Я не слышал, что еще сказал старшина, и пришел в себя только тогда когда Дениза снова скрылась за матерью, а на ее месте вновь явилась маркиза. Она держала палец на губах и предостерегала меня взглядом.

Предостережение было не лишним, так как в порыве душевного энтузиазма я мог сам сказать что-нибудь лишнее. Но старшина уже был побежден. Романтическая история и объяснение мадемуазель Денизы устранили в нем последние подозрения и снискали его благосклонность. Он покровительственно посмотрел на маркизу, бросил нежный взгляд на Денизу и отпустил какую-то шутку насчет монаха.

– Произошла ошибка, но я не раскаиваюсь в ней, – начал он с неуклюжей вежливостью. – Эта ошибка дала мне возможность познакомиться с вами.

– Помилуйте, господин старшина! – воскликнула, улыбаясь, маркиза.

– Но состояние края таково, – продолжал он, – что дамам путешествовать одним небезопасно. Они могут подвергнуться...

– ... худшим встречам, чем эта, – подхватила маркиза, бросая на меня быстрый взгляд. – Но что же делать, провожатых у нас нет.

Могучий старшина вдруг засопел носом. Я решил, что он собирается предложить свои услуги. Но ему в голову пришла

другая мысль.

– Может быть, вас проводит вот этот господин. Ведь вы едете в Ним, господин виконт?

– Да, – отвечал я не сразу. – Конечно, если госпожа Корреа...

– Но нам не хотелось доставлять вам неудобства, – перебила меня маркиза, отступая на шаг от меня к старшине.

– Я уверен, что это не доставит никаких хлопот, – галантно возразил тот. – Впрочем, если это действительно затруднит господина виконта, то я найду кого-нибудь другого...

– Кого же вы можете нам предоставить?

– Да себя самого.

– Ах, если вы сами...

Поняв, что теперь я сам могу вступить без опаски, я воскликнул:

– Нет, нет! Старшина напрасно подозревает меня в отказе. Могу уверить вас, сударыня, что я с удовольствием готов вам сопутствовать, тем более, что нам по дороге. Если, следовательно...

– Буду вам весьма благодарна, – вежливо отвечала маркиза. – Но надобно, чтобы господин старшина еще выпустил нас, бедных арестанток, которые виноваты только в том, что питают пристрастие к национальной гвардии.

– Это я уже беру на себя, – промолвил с важным видом Фландр. – Дело тут совершенно ясно. Однако, – прибавил он, слегка покашливая, – чтобы избежать возможных ослож-

нений, вам будет лучше уехать рано утром. А когда вы уедете, я сумею объяснить ваш отъезд. Если вы не побрезгуете провести здесь ночь, – продолжал он, оглядывая помещение не без некоторого смущения, – то...

– ... мы еще менее будем обращать внимание на все окружающее, чем прежде, – перебила его маркиза, вздохнув. – Я чувствую себя в полной безопасности с тех пор, как познакомилась с вами.

И она протянула ему свою нежную белую руку.

Старшина быстро поцеловал ее.

Через несколько минут я уже возвращался к себе, направляя свои шаги по желтой полоске света, исходившей из фонаря старшины. А он шел тоже погруженный в свои мысли, временами закрывая фонарь полой своего плаща, совершенно забывая о своем спутнике. Мне вновь стало казаться, что все, что произошло сейчас, было лишь сном. И эта грязная комната, из которой я только что вышел, и удивительное присутствие в ней двух дам, и признание Денизы – все это представлялось чем-то совершенно невероятным.

Забили часы на колокольне. Я принялся было считать удары, но сбился. Вдруг в темноте, совсем рядом закричал по старинному обыкновению сторож, сообщая, что пробило одиннадцать часов. Это вернуло меня в мир действительности, подтверждая реальность событий.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, я отбыл из гостиницы в экипаже. Еще издали я увидел вышедших из

тюрьмы и стоявших подле ее дверей маркизу и ее дочь, дрожавших от утренней прохлады. Усадив маркизу, я, сам не помня себя, взял за руку Денизу, помог сесть ей в экипаж и сам уселся на переднее сидение, как раз напротив нее.

Минут через пять мы беспрепятственно проехали городские ворота и выбрались на большую дорогу. Стояли еще серые предрассветные сумерки, деревья казались черными на фоне светлеющего неба. Вскоре мы переехали большой мост через Тавр и стали подниматься по долине Дурби.

Мы не могли еще видеть лиц друг друга. Внезапно из угла, где сидела маркиза, послышался веселый смех.

– Старый дурак, – едва проговорила она, не имея сил удерживаться более от торжествующего смеха.

Эти слова показались мне не особенно благородными, но она была матерью той, которую я любил, и я промолчал.

Разгорался рассвет. Одна половина неба мало-помалу окрасилась в розоватый цвет, другая – бледно-голубая, с золотистыми облачками, осталась позади нас. Еще мгновение и зазолотились вершины гор. Я жадно взглянул в лицо Денизы, увидел, как оно порозовело с рассветом, и, весь дрожа, поспешил отвести от нее свой взор.

Из угла маркизы опять послышался смех, невольно покоробивший меня.

– Она создана не для монастыря, не правда ли? – вдруг спросила маркиза.

Этот веселый, развязный тон подействовал, как удар хлы-

ста, не столько, правда, на меня, сколько на Денизу.

– Ты, очевидно, хорошо напрактиковалась, – продолжала она насмешливо, обращаясь к дочери. – Я люблю, ты любишь, мы любим... Отлично, превосходно! Ты, должно быть, изучала это с самим директором? Или вычитала из надписей на заборах?

– Послушайте! – воскликнул я.

Дениза же только ниже натянула капюшон своего пальто, и легко понять, какой стыд она испытывала в эту минуту.

Но маркиза была неумолима.

– В самом деле, Дениза, я не помню, чтобы я когда-либо сказала твоему отцу: «Я люблю вас». По крайней мере, до тех пор, пока он не получил права поцеловать меня. Надеюсь, ты соблюдаешь правила приличия...

– Послушайте, это уж нехорошо, – пробормотал я.

– Что такое, сударь? – обратилась она ко мне. – Разве я не могу пожурить свою дочь, когда нахожу это нужным?

– Можете, но не при мне, – возразил я, начиная внутренне дрожать от ярости. – Это жестоко! Это...

– Не при вас, господин виконт? – переспросила маркиза, подсмеиваясь надо мной. – А почему я не могу сделать этого при вас? Я не могу унизиться больше, чем она сама себя унизила.

– Неправда! – закричал я, покраснев от гнева.

– Если я нахожу что-то нужным, я должна это сделать, – тем же беспощадно шутливым тоном продолжала она, глядя

мне в глаза. – А вы... Не угодно ли вам выслушать меня? Не впадайте в ошибку, господин виконт. Из того, что я считаю нужным сделать ей замечание при вас, не выводите заключения, что вы принадлежите или когда-нибудь будете принадлежать к нашему семейству.

Дениза глухо вскрикнула и еще глубже забилась в свой угол.

– Связь наша порвалась уже давно, тогда еще, когда ваши друзья сожгли наш дом в Сент-Алэ. Разрыв углубился, когда они разграбили наш дом в Кагоре, когда короля сделали пленником, когда убивали наших друзей. Она порвалась раз и навсегда, и ее не восстановишь комико-героическими поэмами. Запомните это хорошенько, господин виконт. Но, так как вы видели унижение моей дочери, то вы должны были видеть и ее наказание. Она первая из рода Сент-Алэ, которая позволила за собой ухаживать.

Я знал, что это неверно, но спорить на эту тему в присутствии Денизы мне было неудобно, и потому я просто поднялся со своего места:

– По крайней мере, я могу избавить мадемуазель от моего присутствия сейчас.

– Нет, вы этого не сделаете, – нисколько не волнуясь, промолвила маркиза. – Если вы опять займете свое место, я объясню почему.

Я сел.

– Вы не сделаете этого потому, – заговорила она, холодно

глядя мне в лицо, – что я, не любя вас, должна все же признать, что вы – благовоспитанный человек.

– Вот поэтому-то я и должен оставить вас.

– Наоборот, поэтому-то вы и должны ехать с нами.

– Но не в вашем экипаже...

– В нашем экипаже, – все так же спокойно перебила она меня. – У нас нет ни паспорта, ни бумаг. Без вас мы будем арестованы в первом же городе, через который нам придется проезжать. К несчастью, я не подозревала, что страна находится в столь отчаянном положении, – продолжала она, пожимая плечами, – иначе я приняла бы меры предосторожности. Но, как бы там ни было, с этим нужно считаться и ехать вместе.

Я почувствовал, что час моей мести близок.

– Благодарю вас за то, что вы мне это сказали, – отвечал я, раскланиваясь. – Но вы сами понимаете, что вы теперь в моей власти.

– Что такое?

– И, чтобы наказать вас за оскорбление, которое вы нанесли мадемуазель, я должен был бы вас покинуть.

– Как? Что?

– Я уже вижу впереди какой-то городок. Минут через пять мы будем у городских ворот. Предупреждаю вас, что если вы скажете дочери хоть одно слово, если вы будете издеваться над ней в моем присутствии, я расстанусь с вами тотчас же.

К удивлению моему, маркиза так и залилась смехом.

– Этого вы не сделаете, – сказала она. – К тому же, я могу обращаться с моей дочерью, как нахожу нужным.

– Сделаю!

– Нет, не сделаете!

– Это почему?

– Все потому, что вы благовоспитанный человек и не захотите навлечь на нас опасность.

Откинувшись назад, я с негодованием смотрел на нее. Я чувствовал свое бессилие, подушки экипажа жгли мне спину, но я не мог ничего ей ответить и продолжал сидеть неподвижно.

Она опять рассмеялась с самодовольным видом.

– Вот, я же говорила вам, что вы ничего не сделаете такого. А теперь я скажу вам, что надо будет делать. Нам придется иметь дело с людьми, подозревающими всех. История с г-жой Корва едва ли удовлетворит их. Поэтому вы скажете, что я ваша мать, а Дениза – сестра. Если она предпочитает, – продолжала маркиза, бросая на дочь колючий взгляд, – можно сказать, что это ваша жена, хотя это мне и не нравится.

Я задыхался от злобы, но делать было нечего: я был в положении раба, которому остается лишь повиноваться. Выдать их я не мог, не мог и оставить на произвол судьбы: тут были замешаны и честь, и любовь. Я предчувствовал, что мне часами придется выслушивать язвительные нападки на бедную девушку, действовавшие на нее, как удары хлыста. У маркизы, очевидно, был готов целый план, и этим между

нами воздвигалась непреодолимая преграда.

Бедная Дениза призвала на помощь всю свою гордость и сидела молча, не плача и не протестуя. Лишь только я делал вид, что заснул, она глядела в окно и не спускала глаз с матери, когда я сидел прямо. Может быть, эти издевательства не действовали на нее так сильно, как я предполагал, но я все же надеялся, что она больше не допустит подобного, по крайней мере, сегодня. Она слышала, как я боролся за нее, но не сказала мне ни одного слова!

Живописная долина была уже позади. Мы двигались через пустынные ущелья, где на верхушках скал еще лежал зимний снег, сверкая на солнце. Но на все это мы едва обращали внимание. Мысли наши витали внутри нашего экипажа, где маркиза сидела, улыбаясь, а мы хранили угрюмое молчание.

Около полудня мы остановились высоко в горах у какой-то деревенской гостиницы. Надо было отдохнуть и подкрепить силы. Местность была довольно дикая: горы ярусами громоздились друг на друга, а книзу шел крутой спуск. Но ветер перемен достиг и этого затерянного уголка. Едва мы успели съесть по куску хлеба, явился синдик и потребовал наши бумаги. Выбора не было, и маркиза сошла за мою мать, а Дениза – за сестру. Пока синдик, на которого моя командировка произвела сильное впечатление, между поклонами старался узнать от меня какие-нибудь новости, перед воротами гостиницы остановилась лошадь, и послы-

шался чей-то мужской голос. Немного погодя, в комнату, где мы находились, вошел барон Жеоль.

Увидев дам, он снял шляпу.

– Вы рано уехали, – заговорил он с невеселой улыбкой, узнав меня. – Я долго ждал вас у восточных ворот, но вы не приехали.

Я покраснел и рассыпался в тысячах извинений. Сказать по правде, я совсем забыл о нем, да и сейчас не сразу вспомнил, что уговорился встретиться с ним у восточных ворот.

– Вы не верхом? – спросил он, как-то странно поглядывая на моих спутниц.

– Нет, – отвечал я.

Больше я ничего не мог прибавить. Синдик все еще стоял, поглядывая на меня с улыбкой, и вдруг передо мной открылась бездна, на краю которой я стоял.

– Вы встретили знакомых? – продолжал расспрашивать барон, глядя на маркизу.

– Да, да, – пробормотал я.

Правила вежливости требовали, чтобы я представил его дамам, но я не решался этого сделать. В конце концов, он, кажется, понял мое положение и удалился вместе с синдиком.

Едва они покинули нас, маркиза напустилась на меня с величайшим гневом.

– Глупый человек, – заговорила она без всяких церемоний. – Почему вы не представили его? Неужели вы не пони-

маете, что таким путем вы можете возбудить подозрение и погубить нас? И ребенок понял бы, что вы что-то скрываете. Если б вы сразу представили его мне, как вашей матери...

– То?

– То он ушел бы отсюда вполне удовлетворенным.

– Сомневаюсь в этом и имею к тому достаточные причины, – насмешливо заметил я. – Еще вчера я в разговоре сказал ему, что у меня нет ни матери, ни сестры.

В этом для меня было маленькое мщение. Маркиза, то бледнея, то краснея, заходила по комнате. Потом, крепко сжав губы, она села, опустив взор на стол.

– Кто это такой? Что вы знаете о нем? – спросила она.

– Он из обедневших дворян и ревностный протестант.

Маркиза молча закусила губы...

– Как можно предвидеть такие случайности! Как вы думаете, догадывается он о чем-нибудь, или нет?

– Без сомнения, догадывается. Прежде всего, я оставил его сегодня утром одного, нарушив тем самым обещание ехать вместе. Затем, если он узнает, что я еду с матерью и сестрой, которых еще вчера у меня не было...

Маркиза подняла на меня глаза, желая, видимо, испепелить меня взором.

– Что же вы намерены делать? – воскликнула она.

– Это уж пусть укажет мне моя мать, – равнодушно отвечал я, принимаясь за сыр. – Она ведь привыкла всем распоряжаться.

Маркиза побледнела от гнева, а, может быть, от волнения, а я внутренне смеялся и торжествовал. Но сердись – не сердись, а ей пришлось отложить свою гордость.

– Что же вы посоветуете предпринять? – спросила она наконец.

– Я вижу только одно средство, и мы должны пустить его в ход, ничем не стесняясь.

Она была согласна на все. Но легко было советовать и трудно было осуществить совет. Через несколько минут я прекрасно понял это. Выйдя во двор, чтобы посмотреть, готов ли наш экипаж, я лицом к лицу столкнулся с бароном де Жеолем.

– Вы уже отправляетесь? – спросил он. – Позвольте поздравить вас, – продолжал он с неприятной улыбкой.

– С чем?

– Как с чем? Вы нашли себе семью, – не без горечи отвечал он. – Найти себе в течение двадцати четырех часов мать и сестру – это ведь настоящее счастье. Но позвольте дать вам один совет.

– Пожалуйста, – холодно согласился я.

– Вы так счастливы на находки... Если в следующий раз вы столкнетесь с Фроманом, с этим подстрекателем из Нима, разъезжающим под видом монаха-капуцина, то, пожалуйста, не записывайте его себе в родственники. Вот вам и весь мой совет.

Все это он проговорил с видимым раздражением.

– Я совершенно не знаком с этим Фроманом, – холодно возразил я.

– И не знакомьтесь.

Я пожал плечами. Он хотел было что-то прибавить, но в эту минуту показались мои спутницы. Когда они уселись в экипаж, я вскочил на сидение сзади, и мы тронулись в путь.

Подъем в гору был довольно крут. Ехать было утомительно, и мы раз двадцать останавливали лошадей, чтобы дать им передохнуть. И раз двадцать я оглядывался на старый постоялый двор, лежавший на сером, унылом плато. И каждый раз мой взор встречал барона, неподвижно стоявшего у дверей домика и, видимо, пристально следившего за нашим движением.

Мне сделалось жутко.

V. Фроман из Нима

Встреча с бароном не способствовала ни подъему духа, ни успокоению за те опасности, что я предвидел при проезде через более населенные местности. Там не так-то легко будет устранить подозрения, если они зародятся. Конечно, де Жеоль не выдал меня, и, может быть, у него были на то свои причины, но я не мог смириться с тем, что сзади нас находится этот тощий человек – само олицетворение религиозного фанатизма, искавшего только случая отомстить за старинные обиды.

Отвесные скалы и голые склоны, поднимавшиеся над нами все выше по мере нашего продвижения, ущелья, по которым лошади едва могли бы тащить и пустой экипаж, меланхолические снежные поля, чередовавшиеся со скалами – все это усугубляло тяжелое впечатление, производимое на меня этим путешествием. Мне хотелось как-нибудь освободиться от этого впечатления, хотелось солнечного тепла и света, хотелось, чтобы склоны эти были бы покрыты оливковыми деревьями и тянулись бы до самого моря.

Впрочем, в приключении была и хорошая сторона: маркизе де Сент-Алэ пришлось умерить свой пыл и свое торжество, которое она было собиралась проявить надо мной. Теперь она держалась тихо и, сидя в экипаже или идя возле него, она оставила меня в покое. От меня не укрылось, что

чем дальше мы уезжали от барона, тем сильнее возрастало ее беспокойство: она начинала внимательно всматриваться в дорогу и переставала смотреть на меня.

Это предоставляло мне возможность устремлять свои взоры туда, куда я хотел. До сих пор живо помню, как мы проезжали подножие горы Эгуаль. Утомленная крайним напряжением последних дней, Дениза заснула в углу экипажа. От мерного покачивания кузова капюшон мало-помалу спал с ее лица. На щеках ее играл румянец, словно она и во сне чувствовала, что я смотрю на нее.

– Дениза, Дениза, – повторил я про себя и почувствовал себя счастливейшим человеком, несмотря ни на что: ни на холод, ни на утомительную дорогу, ни на присутствие маркизы, ни на встречу с бароном. И вдруг раздался голос маркизы, сразу спустивший меня на землю:

– Это он!

Я обернулся к ней. Но она смотрела не на меня, а на дорогу, которую мы только что проехали. Экипаж внезапно остановился – потому ли, что она приказала остановить его, или потому, что это сделал кучер по собственной воле. Остановились мы в ущелье, где скалы нависали над нами с обеих сторон.

– В чем дело? – спросил я с удивлением.

Она не отвечала, а среди горной тишины слышно было, как кто-то насвистывал арию «О, Ричард, мой король!»³⁰ В

³⁰ Ария из музыкальной драмы А. Э. Гретри «Ричард Львиное сердце», звучав-

этом безмолвии она звучала резко и отчетливо, производя сильное действие. Я тоже посмотрел на дорогу и скоро заметил позади нас человека, который шел, беззаботно посвистывая. Он был высокого роста и крепкого сложения, носил грубые сапоги и такой же грубый плащ. Но, несмотря на это, он все-таки был не похож на деревенского жителя.

– Вы идете в Ганж? – без всяких предварительных обращений закричала ему маркиза.

– Да, сударыня, – спокойно отвечал он, подходя и кланяясь.

– Мы можем взять вас с собой.

– Тысячу раз благодарю вас, – ответил он, сверкнув глазами. – Вы очень добры, если только этот господин не имеет ничего против.

И он посмотрел на меня, не стараясь даже скрыть своей улыбки.

– О, конечно, он ничего не имеет, – отвечала за меня маркиза с оттенком презрения в голосе.

Как ни был я сначала удивлен этой встречей, но она открыла мне глаза. Очевидно было, что она была подготовлена заранее, и я не мог более переносить такого положения.

– Позвольте, маркиза. Ведь я не знаю, кто этот господин.

Маркиза молча уселась опять на свое место, а незнакомец подошел с ее стороны к карете и заглянул внутрь. Его широкое грубоватое лицо выражало большую силу и было не ли-

шено приятности. Глаза были быстры и блестящи, подвижный рот не переставал улыбаться. Рука же, которой он взялся за дверцу кареты, была огромна.

– Пустяки, – промолвила маркиза, бросая на меня сердитый взгляд. – Пожалуйста, садитесь, – прибавила она, обращаясь к незнакомцу.

– Позвольте, – возразил я, приподнимаясь. – Велите ему остановиться. Подождите, пока я...

– Это мой экипаж, – с яростью перебила меня маркиза.

– Совершенно верно.

– В таком случае, что же вы хотите?

– Я хочу выйти из него прежде, чем этот господин займет в нем место.

С минуту мы молча смотрели друг на друга. Видя мою решимость, она понизила тон.

– Почему вы хотите выйти? – спросила она, часто задышав. – Неужели только потому, что он хочет сесть с нами?

– Потому, что я не вижу никаких причин приглашать к себе в экипаж человека, которого мы не знаем. Мало ли кем может быть этот человек...

– Я знаю его, – отрезала маркиза. – Довольно с вас этого?

– Пусть он назовет себя.

До сих пор незнакомец стоял молча, не принимая никакого участия в споре, и только с улыбкой посматривал на нас. Но тут он вступил в разговор:

– С удовольствием. Меня зовут Алибан, я адвокат из Мон-

тобана, и неделю тому назад у меня еще было хорошее состояние...

– Неправда, – резко перебил я его. – Я вам не верю. Вы не Алибан из Монтобана, а Фроман из Нима.

Он стоял спиной к заходящему солнцу, и его лицо было в тени. Поэтому я не мог видеть, как подействовали на него мои слова.

Прошло несколько секунд, прежде чем он собрался мне ответить. Но заговорил он совершенно спокойно, с большим тщеславием, чем с беспокойством.

– Ну, а если и так? Что же из этого?

– Если вы действительно Фроман, – решительно заявил я, встречаясь с ним глазами, – то я отказываюсь ехать вместе с вами.

– Следовательно, маркиза, которой принадлежит эта карета, не может ехать со мной?

– Не может, пока она моя спутница.

Он нахмурился, но сейчас же напустил на себя прежний беззаботный вид.

– А почему бы и не ехать со мной? Разве я недостаточно хорош, чтобы составить вам компанию?

– Дело не в том, хороши вы или нет, – резко сказал я, – а в паспорте. Я не желаю ехать с вами потому, что я имею поручение от теперешнего правительства, и знаю, что вы действуете против него. Я солгал ради маркизы и ее дочери, ибо надо было спасти женщин, но я не хочу лгать ради вас и

служить вам ширмой. Поняли?

– Вполне, – медленно проговорил он. – Я служу королю. Позвольте узнать, кому вы служите?

Я промолчал.

– От кого же вы имеете командировку?

Я бесился от этих вопросов, но продолжал молчать.

– Послушайте, виконт, – вдруг заговорил он совсем другим тоном, – будьте сами собою. Я Фроман, вы угадали. Я беглец, и если б мое имя обнаружилось за какую-нибудь милю отсюда, в Вильроге, я был бы немедленно повешен. То же самое случилось бы и в Ганже. Я в вашей власти, и прошу меня приютить. Позвольте мне проехать через Ганж в качестве одного из ваших спутников, я постараюсь извернуться сам.

Я не ожидал, что отказать для меня будет так трудно. Приняв твердое решение несколько минут назад, я теперь колебался самым жалким образом. Я чувствовал, что лицо мое горит, что маркиза не спускает с меня сверкающих глаз, испепеляя меня взглядом, и я почти уж согласился. Но, отвернувшись от них в сторону, я быстро дотронулся рукой до кармана, в котором лежал пакет с моей командировкой, и это прикосновение сразу произвело переворот в моих чувствах. Я опять увидел вещи в их прежнем свете и, хорошо это было или дурно, возмущился тем, что я только что хотел сделать.

– Нет! – с гневом воскликнул я. – Не желаю! Не желаю этого!

– Вы трус, – страстно закричала маркиза.

Вскочив со своего места, как будто желая ударить меня, но, дрожа, вдруг опустилась на свое место.

– Может быть, – сказал я. – Но я не желаю ехать с вами.

– Почему? Почему? – кричала она.

– Потому, что я еду по поручению правительства, и пользоваться своим положением для того, чтобы прикрывать господина Фромана, значило бы сделать то, чего бы и он сам не мог сделать. Вот и все.

Фроман вместо возражения только пожал плечами. Зато маркиза была в неистовстве.

– Дон-Кихот! – кричала она. – Вы несносны! Но за это вы заплатите! Да, заплатите, – повторила она гневно.

– Пожалуйста, маркиза, прошу вас не угрожать мне, – возразил я. – Если бы я даже и хотел посадить к нам господина Фромана, то все равно не мог бы этого сделать. Вы забываете, что барон де Жеоль отстает от нас всего на какую-нибудь милю и тоже едет в Ним. Он может показаться каждую минуту, и, если окажется, что я отыскал себе еще и брата, и что семья моя увеличивается, то едва ли он отнесется к этому равнодушно.

Но мои слова, которым она не могла отказать в основательности, не произвели на нее никакого впечатления.

– Вы несносны! – кричала она. – Пустите меня! Пустите меня!

Последние слова относились к Фроману. Я не противоре-

чил ей.

Оба отошли на несколько шагов и поспешно о чем-то заговорили. Я следил за ними краем глаза. Вновь Фроман представлялся мне каким-то оторванным от всех, затерянным в этой печальной местности, одиноким, среди опасностей пути, и я начал чувствовать угрызения совести. Через мгновение я, быть может, уже раскаялся бы в своем отношении к нему, но вдруг кто-то тронул меня за рукав. Обернувшись, я увидел восхищенное, и вместе с тем, любопытное лицо Денниси.

– Сударь, – заговорила было она, но я схватил ее за руки и с жаром поцеловал их.

– Не надо, не надо, – прошептала она, краснея до корней волос. – Я хочу предостеречь вас, хочу просить вас...

– А я хочу благодарить вас, – прошептал я так же тихо.

– Я прошу вас быть осторожнее, – продолжала она, сердито покачивая головой, как бы желая этим заставить меня замолчать. – Слушайте! Для вас готовится западня... Моя мать не желает вам зла, хотя и очень сердита на вас. Но этот человек – отчаянный, а мы теперь в самом узком месте... Берегитесь!

– Не бойтесь! – успокоил я ее.

– Нет, я очень боюсь.

Когда маркиза вернулась к экипажу и уселась на свое место, я чувствовал себя совершенно другим человеком. Это, должно быть, отражалось на моем лице, ибо маркиза, бросив

на меня подозрительный, полный ненависти взгляд, потом пристально уставилась на дочь.

Фроман подошел к дверце экипажа, захлопнул ее и, приподняв свою шляпу, сказал:

– Если бы даже собака подошла к моей двери так, как я сегодня подошел к вам, виконт, то я бы впустил ее в дом.

– На моем месте вы поступили бы точно так же.

– Ну, нет, – твердо возразил он, – я бы ее впустил. Впрочем, мы встретимся еще в Ниме, и я не теряю надежды убедить вас.

– В чем это? – холодно спросил я.

– В том, что нужно иметь маленькую веру, – пояснил он. – Веру во что-нибудь, и иногда рисковать ради этого «что-нибудь». Я стою здесь, – делая величавый жест, продолжал он. – Одинокий и бездомный, и не знаю, где мне придется завтра провести ночь. А почему? Потому, что я единственный человек во Франции, не утративший веры! Потому, что я один верю в себя. Неужели вы думаете, – продолжал он с возрастающим гневом, – что нас, дворян, можно выгнать с мест, если мы только верим в себя! Никогда! Неужели можно искоренить церковь, если вы верите в нее? Никогда! Но вы не верите ни во что, вы не уважаете ничего и, стало быть, осуждены. Да, осуждены. Ибо даже у людей, с которыми вы связали себя, есть вера в их теории, в их философию, в их реформы, долженствующие перевернуть мир. А вы, вы не верите ни во что! И вы погибнете!

С угрожающим жестом он взмахнул рукой, но прежде, чем я успел ему ответить, карета тронулась, оставляя его позади. И опять за окном потянулись унылые серые горные виды. Начинало темнеть, а до Вильрога было еще с милю. Я был рад, что мы наконец освободились от Фромана.

Теперь я понимаю, почему Фромана прозвали «зачинщиком из Нима». От него так и веяло горячим дыханием южного города, в голосе его слышалась страстность известных на весь мир спорщиков. С тяжелым чувством я продолжал обдумывать его слова, вспоминая, что по этому поводу говорили отец Бенедикт и барон де Жеоль. И на протяжении всего оставшегося пути, сопровождаемого частыми толчками на ухабах, я размышлял об этом, забившись в угол кареты. Наконец стало совсем темно, и мы остановились на улице деревни.

Я хотел помочь маркизе выйти из экипажа и предложил ей Руку.

– Нет, нет! – воскликнула она, отстраняясь. – Я не хочу даже дотрагиваться до вас!

Она, видимо, намеревалась удалиться и оставить меня ужинать одного. Но в деревенской гостинице оказалась всего одна комната для проезжающих и кухня. В комнате был небольшой альков, занавешенный темной тканью, и где дамы могли бы уснуть, но где они не могли, конечно, ужинать. Гостиница была одна из самых худших, что мне только приходилось встречать. От грязной служанки несло хлебом, а в ро-

ли посетителей выступали три каких-то мужика. Окна были без стекол, пол земляной. Маркиза, привыкшая к дорожным неудобствам и поддерживаемая своим гневом, отнеслась ко всему этому с пренебрежением большой барыни. Но Дениза, не так давно покинувшая монастырскую школу, широко раскрывала глаза, слыша крики и ругательства. Бледная и испуганная, она сжалась в комок в своем кресле.

Сначала мне показалось, что маркиза не обращает на мужланов внимания, но скоро я заметил, что ошибаюсь. После ужина, когда шум особенно усилился, она подошла ко мне и, вложив в интонацию весь свой гнев и презрение, подавляемые доселе, крикнула мне в ухо, что мы должны ехать как можно раньше.

– На рассвете, и даже раньше! – прохрипела она с яростью. – Это ужасно, ужасно! Эта комната убивает меня! Я бы поехала и сейчас, несмотря ни на темноту, ни на холод...

– Я поговорю с ними, – перебил я и направился к столу.

Она схватила меня за руку и ущипнула так сильно, что я чуть не вскрикнул.

– Безумный человек! – быстро заговорила она. – Неужели вы хотите погубить нас всех? Одно слово – и мы будем раскрыты! Нет, нет! На рассвете мы уедем. Спать мы не станем, а как рассветет, мы уедем.

Я, конечно, согласился с нею. Подойдя к кучеру, занявшему наше место за столом, она шепнула ему несколько слов и направилась к алькову, куда уже спряталась было мадему-

азель. К несчастью, ее движение привлекло к себе внимание троих пьяных за столом, и один из них, поднявшись с места, перехватил ее на полпути.

– Тост! Тост! – закричал он, громко икая, и, едва передвигая ноги, совал ей стакан вина. – Тост! Каждый мужчина во Франции, каждая женщина, каждый ребенок – все должны пить, а иначе – черт их всех побери! А вот и трехцветный бант. Долой мадам Вето! За трехцветный бант! Пейте!

Пьяный грубиян совал ей стакан прямо в лицо, а его товарищи орали:

– Пейте! Пейте! Да здравствует трехцветный бант! Долой мадам Вето!

Это было уж слишком. Я вскочил на ноги и бросился на него. Но маркиза, изумительно сохранявшая присутствие духа, остановила меня взглядом.

– Нет, – гордо поднимая голову, крикнула она, – пить я не буду.

– Ага! Аристократы! – с подлым смехом завопил он. – Пейте, а не то мы вам...

– Я пить не буду! – отвечала маркиза, храбро глядя на него. – Когда барон де Жеоль будет здесь, вам придется дать ему ответ.

Лицо пьяницы сразу вытянулось.

– Вы знаете барона де Жеоля? – спросил он совсем другим тоном.

– Я рассталась с ним в соседней деревне и жду его сюда

к ночи, – холодно отвечала маркиза. – Советую вам самому пить при ваших тостах, а других оставить в покое. Барон не такой человек, чтобы спустить обиду.

Чтобы скрыть свое смущение, нахал пожал плечами.

– Если вы из числа его знакомых, – пробормотал он, пробираясь обратно к столу, – то, конечно, все будет благополучно. Он добрый человек и никого не обижает. Если вы не аристократка...

– Я такая же аристократка, как и барон де Жеоль.

С этими словами маркиза повернулась к нему спиной и пошла к алькову.

Пьяницы старались не шуметь более: маркиза верно угадала, что в этих местах барон пользуется большим уважением. Закутавшись в плащи, они улеглись на полу спать. Мне пришлось сделать то же самое, и ночь прошла гораздо спокойнее, чем я ожидал.

Сначала я долго не мог уснуть, потом впал в тяжелую дремоту.

От дурного воздуха в комнате мне беспрестанно являлись сны, один неприятнее другого. Вдруг мне показалось, что кто-то наклонился надо мной, и я проснулся. Стояла еще ночь, и все было тихо. Красные угли камина едва освещали комнату. Поднявшись с пола, я увидел маркизу, которая стояла около меня, показывая рукой на храпевших на полу мужчин.

– Тише! – прошептала она, прикладывая палец к губам. –

Уже пробило пять часов. Жюль запрягает лошадей. Я уже расплатилась с хозяйкой, и через пять минут мы можем ехать.

– Но солнце взойдет еще через час-два, – заметил я.

Мне хотелось чем-нибудь досадить ей.

– Вы хотите заставить нас испытать еще раз то, что было? – спросила она рассерженно. – Вы хотите задержать нас, пока действительно не приедет барон де Жеоль?

– В таком случае, я готов, – отвечал я.

Не теряя времени, она скрылась за занавеской, и я слышал, как они шептались с Денизой. Порядочно продрогнув в холодной комнате, я надел сапоги и, подойдя к камину, стал мешать угли носком сапога. Потом я взял свою шпагу и был готов к отъезду.

Через несколько минут маркиза опять появилась передо мной.

При слабом свете камина я заметил отпечаток нетерпения на ее лице.

– Неужели он еще не готов? – шептала она. – Он может копаться до света. Пойдите и поторопите его! Вдруг явится де Жеоль? Идите, поторопите его!

Такая спешка была, конечно, ни к чему: нельзя было и предполагать, чтобы барон приехал в такой час; но, сообразив, что нервы маркизы наконец не выдержали, я, осторожно ступая, двинулся к двери. Откинув задвижку, я постарался как можно тише притворить дверь за собой. Холодный

предраассветный ветер с мелким снегом ударил мне в лицо. Дрожь пробежала по мне. На востоке чуть брезжил рассвет, кругом же все тонуло во мраке. Но было гораздо раньше, чем утверждала маркиза!

Стараясь не думать о ней, я, поеживаясь от холода, направился к воротам конюшни – низенькой лачуги, стоявшей рядом с домом среди целого моря грязи. Она была заперта, но в ее окне, выходявшем на противоположную от дома сторону, светился тусклый огонек, указывавший на присутствие Жюля. Я отворил кое-как дверь и окликнул его. Он не отвечал, и я побрел на свет мимо грязных, несчастных лошадей. Наконец я добрался и до наших, стоявших в самом конце конюшни. Около них на крюке висел фонарь.

Не видя кучера, я остановился, отыскивая его глазами. Вдруг что-то черное хлестнуло меня прямо в лицо. Я ничего не видел и тщетно старался освободиться от наброшенного на меня плаща.

Кто-то железными тисками схватил меня за руки и прижал их к туловищу. Потрясенный неожиданным нападением, я хотел закричать, но тяжелый плащ душил меня. Наконец, после отчаянной борьбы мне удалось испустить приглушенный крик. Но еще чьи-то руки – не те, что схватили меня, плотно заткнули мне рот. Я чувствовал, как эти руки быстро обшарили меня. Так как я продолжал оказывать сопротивление, человек, державший меня, сделал мне подножку, и мы вместе упали на пол.

Несмотря на то, что я упал на какую-то подстилку, ушибся я порядочно. Плащ угрожал совершенно задушить меня, и несколько минут я лежал без движения. Воспользовавшись моим полубморочным состоянием, негодяи крепко связали мне руки и ноги. Потом меня перенесли в сторону и бросили на что-то мягкое, очевидно на сено. Затем его стали набрасывать на меня, охапку за охапкой. Я делал отчаянные попытки закричать, но обернутый два или три раза вокруг моей головы плащ заглушал всякий звук.

VI. Жалкое положение

Я не боролся более. От усилий, которые я делал, чтобы вырваться, а потом, чтобы закричать, кровь прилила мне к голове.

Совершенно истощенный физически, я лежал неподвижно, стараясь захватить легкими как можно больше воздуха. Сердце билось так, что казалось, сейчас разорвется. Я легко мог задохнуться и сознавал это, а страх перед такой участью невольно заставлял меня напрягать все силы, делать все возможное, чтобы получить хоть немного воздуха.

Я горел, как в огне, и весь обливался потом. С величайшим трудом мне удалось повернуться набок, и дышать стало свободнее. Но все же положение мое было ужасно. Я был совершенно беспомощен. К тому же, с облегчением одних страданий начались другие: веревки, которыми я был связан, стали впиваться в тело, а рукоятка шпаги немилосердно давила мне в бок. Плечи и спина нестерпимо ныли. Я чувствовал себя обреченным на медленную смерть, тогда, как один крик, один только крик (если б я мог это сделать), избавил бы меня от этого ужаса.

Мысль эта сводила меня с ума. Вдруг мне послышался какой-то слабый шум, будто кто-то тихо шел по конюшне. Потеряв всякое самообладание, я опять стал биться, глухо стелая. Но этот порыв только ухудшил мое положение. Никто не

услышал меня, или, быть может, это была слуховая галлюцинация от сильного прилива крови к голове. Я опять впал в отчаяние, граничащее с обмороком, неспособный ни думать, ни составлять какой-нибудь план спасения.

Лежал я так довольно долго, пока явный, но глухой шум не привел меня в чувство. Вдруг я ощутил резкую боль в ноге и вскрикнул. Хотя плащ и набросанное на меня сено приглушали звуки, мне показалось, что я тоже услышал чей-то крик. Потом опять водворилось безмолвие.

Я уже подумал, что все это – и боль, и крик, почудились мне в забытьи. Но нет: сено надо мной зашевелилось, тяжесть его на мне стала уменьшаться, я услышал голоса, и понял, что спасен. Через минуту блеснул слабый свет, меня схватили, и среди шума и криков куда-то потащили. Плащ был сорван с моей головы: кругом меня стояло с полдюжины людей, уставившихся на меня изумленными глазами.

– Боже мой! Да это тот самый барин, что должен был уехать сегодня утром! – закричала какая-то женщина, всплескивая руками.

То была хозяйка гостиницы.

В горле у меня пересохло, губы распухли, но, собрав силы, я попросил, чтобы меня скорее развязали. Испуская возгласы изумления, хозяйка принялась за дело. Тело мое онемело настолько, что я не мог двигаться, и меня подняли на руки и понесли к дверям конюшни. Здесь меня посадили на стул и дали глоток воды. Вода и свежий воздух восстановили мои

силы, и я мог подняться на ноги. Меня, конечно, засыпали вопросами, но голова у меня шла кругом, и еще долго я не мог окончательно прийти в себя.

В окружавшей меня толпе явилось какое-то новое лицо, видимо, очень важное. Растолкав крестьян и конюхов, этот человек подошел ко мне и спросил:

– Что тут такое? Как вы попали в конюшню?

За меня отвечала хозяйка гостиницы. Она сказала, что один из работников, желая взять сена, вилами проколол мне ногу и, таким образом, я был найден.

– Но кто вы такой? – повелительно спросил вновь прибывший.

Он был высок, сухощав и с неприятным выражением лица и подозрительных глаз.

– Я виконт де Со, – отвечал я.

– Э! – односложно отозвался он. – Каким же образом вы попали в конюшню?

– Я сделался жертвой грабежа, – пробормотал я.

– Грабежа? – переспросил он с усмешкой. – В нашей общине нет грабителей, сударь!

– И тем не менее, меня ограбили, – повторил я.

Вместо ответа он вдруг запустил без церемоний руку в мои карманы и вынул оттуда кошелек. Он высоко поднял его, чтобы все могли его видеть.

– Ограбили? – насмешливо сказал он. – Не думаю!

Я с удивлением узнал свой кошелек. Потом, механически

опустив свою руку в карман, я вынул оттуда одну вещь за другой. Он был прав – грабежа не было. Табакерка, платок, часы, нож, маленькое зеркало, записная книжка – все это было цело.

– Теперь я припоминаю, – неожиданно вмешалась хозяйка. – В доме осталась еще пара седельных мешков, которые должны принадлежать этому господину.

– Да, это мои мешки, – вскричал я. – А где же дамы, которые были со мной?

– Они уехали часа три тому назад, – отвечала хозяйка, с изумлением глядя на меня. – Я готова была поклясться, что и вы уехали вместе с ними. Но едва рассветало, было еще темно, и я, вероятно, ошиблась.

Я вспомнил все, что произошло, и страшная мысль, словно кинжал ударила меня в сердце. Я быстро сунул руку во внутренний карман и вывернул его: он был пуст! Командировка, служившая мне охраной, исчезла!

Я испустил вопль ярости и окинул всех диким взглядом.

– В чем дело? – спросил сухошавый, встречаясь со мной глазами.

– Мои бумаги исчезли! – кричал я, скрежеща зубами.

Мне теперь все стало ясно. У меня украли мои бумаги!

– В самом деле? – недоверчиво сказал он. – Это надо еще доказать.

Я снова вывернул карман.

– Я вижу, что их здесь нет, – в том же тоне отвечал он. –

Но ведь вопрос в том, были ли они вообще здесь?

– Говорят же вам, что их у меня украли! – в бешенстве закричал я.

– А я говорю, что это надо еще доказать, – твердил он свое. – Пока вы этого не докажете, я не выпущу вас отсюда. Вот и все.

– Кто вы такой? – с негодованием заговорил я. – Позвольте узнать по какому праву вы спрашиваете у меня бумаги?

– Я председатель здешнего комитета.

– Стало быть, вы предполагаете, что я сам связал себе руки и сам старался задушить себя под этим сеном? И это я сделал нарочно, по вашему мнению, чтобы проскочить через вашу жалкую деревушку?

– Я ничего не предполагаю, – холодно ответил он. – Но здесь пролегает дорога в Турин, где, как говорят, граф д'Артуа собирает недовольных, и дорога в Ним, где красной кокардой прикрываются разные бездельники. Без бумаг здесь никто не может пройти.

– Что же намерены делать со мной? – спросил я, видя, что окружавшее нас мужичье считает его, по крайней мере, Соломоном.

– Я задержу вас, пока вы не достанете бумаг.

– Но это не так-то легко сделать. Кто может меня тут знать?

Он пожал плечами.

– Вы не сможете уехать отсюда без бумаг. Вот и все, –

упрямо повторил он.

Напрасно я старался растолковать ему все, что случилось. Напрасно я уверял, что знаю, кто украл мои бумаги. Последнее заявление только ухудшило дело.

– Вот как! – ехидно заметил он. – Кто же это такой?

– Мошенник Фроман! Фроман из Нима!

– Его нет в нашей округе.

– Я видел его вчера сам!

– Это осложняет положение, – заметил председатель комитета, – и теперь-то мы уж ни в коем случае не можем отпустить вас.

Мороз пробежал по моей коже, и я направился в грязную гостиницу. Усевшись у очага, чтобы обдумать свое положение, я обнаружил, что меня караулят два парня. Не говоря ни слова, я вышел вновь во двор и стал с отчаянием глядеть на дорогу – тотчас же подле меня, словно по волшебству, выросли двое других. Словом, куда бы я ни повернулся, сейчас же около меня кто-нибудь оказывался. Сделай я лишних пару шагов, я моментально был бы схвачен и грубо водворен на место.

Все это накаляло мое раздражение. Временами мне казалось, что я схожу с ума. Высмеянный маркизой де Сент-Алэ и ограбленный Фроманом, который, вероятно, занял мое место и катил теперь спокойно с моей командировкой в кармане, я часами ходил взад и вперед по дороге, испытывая лихорадку от злобы и огорчения и проклиная по очереди неблаго-

дарность маркизы, собственную беспечность, глупость этих мужланов, а больше всего беспомощность, на которую я был осужден.

Прошло еще дня два-три. То подмораживало, то наступала оттепель, дурная погода чередовалась с хорошей, а я все еще был арестантом в этой жалкой деревушке. Грязная гостиница, где я обретался, грязная дорога, шедшая около нее, ряд низеньких хибарок, называемых деревней – все это смертельно надоело мне.

Куда бы я ни пошел, это дурачье следило за каждым моим шагом, словно это доставляло им громадное удовольствие.

Свою лошадь я оставил в Мило, где хозяин вызвался доставить ее через два дня в Ганж. Я ждал ее ежеминутно, и вся моя надежда заключалась в том, что проводник лошади удостоверит мою личность – ведь в Мило человек пятьдесят видели мою командировку или, по крайней мере, слышали, как ее читали. Но лошади, как нарочно, не было и не было. Не было и никого из Мило.

Я начинал падать духом. Снести с Кагором было весьма затруднительно, а в Ним, где могли удостоверить мою личность, меня не отпустит этот нелепый комитет. Все мои просьбы об этом были напрасны.

– Нет, нет, – отвечал председатель, едва я успел заикнуться об этом. – Скоро, вероятно, появится кто-нибудь, кто может признать вас, а пока запаситесь терпением.

– Господина виконта, конечно, знают многие, – твердила

хозяйка гостиницы.

– Конечно, конечно, – вторила ей толпа, с большим удовольствием смотря на меня, как на нечто, составляющее предмет их славы.

Глупая снисходительность приводила меня в бешенство, но что толку было в этом?

– В конце концов, ведь вам здесь очень недурно, – говорил кто-нибудь из членов комитета, пожимая плечами. – Очень, очень недурно.

– Гораздо лучше, чем под сеном, – неизменно подавал реплику человек, проколовший мне ногу вилами.

За этой шуткой обычно следовал взрыв смеха и новое увещание «запастись терпением». После этого комитет откланивался. Иногда, впрочем, беседы в кухне принимали более серьезный оборот. Сначала один, потом другой начинали припоминать рассказы, в которых кровь лилась рекой и совершались всякие ужасы, а мужчины и женщины в горе мужественно встречали самое худшее, что только могли придумать короли.

– И после этого вы думаете, что нам нет ни до чего дела? – обыкновенно спрашивал меня рассказчик с разгоревшимися глазами. – Неужели вы думаете, что теперь, когда после стольких лет власть в наших руках, а наши мучители бегут, неужели вы думаете, что мы будем спокойно смотреть, как они опять примутся за то же? Где теперь все эти епископы и военачальники? Где земли, которые они украли у нас? Где

десятины, которые они кровавыми наказаниями брали с нас? Все это отнято у них! И после этого вы думаете, что на нас опять наложат прежнее иго? Нет, этого не будет!

– Но никто об этом и не говорит, – мягко возражал я.

– Именно в этом-то и весь вопрос, – следовал сердитый ответ. – Об этом только и мечтают в Ниме, в Монтобане, в Авиньоне и в Арле. Мы, жители гор, часто видим, как тучи собираются на равнине, и нас не проведешь.

Я слушал и диву давался, что одно и то же слово в устах разных людей имеет совершенно разное значение, и что мирный рабочий с севера становится кровожадным бунтовщиком на юге.

Пригвожденный к этому проклятому месту, я не находил ничего успокоительного.

Прошло уже около двух недель. Хозяйка гостиницы была чрезвычайно довольна моим пребыванием: я платил хорошо, а проезжающих было мало. Я сделался предметом гордости всего комитета, как наглядное доказательство его могущества и важного значения их деревушки.

Нелепость моего положения делалась невыносимой, и я, во что бы то ни стало, решил бежать. Меня удерживало только соображение, что у меня нет лошади и, что в Ганже я на верное буду задержан. Но, не будучи в силах оставаться в этом положении, взвесив все шансы, я решил бежать как-нибудь вечером, после захода солнца и направиться прямо в Мило. Комитет, очевидно, бросится догонять меня в Ним,

куда я, как им известно, ехал. Если же часть их и направится по дороге в Мило, то у меня есть шанс спастись от них в темноте.

Я рассчитывал достичь Мило к рассвету и добыть там лошадь, запастись удостоверением, с которым можно было бы проехать в Ним по другой дороге.

Этот план казался исполнимым, и в этот же вечер судьба оказалась ко мне благосклонна. Человек, стороживший меня, опрокинул себе на ноги котел с кипятком и, забыв обо мне, выскочил вон, со стонами направившись к себе домой. Через несколько минут хозяйку позвали к соседке, и я остался один.

Я знал, что нельзя терять времени. Поэтому я быстро надел свой плащ, взял с полки, где они были заранее положены, свои пистолеты, сунул в карман кусок хлеба и незаметно вышел через заднюю дверь. Здесь была собачья конура, но собака узнала меня, завиляв только хвостом. Прижимаясь к стене дома, я через минуты две вышел к дороге в Мило.

Ночь уже спустилась на землю, но темнота не была особенно сильна. Пристально глядя на дорогу, я двинулся вперед, с беспокойством вслушиваясь, нет ли за мной погони. Я был весь во власти этого беспокойства. Потом, когда скрылся позади последний мигающий огонек деревни, а впереди была лишь ночь и глубокое безмолвие гор, меня охватило чувство одиночества и тоски. Дениза была в Ниме, а я шел от нее в противоположную сторону.

Мучаемый этой мыслью, я лихорадочно спешил вперед и прошел, вероятно, с милю, как вдруг послышался стук копыт о камни. Звук шел спереди. Я отошел на край дороги и притаился, чтобы пропустить всадников. Мне казалось, что я различаю стук подков трех лошадей, но когда всадники приблизились, я увидел только два темных человеческих силуэта.

Желая рассмотреть их получше, я, вероятно, слишком выступил вперед. Во всяком случае, я не принял в расчет лошадей. Одна из них, проходя совсем близко от меня, испугалась и кинулась в сторону так, что всадник едва не вылетел из седла. Быстро оправившись, он направил лошадь прямо на меня. Я не знал, что мне предприняты двигаться было нельзя, ибо это означало выдать свое присутствие, но и оставаться тут было нельзя, ибо через минуту всадник неминуемо заметит мою фигуру. А он уже заметил меня.

– Эй! Кто здесь? – закричал он. – Говорите, иначе...

Но я уже схватил за узду его лошадь. Сердце мое забилося так, словно хотело выпрыгнуть.

– Барон де Жеоль! – воскликнул я.

– Назад! – закричал он, очевидно, не узнавая меня по голосу. – Кто тут?

– Я, виконт де Со, – весело отвечал я.

– Вот как! А я думал, что вы уже в Ниме! – воскликнул он с величайшим изумлением. – Ведь прошло уже десять дней! Ваша лошадь с нами.

– Моя лошадь, неужели?

– Да, ваш приятель ведет ее из Мило. Но где же вы были все эти дни? – продолжал он подозрительно.

– Я потерял мой паспорт, или, вернее, у меня его украл Фроман.

Барон де Жеоль присвистнул.

– И в Вильроге меня арестовали, – продолжал я. – С тех пор я и оставался здесь.

– А, – сухо промолвил он. – Вот что значит ездить в дурной компании. А теперь вы, должно быть...

– Бегу, – перебил я его. – Но вы... Я полагал, что вы проехали уже давным-давно...

– Меня задержали. Советую вам сесть на лошадь и ехать вместе со мной.

– С величайшим удовольствием, – радостно отвечал я. – Вы будете любезны удостоверить, кто я?

– Я? Конечно, нет, – отвечал он. – Я вас не знаю. Мне известно лишь то, что вы сами сообщили о себе.

Сердце у меня оборвалось, и некоторое время я молча смотрел в темноту перед собой. Вдруг раздался чей-то голос:

– Не бойтесь, господин виконт, я поручусь за вас.

Я вздрогнул.

– Кто это говорит?

– Это я, Бютон, – послышался ответ. – Я веду вашу лошадь.

Это был действительно член нашего комитета, капитан

Бютон. Этот эпизод положил конец моим затруднениям. Когда мы через десять минут вернулись в деревушку, комитет, напуганный полномочиями Бютона, сразу сдался его заверениям и не чинил никаких препятствий к моему отъезду.

Спустя двенадцать часов наш весьма странный тройственный союз проехал уже через Сюмен. Ночевали мы уже в Сове и, оставив позади себя горную область с ее холодом и снегом, стали спускаться по залитому солнцем западному склону долины Роны. Целый день мы ехали среди полей, лугов и оливковых рощ, в насыщенном ароматами весны воздухе. Белая пыль дороги и белые скалы по сторонам ее свидетельствовали, что мы уже находимся на юге. Еще до захода солнца вдали показался Ним, и мы ознаменовали окончание нашего путешествия громкими криками.

VII. В Ниме

Легко понять, с каким необыкновенным чувством смотрел я на этот город. Я так много слышал о нем в Вильроге, что для меня было ясно, что именно здесь, а не на севере, решается судьба нации. Да, здесь, в устье Роны, среди оливковых рощ, а не в Париже, где Лафайет и Мирабо из страха перед толпой делали сегодня шаг вперед к королю, а завтра – опять назад, к толпе. Не там, среди хлебных полей и сочных пастбищ, а здесь, среди этой южной меловой пыли, будут остановлены эти губительные конвульсии.

Я долго с любопытством смотрел на город, от которого ожидал так много. Длинный ряд плоских крыш понемногу спускался по отрогам Севенн к равнине реки Роны. К северу от города, на самой его окраине высились три небольших холма. Средний был увенчан башней, а тот, что стоял на западной стороне, отбрасывал длинную тень, почти доходившую до самой реки. И на холмах, и на идущей к городу дороге, и на зеленеющей равнине, и в больших заводах, там и сям раскинутых по предместьям, словом везде – было множество народа, ходивших по одиночке и группами. Одни сидели ради собственного удовольствия, ничего не делая, под городскими стенами, другие озабоченно спешили по своим делам.

Насколько я мог заметить, все носили какой-нибудь от-

личительный знак. У многих были трехцветные ленты, но у большинства же – красные: красные банты, красные кокарды – эмблемы, при виде которых лица моих спутников становились все мрачнее. Не по душе им был и колокольный звон, призывавший к вечерней службе, хотя он звучал очень красиво в вечернем воздухе. Оба мои спутника нахмурились и быстрее двинулись вперед. Я как-то незаметно отстал от них. Когда мы въехали на городские улицы, сильное движение на них и любопытство, с которым я осматривался кругом, отдалили меня от попутчиков еще более. Потом навстречу попалась целая вереница повозок, пересек дорогу отряд Национальной гвардии... И я оказался один, шагах в ста от спутников.

Я, впрочем, не жалел об этом: волнующаяся толпа, постоянно меняющиеся лица, южный говор, движущиеся строем солдаты, женщины, крестьяне – все это привлекало меня куда больше. Особенно я был доволен своим одиночеством, но вдруг со мной произошло то, чего я никак не предполагал в Ниме. Проезжая мимо какого-то окна с решеткой, я случайно поднял на него рассеянный взгляд, и в то же мгновение чья-то белая ручка махнула мне в знак приветия из него платком. Я натянул поводья и остановил лошадь, но платок исчез и на окне никого уже не было. С этой минуты мысль о Денизе не покидала меня более.

Вокруг не было никого, к кому бы еще мог относиться этот привет. Но я не смел верить, что мне удалось опять най-

ти Денизу!

Не без колебаний я еще раз обернулся к окну, и опять кто-то махнул мне платком. На этот раз сомнений не могло быть – обращались именно ко мне. Я направил лошадь через толпу, к крыльцу дома, и бросил поводья какому-то малому, стоявшему подле. У меня не хватило духа спросить его, кто живет в этом доме, и я, ограничившись беглым взглядом на скучные белые стены с длинным рядом зарешеченных окон, постучал в дверь.

Она открылась в ту же минуту, и появился слуга. Я не подумал заранее, что сказать ему, и довольно долго, молча, смотрел на него. Потом я наудачу спросил, принимает ли хозяйка дома.

Он вежливо ответил, что принимает, и распахнул передо мной двери.

Конфузливо удивляясь всему происходящему, я вошел. Лакей повел меня по обширному вестибюлю, выложенному черным и белым мрамором. Потом пришлось подниматься по лестнице вверх. Все, что попадалось на глаза, начиная от ливреи лакея до лепных потолков, носило печать изящества и утонченности. В зале стояли в кадках апельсиновые деревья, а стены были украшены античными фрагментами. Все это я отмечал мимоходом. Разглядывать было некогда, ибо лакей, отворяя двери в следующий зал, уже посторонился, давая мне дорогу.

Я вошел туда с сияющими глазами, рассчитывая, что ме-

ня встретит девушка, которую я так любил. Но вместо нее мне навстречу поднялась какая-то незнакомая дама, сидевшая у выступа окна. То была высокая, серьезная и очень красивая дама. Слегка зарумянившись своим оливкового цвета лицом, она впилась в меня глазами.

Увидев перед собой незнакомку, я забормотал что-то, извиняясь за мое вторжение.

– Пожалуйста, – промолвила она, улыбаясь. – Вас ждали, и ужин для вас накрыт. Если позволите, то Жервье отведет вас в комнату, где можно будет почиститься от дорожной пыли.

– Позвольте, мадам, – в смущении забормотал я. – Боюсь, что я слишком бесцеремонно...

Она, улыбаясь, покачала головой.

– Пожалуйста, – промолвила она, показывая рукой на дверь.

– Но как же быть с моей лошадю? – проговорил я в смущении. – Я оставил ее на улице.

– О! О ней позаботятся. Не угодно ли?

И повелительным жестом она указала мне опять на дверь.

Удивление мое все возрастало. Человек, который привел меня сюда, повел меня дальше по широкому, светлому коридору в мою комнату, где я нашел все необходимое, чтобы привести туалет в порядок. Сняв с меня плащ и шляпу, он ждал дальнейших моих приказаний. Видно было, что это вымуштрованный малый.

Оправившись немного от изумления, я хотел было порас-

спросить его, но он, извинившись, сказал, что все объяснения мне даст сама мадам.

– Мадам? – спросил я, рассчитывая, что он восполнит пробел и назовет фамилию.

– Так точно, сударь, все сведения вам даст мадам, – отвечал он без тени улыбки.

Увидев, что я готов, он повел меня обратно, но не в ту комнату, где я был раньше, а в другую.

Я двигался, словно сомнамбула, и надеялся, что теперь, по крайней мере, загадка должна наконец разрешиться, но не тут-то было.

Комната была довольно велика, с паркетными полами и тремя узкими, но высокими окнами. Одно было полуоткрыто, и с улицы через него доносился шум толпы. В небольшом камине с мраморными колонками горел огонь. В углу виднелись клавикорды и арфа. Ближе к огню стоял круглый стол, красиво сервированный к ужину. На нем в старинных серебряных подсвечниках было зажжено несколько свечей. Подле стала стояла та самая дама.

– Не озябли ли вы? – спросила она, направляясь ко мне.

– Нет, сударыня.

– В таком случае, садитесь за стол.

Я сел на указанное место и с удивлением заметил, что приборы поставлены только для нас двоих. Она заметила мой изумленный взгляд и слегка покраснела. Губы ее задрожали, как бы от усилия сдержать невольную улыбку. Тем не менее,

она не сказала ни слова. Всякое недостойное предположение невольно исключалось благородством ее манер, богатством, которое ее окружало, и той почтительностью, с которой обращался к ней слуга.

– Сколько вы проехали сегодня? – спросила она, разламывая хлеб несколько дрожавшими пальцами.

– От самого Сова, – отвечал я.

– О! А куда вы предполагаете ехать дальше?

– Никуда.

– Очень рада слышать это, – промолвила она с очаровательной улыбкой. – У вас нет знакомых в Ниме?

– Не было, но теперь есть.

Она взглянула мне прямо в глаза.

– Чтобы вы чувствовали себя еще свободнее, – проговорила она, – я скажу вам свое имя. Вашего я не спрашиваю.

– Как! Разве вы его не знаете?

– Нет, – со смехом отвечала она.

Пока она смеялась, я заметил, что она гораздо моложе, чем я предполагал.

– Конечно, вы можете сами сказать мне ваше имя, если вам кажется это нужным.

– В таком случае, позвольте представиться, сударыня: виконт де Со из Кагора, к вашим услугам.

Она замерла и устремила на меня взор, в котором читалось неподдельное изумление. Мне даже показалось, что в нем промелькнул ужас.

– Виконт де Со из Кагора? – переспросила она.

– Да, сударыня. Боюсь, что меня здесь приняли за кого-то другого, – добавил я, видя ее испуг.

– О, нет! – отвечала она.

Чтобы дать выход охватившим ее чувствам, она принялась опять смеяться и хлопать в ладоши.

– Нет! Нет! Тут нет ошибки! – весело вскричала она. – Напротив! Теперь я знаю, кто вы, и хочу предложить тост за вас! Альфонс! Наполните стакан господина виконта и оставьте нас вдвоем! Теперь, – продолжала она, когда слуга вышел, – вы должны выпить со мной по-английски за здоровье...

Она внезапно смолкла и лукаво посмотрела на меня.

– Я весь внимание, – сказал я, кланяясь.

– За здоровье прекрасной Денизы!

Теперь была моя очередь изумляться и смущаться. Но она только смеялась и хлопала руками, крича с детским увлечением:

– Вы должны пить, сударь! Должны пить!

Краснея под ее взглядами, я храбро осушил свой стакан.

– Прекрасно, – промолвила она, когда я поставил его на стол. – Теперь я могу передать вам из самого достоверного источника, что там не падают духом.

– Почему вы знаете эти достоверные источники? – спросил я.

– Ах, почему я знаю? – спросила она наивно. – Это един-

ственный вопрос?

Однако, она так и не ответила мне. Но с этого момента она изменила тон. Бросив излишнюю сдержанность, она бомбардировала меня веселыми шутками, от которых я оборонялся, как мог. Дуэль эта была не лишена пикантности. Нападки ее становились тем сильнее, чем ближе приходилось касаться моих отношений к Денизе. И я был очень рад, когда часы пробили восемь, и это обстоятельство заставило ее смолкнуть. При этом ее лицо сделалось почти мрачным, она вздохнула и уныло посмотрела перед собой без определенной цели. Я спросил, не почувствовала ли она себя худо.

– Я хочу устроить вам испытание, – отвечала она.

– Вы хотите, чтобы я что-нибудь сделал?

– Я хочу, чтобы вы проводили меня в одно место.

– Готов вам сопутствовать, – живо отвечал я, поднимаясь. – Я был бы трусом, если бы не сделал этого. Но, кажется, сударыня, вы хотели сообщить мне ваше имя?

– Меня зовут мадам Катино, – отвечала она.

Не знаю, что почудилось ей, но она поспешила прибавить, густо покраснев:

– Я вдова, а остальное вас не касается.

– Слушаюсь.

– Я буду ждать вас в зале, – закончила она спокойно.

Я отворил дверь, и она вышла. Совершенно сбитый с толку этим приключением, я немного походил взад и вперед по комнате, потом тоже пошел вниз. При слабом свете лампы,

освещавшей залу, я увидел ее, стоящей у лестницы. На голове ее была черная мантилья, а на плечи наброшен тоже темный плащ. Слуга молча подал мне шляпу и плащ. Не говоря ни слова, таинственная незнакомка повела меня по длинному коридору.

В конце этого коридора мелькнул какой-то свет. Он упал мне прямо на шляпу, которую я держал в руках. Каково же было мое удивление, когда вместо трехцветной кокарды, которую я носил, на ней оказалась красная!

Незнакомка слышала, что я остановился и, обернувшись, заметила мое изумление. Она быстро взяла меня под руку и шепотом проговорила:

– Только на один час, только на час! Дайте мне вашу руку.

Взволнованный (я начинал предчувствовать осложнения и даже опасность), я надел шляпу и подал ей руку. Вскоре мы вышли в темный узкий переулок. Она сразу повернула налево, и мы молча прошли шагов сто или полтора, пока не очутились около низкой двери, из-под которой выбивался луч света. Незнакомка, слегка пожимая мне руку, указывала путь. Мы переступили через порог и оказались в узком вестибюле. Еще через несколько шагов мы оказались... в церкви, переполненной безмолвными богомольцами!

Моя спутница приложила палец к губам, призывая сохранять молчание, и повела меня вдоль бокового притвора, пока мы не нашли свободного места у одной из колонн. Она сделала мне знак, чтобы я встал около колонны, а сама опу-

стилась на колени.

Получив возможность осмотреться свободно, я оглядывался вокруг, словно зачарованный. Середина церкви, слабо освещенная, казалась еще темней от множества темных плащей и накидок коленопреклоненных женщин. Мужчины в основном стояли возле колонн и сзади, откуда доносился тихий гул – единственный звук, нарушавший это тяжелое молчание. Красная лампада, горевшая перед алтарем, бросала слабый отблеск на эту черную массу, и темнота от этого делалась как будто еще гуще.

Тишина, царившая в храме, подавляла меня. Толпа и закрытое пространство, наполненное мраком, начинали действовать на нервы, а сердце, сам не знаю отчего, билось все сильнее и сильнее. Наконец, когда чувство угнетения стало невыносимым, из алтаря послышались знакомые меланхолические звуки «*Misere, Domine*».

Было что-то особенно торжественное в этих звуках, и они, то поднимаясь, то опускаясь в тишине, потрясали молящихся до глубины души. Слезы заволакивали глаза, невидимая рука сжимала горло, головы поникли даже у сильных людей, а руки их дрожали.

Пение смолкло. Псалом окончился. Среди тьмы внезапно вспыхнул яркий огонек. Показалось худое, бледное лицо с горящими глазами, устремленными не на молящихся, а поверх их голов, туда, где на арках свода смутно виднелись изображения святых.

Началась проповедь.

Сначала проповедник тихо и монотонно заговорил о неисповедимых путях Господних, о вечности прошлого и мимолетности настоящего, о всемогуществе Божиим, перед которым ничто и время, и пространство. Потом, постепенно усиливая голос, он перешел к церкви – Божьему орудию на земле, к делу, которое она вершила в течение целых веков. Он призывал молящихся держаться церкви, стоять за нее.

Не успел проповедник произнести последние слова, как свет около него потух, и безгласная масса снова погрузилась в темноту. Правда, теперь толпа была охвачена волнением. Мужчины переминались с ноги на ногу со странным шумом, который, сгущаясь под сводами, напоминал отдаленный гром. Женщины рыдали, вскрикивая, и громко молились. Священник, стоя у алтаря, благословлял богомольцев дрожащим от волнения голосом.

Я едва пришел в себя от всего испытанного, когда моя спутница дотронулась до моей руки и, сделав знак, чтобы я шел за ней, быстро поднялась с колен и пошла назад, к двери. Ночной воздух пахнул на нас свежестью. Через несколько минут мы были уже дома у m-те Катино, перед освещенным салоном, где я впервые ее увидел.

Прежде, чем я успел сообразить, что она собирается делать, она повернулась ко мне стремительно и обеими ручками схватила мою руку. Слезы градом покатались по ее щекам.

– Кто со Мною! – вскричала она, повторяя слова проповеди.

И, закрыв лицо руками, она так же стремительно отвернулась.

Я стоял в полном смущении: вид этой плачущей женщины произвел на меня глубокое впечатление. Некоторое время я молчал.

– Сударыня, – начал я неуверенно наконец, – вы были так любезны по отношению ко мне, и я страшно сожалению, что не могу отблагодарить вас за это.

– Не говорите этого! – воскликнула она, прерывая меня. – Не говорите!

Она положила свои, стиснутые в кулаки, руки мне на плечи и сквозь слезы пристально посмотрела на меня.

– Простите меня, – сдержавшись, проговорила она. – Я неправильно взялась за дело. Я чувствую слишком сильно и спрашиваю слишком быстро. Но вы не измените своему достоинству? Не измените?

– Однако, на меня возложено поручение от комитета, – заметил я.

– Откажитесь от него.

– Но это не уничтожит моего отношения к комитету.

– Кто со Мной! Кто со Мной! – мягко повторила она.

Я глубоко вздохнул. В тишине комнаты слышно было, как потрескивал уголь в камине и тикали часы.

– За Бога и короля! – твердо промолвила мадам, глядя на

меня сверкающими глазами.

– Что я могу сделать для вас, если б даже у меня были развязаны руки! – резко вскричал я. – Чем могу я вам помочь?

– Всем! Всем! С вашим приходом одним мужчиной будет больше! – ответила она. – Один лишний мужчина в борьбе за право! Слушайте! Вы еще не знаете, что происходит, не знаете, какие притеснения мы переживаем...

Тут она остановилась и, глядя на меня, стала прислушиваться. На ее лице мелькнуло какое-то новое выражение. Дверь была приоткрыта, и снизу доносился мужской голос, громко говоривший что-то. Потом послышались быстрые шаги по вестибюлю, а затем по лестнице.

Моя собеседница, замерев, с широко открытыми глазами продолжала вслушиваться в приближающиеся шаги. В последнюю минуту она, который уже раз за вечер, сделала мне знак молчать, быстро бросилась к двери и вышла, закрыв ее за собой.

Я был убежден, что мужчина уже достиг двери и услышал, как он воскликнул, когда она внезапно появилась перед ним. Потом он что-то тихо сказал ей, но я не мог разобрать, что именно.

Не мог я разобрать и ее ответа, но последние слова я слышал довольно явственно:

– Итак, вы не желаете открыть двери?

– Эти – нет, – храбро отвечала она. – Вы можете видаться со мной в другой комнате.

Наступило молчание. Слышно было даже их дыхание. Меня бросило в жар.

– О, это несносно! – вскричал он опять. – Неужели вы поставили себе целью принимать у себя любого незнакомца, которому случится приехать в город? И вы занимаетесь с ними, даете ужины, в то время, как у меня сердце разрывается на части! Я хочу туда войти.

– Вы не войдете! – с негодованием вскричала она.

Мне показалось, однако, что негодование было поддельным, и в ее голосе слышался скорее смех.

– Довольно и того, что вы оскорбляете меня, – громко промолвила она. – Но если вы осмелитесь коснуться меня или оскорбить его...

– Его! – свирепо вскричал он. – Я говорю вам, что я уже слишком долго терпел и...

Прежде, чем он успел сказать еще слово, я был уже у двери, распахнул ее и очутился лицом к лицу с говорившим. Хозяйка дома, плача и смеясь в одно и то же время, быстро отступила назад, а мы, пораженные, замерли против друг друга.

Мужчина был не кто иной, как Луи де Сент-Алэ.

VIII. Розыски

Я не видел Луи со времени дуэли в Кагоре, когда, расставаясь с ним у собора, отказался пожать ему руку. Тогда я был страшно сердит на него. С течением времени и нагромождением событий чувство это значительно смягчилось. Теперь я был рад, что встретил его, что он жив и здоров и что он абсолютно далек от мысли сводить старые счета. Поэтому я протянул ему руку и со смехом сказал:

– Незнакомец перед вами, сударь. Я искал вас и очень рад, что наконец нашел.

Луи несколько секунд смотрел на меня, как бы не веря своим глазам. Потом вдруг с любовью прежних лет схватил мою руку.

– Адриан! Неужели это ты? – взволнованно заговорил он.

– Я самый.

– И здесь!

– Да, здесь. А что?

Неожиданно он выпустил мою руку. Лицо его приняло иное выражение; он весь изменился, как меняется дом, когда закроют его ставни.

– Очень жаль, – медленно произнес он. – Зачем вы здесь, сударь? – продолжал он с нотами гнева в голосе.

– Как зачем я здесь?

– Да, зачем? – сердито переспросил он. – Неужели вы яви-

лись для того, чтобы смущать нас? Неужели вы не понимаете, какое зло причиняете своим присутствием?

– Я знаю, по крайней мере, что ищу только хорошего, – возразил я, изумленный такой неожиданной и беспричинной переменной тона. – Я не делал из этого тайны никогда. Едва ли кто подвергается такому дурному обращению, как я со стороны вашей семьи. Ваша интонация заставляет меня теперь сказать вам это. Но когда я увижу завтра маркизу, то вновь скажу, что, несмотря на все, я не изменю своих намерений.

– Вы не увидите ее.

– Увижу.

– Нет, не увидите, – стоял он на своем.

Тут в спор вмешалась сама хозяйка.

– Довольно, довольно! – вскричала она голосом, в котором слышалась печаль. – Мне казалось, что вы были друзьями. А теперь, когда судьба опять свела вас вместе...

– Лучше бы этого не было! – воскликнул Луи, опуская руки, как человек, охваченный отчаянием.

И он принялся нервно прохаживаться взад и вперед по комнате.

Мадам Катиню молча смотрела на него некоторое время.

– Кажется, вы прежде никогда не говорили со мной таким тоном, – с упреком вернулась она к прежнему разговору. – Если это только потому, что вы застали у меня виконта, – продолжала она спокойно, поблескивая глазами, – то эта причина недостойна ни вас, ни нас обоих, ибо вы оскорб-

ляете и меня, и вашего друга.

– Боже сохрани! – воскликнул Луи.

– Это еще не все, – продолжала она гордо. – Еще в течение недели этот дом будет моим, и только по прошествии недели он перейдет к вам. Мне придется хорошенько подумать об этом сегодня ночью. Быть может, ласковое слово будет с вашей стороны впредь такой же редкостью, как теперь грубое?

Он, не выдержав этого упрека, бросился перед ней на колени и стал целовать ей руки.

– Простите меня! – страстно закричал он, не замечая моего присутствия. – Я очень несчастен. Вы мое единственное утешение, моя единственная отрада. Я сам не знаю, что говорю. Простите меня!

– Хорошо, – поспешно согласилась она. – Встаньте.

Украдкой смахнув слезу, она посмотрела на меня, сконфуженная, но счастливая.

– Я прощаю вас, но должна сказать, что не понимаю вас. Прежде вы с такой любовью говорили о виконте де Со, о вашей сестре и о многом другом. Нынче виконт здесь, а вы говорите, что вы несчастны...

– Да, мне не везет, – пробормотал он, бросая на меня взгляд.

Я пожал плечами и с достоинством заговорил:

– Пусть будет по-вашему. Но если я потерял друга, то это не значит, что я потерял невесту. Я приехал в Ним просить руки мадемуазель де Сент-Алэ и не уеду отсюда, пока не до-

бьюсь своего.

– Но это чистое безумие, – промолвил он, вздыхая.

– Почему?

– Потому, что это решительно невозможно! – сказал он. –

Потому, что маркизы нет в Ниме, по крайней мере, для вас.

– Неправда, она в Ниме.

– Вам придется разыскивать ее самому.

– Перестанем говорить о таких детских вещах! – воскликнул я. – Неужели вы думаете, что в первой попавшейся гостинице мне не дадут ее адреса?

– Его вы не получите ни в одной гостинице.

Мы стояли опять друг напротив друга. Мадам Катино наблюдала за нами со стороны. Очевидно, события последнего времени не прошли даром для Луи и еще больше ожесточили маркизу де Сент-Алэ. Можно было подумать, что передо мною стоял не Луи, а его старший брат, Виктор. Отличием было лишь то, что за вызывающими речами младшего Сент-Алэ иногда проглядывал его прежний облик, полный сомнения и сожаления.

Я попробовал сыграть на этой струне.

– Послушайте, граф, – заговорил я, с трудом сдерживая раздражение. – Я знаю, что вы говорите это серьезно. Но мы оба напрасно горячимся. Было время, когда мы умели понимать друг друга, и вы были не прочь считать меня своим зятем. Неужели, благодаря этим несчастным распрям...

– Распрям! – закричал он, резко прерывая меня. – Дом

моей матери теперь пуст, как раковина улитки! Дом моего брата в Сент-Алэ обращен в кучу пепла, а вы говорите о расправах!

– Хорошо, назовите это другим словом.

– Позвольте, – быстро вмешалась мадам Катино, – извините, граф, вы знаете, как мы нуждаемся в союзниках. Виконт – дворянин, человек умный и верующий. Ему нужно еще капельку, самую капельку, – продолжала она, едва улыбаясь, – чтобы прийти к окончательному убеждению. И если рука вашей сестры будет этой последней капелькой...

– Он не получит ее, – угрюмо промолвил он, глядя в сторону.

– Однако, всего неделю назад вы говорили мне... – начала было хозяйка дома, видимо, тревожась.

– То было неделю назад, – пробормотал Луи. – А теперь я могу сказать только одно: очень жаль, что мы встретились здесь с вами, и я советую вам вернуться обратно. Ничего хорошего не ожидает вас здесь. Наоборот, вы можете причинить себе и другим большой вред. Того же, на что вы рассчитываете, вам не добиться никоим образом.

– Это мы еще увидим, – упрямо возразил я, разгоряченный. – По вашим словам, мне не найти мадемуазель де Сент-Алэ... А вот нарочно не уйду отсюда до тех пор, пока не увидите и вы, а тогда отправлюсь следом за вами.

– Вы не можете сделать этого! – воскликнул он.

– Будьте уверены, что сделаю, – вызывающе отвечал я.

– Нет, нет, господин де Со, – вмешалась мадам Катино. – Вы этого не сделаете. Я просто уверена, что этого не будет, ибо тем самым вы обратите во зло мое гостеприимство.

– Вы запрещаете?

– Да, – твердо сказала она.

– Я не могу, – возразил я, – но...

– Без всяких «но». Пусть наступит хоть временное перемирие. Если между вами и суждено разгореться войне, то пусть она начнется не здесь. Мне кажется, будет лучше, если вы удалитесь первым, – продолжала она, бросая на меня умоляющий взор.

Я, в свою очередь, взглянул на Луи. Он отвернулся, делая вид, что не замечает меня. Это добило меня окончательно. Возражать хозяйке я не мог. Остаться в ее доме против ее воли было невозможно. Поэтому я молча поклонился и взял свой плащ и шляпу, лежавшие на стуле.

– Я очень сожалею, – промолвила мадам, протягивая мне руку. Я поднес ее к губам.

– Завтра, в двенадцать, здесь, – прошептала она.

Я скорее угадал, чем услышал эти слова – так тихо они были произнесены. Но красноречивость ее глаз подтвердила догадку.

Бросив прощальный взгляд на Луи, продолжавшего стоять ко мне спиной, я вышел.

Слуга проводил меня до двери.

– Вы найдете свою лошадь в «Лувре», сударь, – сказал он.

Я поблагодарил его и, не сознавая, куда иду, пошел вдоль улицы, погружившись в свои мысли. Я шел так, пока не наткнулся на какого-то человека. Это отрезвило меня, и я принялся осматриваться.

Я пробыл в обществе мадам Катино и, стало быть, в Ниме, не более трех часов. За это время пришлось пережить столько, что мне казалось странным, что улицы города мне незнакомы, и что я бреду по ним один-одинешенек. Было около девяти часов вечера, и редкие фонари, раскачивавшиеся на перекрестках, разливали уже вокруг себя тусклый свет. Однако, на улицах еще было довольно народа, причем большинство спешили в одном и том же направлении: женщины – закутав головы накидками, мужчины – накинув на спины плащи.

Надо было отыскать себе какой-нибудь ночлег. Чувствуя необходимость избавиться от неотступно преследовавшей меня мысли – объяснить себе поведение Луи, я остановил какого-то человека, шедшего несколько в стороне от потока, и спросил У него дорогу в «Лувр». Я узнал не только дорогу в гостиницу, но и причину столь позднего движения горожан.

– У нас был крестный ход, – сказал он, глядя на мою кокарду, и, повернувшись, пошел дальше своей дорогой.

Я вспомнил, что на моей шляпе красуется красная кокарда, и остановился, чтобы снять ее. Лишь только я продолжил свой путь за мной быстро двинулся какой-то человек. Поравнявшись со мной, он сунул мне в руку какую-то бума-

гу и исчез раньше, чем я успел заговорить с ним. Уличное многолюдье и это приключение отвлекли меня от мрачных мыслей, и я даже не удивился, когда в гостинице мне сообщили, что все комнаты заняты.

– Но здесь моя лошадь, – заявил я, подумав, что хозяин, видя, что я пришел пешком, не особенно доверяет моему кошельку.

– Совершенно верно, сударь. Если вам угодно, то мы можем положить вас в столовой, – вежливо сказал он. – И в других местах вы не устроитесь удобнее. Нынче у нас словно ярмарка. Весь город переполнен приезжими. Да и этого добра не мало, – прибавил он с неудовольствием, показывая на бумагу, которую я держал все еще в руке.

Взглянув на нее, я увидел, что это был манифест, в заглавии которого стояло: «Святотатство! Св. Мария плачет».

– Это мне всунули в руку несколько минут тому назад.

– Охотно верю. Однажды утром мы проснулись и увидели, что все стены белы от этого манифеста. На другой день он был разбросан по всем улицам.

– Не знаете ли вы, – заговорил я, поняв, что он был не прочь поболтать, – не знаете ли вы, где здесь живет маркиз де Сент-Алэ?

– Нет, сударь. Не знаю этого господина.

– Он живет здесь вместе со своей семьей.

– Кого только теперь здесь нет! – отвечал он, пожимая плечами.

Потом, понизив голос, он спросил:

– Он из «красных», или иной какой?

– «Красный», – наобум сказал я.

– А! Тут были три или четыре человека, постоянно мельтешившие между нашим Фроманом, Тюрэном и Моннелье. Говорили, что наш мэр давно бы должен был их арестовать, если б он захотел выполнять свои обязанности. Но он тоже «красный», как и многие из членов нашего муниципалитета. Может быть, господин, которого вы разыскиваете, был одним из них?

– Очень может быть, – сказал я. – Стало быть, Фроман здесь?

– Вы изволите знать его?

– Да, немного.

– Может быть, он тут, а может быть и нет, – продолжал хозяин, покачивая головой. – Трудно сказать.

– Разве он не живет в городе?

– Живет. Около Австрийских ворот, недалеко от монастыря капуцинов у старой стены. Но...

Он осмотрелся и продолжал таинственно:

– Он теперь бывает там, где прежде и не бывал никогда. У него еще есть дом в амфитеатре и есть дом в городе. Говорят, что и монастырь-то капуцинский – тоже его дом. Если вы отправитесь в «Таверну Св. Девы» и там спросите о нем, то от этого ничего не потеряете.

Все это он проговорил с многочисленными подмигива-

ниями и потряхиваниями головой. Потом, сообразив вдруг, что он сказал уж слишком много, хозяин сразу повернулся и ушел.

Мне удалось узнать, что барону де Жеолу и Бютону также не пришлось получить здесь комнаты, и они отправились в гостиницу «Экю». Я, впрочем, не жалел, что еще некоторое время буду свободен от их участия. Согласившись на предложение хозяина, я пошел в столовую и устроился на отдых, насколько это позволили два жестких кресла и мой возбужденный мозг.

По-прежнему меня занимало лишь одно – поведение Луи и та внезапная перемена, которую я в нем заметил. Он даже, как будто, испугался меня, пришел в ужас. Может быть, Дениза умерла? Но этого не могло быть, так мне подсказывало все мое существо.

Однако, эта мысль сильно взволновала меня. Я встал и до рассвета ходил по комнате, прислушиваясь к крикам ночного сторожа и торопливым шагам прохожих, напоминавшим о суете города.

Наконец стала пробуждаться и гостиница. Было еще рано, когда в ожидании назначенной мадам Катино встречи, я отправился безо всякой цели бродить по городу.

С первым ударом колокола в полдень я был у ее дверей.

Едва я взглянул на мадам, как сердце мое упало. Слова благодарности, заранее приготовленные мной, замерли у меня на губах. Она была заметно взволнована, и некоторое вре-

мя мы оба молчали.

– По-видимому, у вас плохие новости для меня, – начал я наконец, стараясь улыбнуться и казаться хладнокровным.

– Боюсь, что очень плохие, – отвечала она с явным сожалением, перебирая складки своего платья. – Плохие тем, что их вовсе нет.

– Говорят, что это хорошо, когда нет никаких новостей.

Губы ее вздрагивали, и она старалась не смотреть на меня.

– Послушайте, – начал опять я, чувствуя, как замирает мое сердце, – вы, очевидно, можете сообщить мне гораздо больше, чем ничего. Вы можете указать мне, где можно видеть маркизу де Сент-Алэ, например...

– Этого я не могу вам сообщить, – промолвила она тихо.

– Значит, не можете сказать и того, почему так внезапно переменялся ко мне Луи?

– И этого не могу. Очень вас прошу, – вдруг добавила она, – избавить меня от ваших расспросов. Я думала, что мне удастся помочь вам. Вот почему я и просила вас зайти ко мне сегодня. Но, оказывается, что я только причиняю вам лишние огорчения.

– Это все, что вы можете мне сообщить?

– Все.

Я пошел к двери, но на полдороге повернулся назад.

– Нет! – закричал я. – Я не могу уйти так! Что заставляет вас молчать? Что готовится против Денизы? Чего вы боитесь? Говорите же! Ведь зачем-то вы меня позвали?

Мадам Катино взглянула на меня с упреком:

– Такова награда за все мои старания?

Это было слишком. Не говоря ни слова, я повернулся и вышел из ее дома.

Я чувствовал себя ребенком в темной комнате. Тупое гнетущее разочарование, готовое ежеминутно перейти в острое нравственное страдание, наполняло мою душу. Что могло вызвать в мадам Катино перемену, почти такую же, какая произошла с Луи? Что заставляло их отворачиваться от меня, словно от чумного?

Некоторое время я пребывал в полном отчаянии. Но яркое солнышко, заливавшее улицы и говорившее о близком лете, мало-помалу разогнало тяжелые мысли. В конце концов, ведь не так уж и трудно разыскать в Ниме кого угодно!

Пока я шел так, обдумывая возможный план действий, на улице, позади меня слышался гул голосов и топот сотен ног. Обернувшись, я увидел, что сзади валила прямо на меня целая толпа народа.

Несли голубые флаги, распятие и орифламы с изображением пяти чудес. Толпа пела и кричала, потрясая палками и оружием. Двигалась она плотной массой, заполнив собою всю улицу от одного тротуара до другого. Чтобы пропустить шествие, я вынужден был войти в арку, попавшуюся мне по дороге.

С глухим шумом толпа прокатилась мимо меня. Лес палок и дубин поднимался над смуглыми, возбужденными ли-

цами. Сквозь промежутки среди них я заметил в центре трех человек, руководивших движением. В самой середине шел Фроман. Другой был в рясе, на третьем красовалась шляпа военного образца.

За этой толпой валила другая, человек в четыреста, набранная из всяких городских отбросов: нищих, отъявленных негодяев и бездомных бродяг.

По странной случайности около меня вдруг очутился тот самый человек, который вчера вечером указывал мне дорогу в гостиницу. Я спросил его, действительно ли это был Фроман.

– Да, да, – сказал он, усмехаясь. – Это он с братом.

– С братом? Что же они здесь делают?

– Будут кричать перед протестантской церковью, – живо отвечал он. – А завтра начнут бить стекла, а на следующий день, когда уж толпа хорошенько взвинтит себя, будут поджигать дома протестантов, вызовут гарнизон из Моннелье. После этого появятся эти – из Турина, мы поднимем восстание. А потом, если все пойдет, как задумано, вы увидите удивительные вещи.

– А где же мэр? И допустит ли все это Национальная гвардия?

– Мэр из «красных», – коротко отвечал мой незнакомец. – Из «красных» же и три четверти гвардии. Вот вы увидите...

И, коротко кивнув мне головой, он пошел своей дорогой. С минуту я стоял на одном месте, глядя вслед процессии.

Внезапно мне пришло в голову, что где Фроман, там же может быть и де Сент-Алэ. И, удивившись, что эта мысль не посетила меня раньше, я пустился догонять толпу. Еще были видны ее последнее ряды, заворачивавшие за угол, но и после того, как они скрылись из виду, легко можно было проследить их путь по испуганным лицам в окнах и закрывающимся ставням. Вдруг я услышал, как толпа разом остановилась и заревела. Но, прежде, чем я успел догнать ее, она тронулась дальше. Когда же я настиг шествие на одной из улиц, недалеко от Старых ворот, ядро его уже исчезло, а остальные расходились в разные стороны.

Моей целью было найти Фромана, и этой цели я не достиг. Пока я в растерянности смотрел на расходившуюся толпу, мой взгляд случайно упал на высокую фигуру в рясе, с опущенной долу головой. Этот человек, видимо, хотел перейти через улицу я остановился, пропуская мешавших ему людей.

И человек этот был никто иной, как отец Бенедикт! Я с радостным криком бросился к нему, расталкивая прохожих.

От неожиданности мы долго не могли заговорить, но все же обменялись поспешными приветствиями. Я заметил на его лице то же выражение беспокойства и неудовольствия, которое столь поразило меня в Луи де Сент-Алэ.

– О, Боже мой! Боже мой! – тихонько молвил отец Бенедикт, незаметно ломая себе руки.

Эта таинственность мне уже надоела, и я резко сказал:

– По крайней мере, вы-то скажете мне, что все это значит?

Мои слова были услышаны двумя-тремя оборванцами, посмотревшими на меня с любопытством. Чтобы избежать их, отец Бенедикт увлек меня в какой-то подъезд. Но один человек упорно следовал за нами.

– Поднимемся наверх, – шепнул мне кюре, – там мы будем в полной безопасности.

И он повел меня по старинной каменной лестнице, которой пользовались, видимо, многие, но которую не убирал никто.

– Вы здесь живете? – спросил я.

– Да.

И вдруг, обернувшись ко мне, он посмотрел на меня взглядом, полным смущения:

– Тут довольно бедно, – заговорил он, обнаруживая явное желание спуститься опять вниз. – Будет, пожалуй, лучше, если мы пойдем...

– Нет, нет, – вскричал я, горя нетерпением. – Ведите меня в вашу комнату, какой бы она ни была. Я не могу больше ждать! К счастью, я встретил вас, и теперь не отпущу, пока вы не скажете мне всей правды.

Он все еще колебался, пытаясь придумать какие-нибудь иные отговорки, но, видя мою беспредельную решимость, все же повел меня дальше, на самый верх дома. Там у него была маленькая комната, в которой стояли кровать, стол, стул, на стене висело распятие, а на полу лежали две-три книги. Свет проникал сюда через маленькое квадратное

оконце.

Окно, очевидно, не закрывалось: когда мы вошли, с пола поднялся и вылетел вон голубь. Отец Бенедикт пробормотал какое-то извинение и объяснил, что кормит у себя голубей нарочно.

– Они составляют единственное общество для меня, – печально добавил он.

– Но ведь вы прибыли сюда по собственному желанию, – довольно грубо заметил я, поддаваясь вновь смутным опасениям.

– Да, и только для того, чтобы расстаться еще с одной иллюзией. Вы знаете, сколько лет я стремился к реформе, к свободе... Я воображал, что и другие хотят того же. Прекрасно, нынче мы достигли того и другого, и первое, для чего народ воспользовался своей свободой – было нападение на религию.

Тогда я отправился сюда, ибо мне сказали, что здесь собрались защитники церкви, что здесь религия сильна и уважаема. Во мне ожила надежда! А что же я нашел здесь? Мнимые чудеса, ложь, обман... Обман, к которому прибегает как одна сторона, так и другая. И всюду, всюду одно насилие!

– Скажите же, ради Бога, отчего вы не едете обратно домой?

– Неделю тому назад я совсем было собрался в дорогу. Но теперь... когда вы...

– Пожалуйста, оставьте меня в покое, – хрипло восклик-

нул я. – Я уже видел Луи де Сент-Алэ и знаю, что тут творится что-то неладное. Он не хочет даже взглянуть мне в лицо, не хочет сказать, где живет маркиза. Он обращался со мной, как со своим злейшим врагом! Что все это значит? Я должен это знать наконец. Скажите мне!

– О, Боже мой! – застонал отец Бенедикт со слезами в голосе. – Как я боялся этого!

– Чего вы боялись?

– Что нанесу вам удар прямо в сердце...

– Послушайте, говорите же откровенно!

– Мадемуазель де Сент-Алэ обручена, – проговорил кюре, стараясь не смотреть на меня.

Я остолбенел.

– Как обручена? С кем же? – опомнившись, заговорил я.

– С господином Фроманом, – последовал тихий ответ.

IX. Соперники

– Не может быть! – произнес я, не узнавая собственного голоса. – С Фроманом! Не может быть.

Произнося эти слова, я сам понимал, как нелепо подвергать их сомнению, и отвернулся, чтобы отец Бенедикт не мог видеть моего лица.

Фроман! Это имя объяснило мне теперь многое.

Погруженный в свои мысли, я задержал взгляд на окне, выходявшем во двор-колодец. На противоположной его стороне, внизу виднелось крыльцо, похожее на монастырскую паперть, с какой-то каменной фигурой посередине. Я невольно заметил, как во двор вошли два человека и направились к этой паперти. Они не стучали в дверь, никого не звали, но один из них слегка стукнул два раза оземь посохом. Через секунду или две дверь открылась сама собой, и оба незнакомца исчезли за нею.

Все это я заметил совершенно бессознательно, и только стук закрывшейся двери окончательно вывел меня из раздумья.

– Фроман, – сказал я. – А где же Дениза?

Отец Бенедикт покачал головой.

– Вы должны это знать! – хрипло закричал я. – Должны знать!

– Я знаю, – медленно отвечал он, не отрывая от меня

глаз, – но не могу вам сказать. Я не мог бы этого сказать даже и ради спасения вашей жизни, господин виконт. Это сообщено мне на исповеди.

Я был ошеломлен и упал духом от такого ответа. Было понятно, что об эту железную дверь, ключ от которой брошен, я могу биться головой до самой смерти и все-таки не достигну цели.

– Зачем же вы рассказали мне все это в таком случае? – воскликнул я с тоской.

– Я хотел, чтобы вы уехали скорее из Нима, – мягко отвечал старый священник, глядя на меня умоляющими глазами. – Мадемуазель Дениза уже обручена, и добраться до нее вы не сможете. Через несколько часов, вероятно, как только кончатся выборы, здесь начнется восстание. Я знаю вас и ваши чувства мне известны. Вы не можете пристать ни к той, ни к другой партии. Зачем же вам тогда оставаться здесь?

– Зачем?! – воскликнул я с такой силой, что отец Бенедикт невольно вздрогнул. – Я останусь здесь до тех пор, пока мадемуазель Дениза не будет обвенчана. А до этого я буду следовать за нею хоть в сам Турин. Господин Фроман смешивает в одно войну и любовь. Вот почему теперь-то я пристану к одной из партий, конечно, не к той, к которой принадлежит он. Вы спрашиваете, зачем мне оставаться... Затем, что если вы не можете сказать мне, где Дениза, то найдутся другие, которые могут это мне сообщить.

И, не слушая возражений отца Бенедикта, пытавшегося

удержать меня, я схватил свою шляпу и сбежал вниз по лестнице. Выйдя из дома, я прошел улицу, где стояла гостиница, и направился в тот квартал, в котором повстречал процессию.

Улицы были еще полны народу; все были в ожидании чего-то, словно шествие оставило за собой какой-то след. Там и сям ходили военные патрули и советовали народу успокоиться. Но кучки посвистывающих горожан оставались неподвижными, а люди пристально смотрели на меня, когда я проходил мимо. Из десяти мужчин по крайней мере один был монах.

Мне пришло в голову отыскать барона де Жеоля и Бютона и разузнать от них о планах Фромана и о том, как сильна его партия. Чувствовалось, что весь город пришел в ненормальное состояние, и что, если я хочу сделать что-нибудь до того, как разразится гроза, то я должен действовать быстро.

К счастью, мне удалось застать их на квартире. Барон, с которым я не виделся с самого приезда в город, без сомнения, уже успел объяснить себе причины моего отсутствия по своему. Он поздоровался со мной довольно насмешливо. Но, когда я предложил ему несколько вопросов, он понял, что я не шучу, и переменил отношение ко мне.

– Это вот кто может вам сказать, – промолвил он, кивая на Бютона.

От меня не укрылось, что оба они были весьма возбуждены, хотя и старались не показывать этого.

– Партия Фромана вчера подняла в Авиньоне восстание, – быстро ответил Бютон, – но оно было подавлено с тяжелыми для партии потерями. Эта новость только что получена. Неудача может заставить их поспешить со своими замыслами здесь.

– Я видел солдат на улице, – заметил я.

– Да, кальвинисты просили дать им охрану. Но вся эта охрана – одна комедия, – с грустной улыбкой продолжил барон де Жеоль. – Гиенский полк, настроенный патриотически, мог бы защитить нас, но офицеры нарочно удерживают его в казармах. Мэр и муниципальные советники – все принадлежат к «красным»: что бы ни произошло, они не дадут соответствующего сигнала и не вызовут на помощь войска. Католические харчевни полны вооруженным народом. Словом, мой друг, если Фроману удастся овладеть городом и продержаться здесь дня три, то губернатор Моннелье явится сюда со своим гарнизоном, и тогда... тогда бунт станет революцией, – прибавил он с особой энергией.

Едва успел он произнести эти слова, как в комнату вошел какой-то человек, который, быстро взглянув на нас, как-то особенно поднял руку.

– Извините, – промолвил барон де Жеоль и вышел с этим человеком из комнаты. За ними сразу же вышел и Бютон. Я остался один.

Я думал, что они скоро вернуться, но прошло уже несколько минут, а их все не было. Наконец, мне надоело ждать, и,

желая знать, что делается внизу, я спустился во двор гостиницы, откуда вышел на улицу. Но их и тут не было. Перед гостиницей стояла группа слуг и других обитателей дома. Все они молча к чему-то прислушивались. Когда я приблизился, один из них робко сделал мне знак рукой, очевидно, приглашая меня вести себя тихо.

Прежде, чем я успел спросить, что все это значит, где-то вдали грянул пушечный выстрел. За ним послышался второй, третий. Потом донесся какой-то глухой шум, как будто проехали по мостовой тяжелые телеги. Потом опять началась стрельба: короткие, резкие звуки выстрелов слышны были совершенно явственно.

Пока мы прислушивались, а солнце закатывалось, оставляя красную полосу на крышах, где-то торопливо зазвонили в колокол. Из-за угла стремительно выскочил какой-то человек и побежал к нам. Но хозяин гостиницы «Экю» не стал дожидаться его.

– Пошли все домой! – закричал он своим слугам. – Живо запереть большие ворота! Пьер, заложи хорошенько запоры. А вам, сударь, – торопливо обратился он ко мне, – тоже лучше будет войти в гостиницу. В городе началось восстание, и на улицах оставаться небезопасно.

Но я, наоборот, бросился бежать по переулку. Попавшийся мне навстречу человек успел крикнуть, что толпа сейчас будет здесь. Далее мне попала испуганная лошадь, мчавшаяся без седока. Она шарахнулась от меня в сторону и чуть

не упала на скользкой мостовой.

Я продолжал бежать, не обращая внимания ни на что. Вдруг шагах в двухстах от себя я увидел сквозь дым и облако пыли ряд солдат, которые, повернувшись ко мне спинами, медленно отступали перед наседавшей на них густой толпой. На моих глазах их ряды поредели и стали рассеиваться. С победным криком толпа хлынула на то место, где только что были солдаты.

Сообразив, что я не в состоянии пробиться сквозь толпу, я бросился в узкий проход, почти скрытый от глаз широкими низкими крышами, меж которыми виднелся лишь маленький кусочек бледного неба.

Из этого прохода я попал в переулок, переполненный прислушивающимися к шуму женщинами с испуганными лицами. Я кое-как протолкался меж ними и, отойдя настолько, что, по моему расчету, мог уже выйти сзади толпы, двинулся по переулку, ведущему к дому, где жил отец Бенедикт. К счастью, толпа валила по главным улицам, а переулки были сравнительно безлюдны, и я безо всяких приключений добрался до самой площади у ворот.

Нападение на солдат началось, очевидно, здесь, ибо на мостовой валялся сломанный на две части мушкет. Когда я проходил по улице, изо всех окон смотрели бледные лица, провожавшие меня недоброжелательным молчанием. Не видно было ни одного мужчины, и я беспрепятственно дошел до подъезда отца Бенедикта и проник в вестибюль.

На улице было еще довольно светло, но здесь уже царил мрак. Не успел я сделать и двух шагов, как вдруг споткнулся обо что-то, лежавшее на моей дороге, и упал. Я с трудом поднялся по лестнице, постанывая от боли. Но стон замер у меня на губах, когда, оглянувшись назад, я увидел в полоске света, пробивавшегося через входную дверь, обо что я споткнулся: то был труп мужчины, видимо, монаха, одетый в белое с черным одеяние своего ордена.

Не без труда мне удалось подавить чувство ужаса. Успокоившись, я сообразил, как попал сюда этот труп. Монах был, очевидно, убит на улице в самом начале беспорядков. Может быть, он одним из первых напал на солдат. Потом тело его отнесли сюда, пока его приверженцы расправлялись за него с солдатами.

Я спустился вниз и, наклонившись над монахом, поправил ему клобук, который я сбил с него во время своего падения. Предаваться размышлениям было некогда, и я опять взбежал наверх. Комната отца Бенедикта была пуста.

Не зная, что мне делать дальше, я постоял в полутьме немного, потом безо всякой цели вошел в комнату и выглянул из окна во двор, окруженный скучными, однообразными стенами. В них было всего одно окно, несколько сбоку от меня, но как раз на одном со мной уровне. Пока я тупо созерцал стены, в этом окне вдруг появился яркий свет. В комнате, очевидно, зажгли лампу, и на этом светлом фоне ясно обрисовался женский профиль.

Я едва не вскрикнул: то была Дениза!

Она подошла к окну, задернула штору, и видение исчезло.

С минуту я стоял неподвижно. Сердце у меня билось, словно хотело выскочить из груди, а мысль работала с необыкновенной быстротой.

Она была рядом, тут же, в противоположном доме! Это казалось невозможным, невероятным! Я сообразил, что фасад этого дома выходит на улицу недалеко от виденных мною старинных ворот. А ведь кто-то и сказал мне, что Фроман живет у Австрийских ворот!

Очевидно, это так и было. Ясно, что Дениза находится в его власти и живет в смежном с ним доме. Жадно всматриваясь в здание, я пытался определить его фасад и мысленно провести прямую линию, соответствующую лестнице. Потом я продолжил ее еще, и она уперлась в паперть, на которой стояла статуя... В ту самую паперть, на которой я недавно заметил двух мужчин!

В городе продолжалась схватка. Доносились глухие звуки отдаленных залпов, гул колоколов, иногда волны криков. В вечернем воздухе слышались стоны и проклятия. Стараясь не обращать ни на что внимания, я, не отрывая глаз, смотрел на паперть вниз.

Вдруг мне пришла в голову одна мысль. Я вновь провел воображаемую линию и запомнил местоположение окна, в котором мелькнул профиль Денизы. Обдумав все хорошенько, я вышел из комнаты и спустился вниз.

Огня со мной не было, и спускаться приходилось осторожно, держась одной рукой за грязную стенку. Я знал теперь, где лежит труп монаха, и перешагнул через него. Растворив затем дверь, я огляделся.

Пока я занимался своими наблюдениями, через двор торпливо прошли два человека. Не доходя до ворот, они нырнули в проход направо и скрылись. Под самой крышей огромного мрачного дома, высившегося передо мной, замелькал слабый красноватый огонек.

Я услышал голоса, которые, как мне показалось, неслись с башни над воротами. Мне показалось даже, что на фоне вечернего неба мелькнула какая-то фигура. Впрочем, кругом было спокойно, и я опять вошел в подъезд.

Нет надобности рассказывать о том, что я делал в темноте под лестницей. Мне самому противно теперь вспоминать об этом.

Через две минуты я был уже в монашеском одеянии. Потом я тоже свернул в боковой проход, упомянутый выше, и очутился во дворе. Передо мной была паперть. Обломком мушкета, который я подобрал походя, я дважды стукнул по мостовой.

Не успел я подумать о том, что будет дальше, как дверь открылась, и я должен был войти. Словно по волшебству, створки ее моментально и бесшумно закрылись за мной.

Я очутился в длинном пустом коридоре безо всякой мебели. Вероятно, здесь прежде был монастырь. На стене висела

зажженная лампа, а против меня на каменной скамейке сидели, мирно беседуя, два каких-то человека. Трое или четверо других прохаживались по коридору. При моем появлении все сразу смолкли и посмотрели на меня с любопытством.

– Откуда ты, брат? – спросил один из них, приближаясь ко мне.

– Из «Таверны Св. Девы», – наобум отвечал я.

Свет бил мне прямо в глаза, и, чтобы защититься от него, я поднял руку к глазам и надвинул на лоб капюшон.

– К начальнику?

– Да.

– В таком случае иди скорее. Он на крыше. Все идет хорошо? – продолжал он, с улыбкой поглядывая на мое оружие.

– Идет, как следует, – отвечал я, стараясь опустить голову как можно ниже и скрыть свое лицо под капюшоном.

– Я слышал, что начали уже жечь?

– Да.

Он взял маленький фонарь и, открыв дверь в боковой коридор, повел меня к узкой винтовой лестнице, сделанной в толще стены.

По дороге нам пришлось пройти мимо какой-то открытой двери, и я отметил ее на всякий случай. Дверь эта вела в комнаты первого этажа. Поднявшись по лестнице ступеней на пятнадцать, мы встретили другую дверь, на этот раз запертую. Через еще шагов пятнадцать я увидел третью дверь, которая приковала к себе все мое внимание. Я с отчаяни-

ем осматривался кругом, придумывая, как бы ускользнуть от моего провожатого и проникнуть за нее. Но мой спутник продолжал продвигаться вперед, и передо мной опять была гладкая стена.

Пройдя с полдюжины ступеней, я остановился.

– Что с тобой? – спросил он, оглядываясь на меня.

– Я уронил записку, – сказал я и принялся шарить по ступеням.

– К начальнику?

– Да.

– Возьми фонарь, – нетерпеливо сказал он. – Только поскорее. Хорошую новость надо передавать быстро. Послушай, что ты там делаешь?

Я погасил лампу и бросил ее на лестницу. Мы очутились в полной темноте. Прежде, чем мой спутник оправился от изумления, наверху, над нами послышались голоса и шаги по крыше. На меня пахнуло свежим воздухом.

– Спускайся вниз! – кричал мне мой провожатый, – и дай мне пройти. Что за неуклюжий человек! Жди теперь, когда я принесу другой фонарь.

Он прошмыгнул мимо, оставив меня там, где я хотел. Не успел он спуститься и на десять ступеней, как я был уже у двери и схватился за ручку. К величайшей моей радости дверь (очевидно, она была заперта некрепко) уступила моему напору. Пройдя в нее, я поспешил запереть ее за собой и пошел вправо, придерживаясь в темноте руками за стену,

вдоль которой я шел вниз. Я знал, что это наружная стена, и в ней было освещенное окно.

В минуту, когда приходилось ставить на карту все, я старался быть как можно спокойнее. Я отсчитал десять шагов и, по моим расчетам, должен был выйти к окну. Но еще десять шагов, и мой путь был прегражден новой дверью. За нею, должно быть, и была комната – последняя в этом направлении. Прислушиваясь к каждому звуку и опасаясь погони, я нащупал ручку и попробовал ее повернуть.

Судьба благоприятствовала мне и на этот раз; но, открыв дверь, я очутился, вопреки ожиданиям, опять в крошечной мгле.

Причину этого я понял очень быстро, стукнувшись лбом о вторую дверь. За нею раздался женский голос.

– Кто здесь? – отчетливо спросил кто-то.

Я не отвечал, продолжая в темноте разыскивать дверную ручку. Нашупав ее наконец, я быстро отворил дверь.

Свет, ударивший мне прямо в глаза после мрака, на несколько секунд совершенно ослепил меня. Но все-таки я заметил двух девушек, стоявших передо мной, несколько в стороне.

Та из них, что стояла впереди, была Дениза!

С радостным криком я бросился было к ней; но она быстро отскочила назад. На лице ее был написан ужас.

– Что вам здесь надо? – спрашивала она, отступая передо мной. – Вы, вероятно, ошиблись.

Я вспомнил о своем маскараде и об обломке мушкета и поспешил поднять капюшон, и в ту же минуту раздался радостный крик Денизы.

Мы не виделись с тех пор, как сидели друг напротив друга в экипаже. Не говоря ни слова, она бросилась в мои объятия и, спрятав на моей груди свою головку, залилась слезами!

– Мне сказали, что вас больше нет в живых, – говорила она среди рыданий.

Теперь я понял все. Крепко сжимая ее в объятиях, я что-то говорил ей, совершенно позабыв и об опасности нашего положения, и о другой, находившейся здесь же, девушке. Я чувствовал, что теперь нас может разлучить только смерть, одна только смерть! Увы! Она была не так далеко от нас, чтобы забывать о ней...

Через минуту Дениза освободилась от моих объятий и оттолкнула меня. Ее лицо поочередно то бледнело, то краснело, а глаза горели, кажется, ярче самой лампы.

– Как вы попали сюда? – заговорила она. – Да еще в таком одеянии?

– Я хотел видеть вас, – ответил я и хотел опять обнять ее.

– Нет, нет, не надо! Вы знаете, что вас убьют, если найдут здесь? Умоляю вас, бегите, пока еще есть время.

– Разве я могу оставить вас?

– Да, вы должны оставить меня, – с отчаянием воскликнула она. – Умоляю вас, бегите!

– И оставить вас Фроману? – воскликнул я в свою очередь.

Она взглянула на меня с явным испугом.

– Вы знаете?

– Я знаю все.

– Так знайте же, – заговорила она, подняв гордо голову и глядя смело мне прямо в глаза, – знайте же, что ни в каком случае я не выйду замуж ни за него, ни за кого-либо другого, кроме вас.

Я готов был упасть на колени перед нею, но она быстро отошла назад и опять принялась умолять меня спастись бегством.

– В этом доме вы в опасности, здесь вам грозит смерть, – возбужденно говорила она. – Моя мать не знает жалости, мой брат тоже здесь. Дом полон его приверженцев. Вы и так едва спаслись от него. Если же он застанет вас здесь, то убьет вас.

– Не очень-то я боюсь его, – запальчиво отвечал я, видя, какой страх отразился в ее глазах. – Если он так опасен для меня, то насколько же он опасен для вас?! Что будет с вами? Неужели я могу оставить вас на произвол судьбы?

Она посмотрела на меня как-то странно, с неожиданной серьезностью. Ответ ее был таков, что я никогда его не забуду.

– Разве я боялась на крыше горящего дома с Сент-Алэ? И вы не бойтесь за меня. Здесь та же крыша и я стою на ней. И моему мужу не придется краснеть за меня.

– Но там я был с вами, – быстро возразил я, сам не знаю для чего.

– Да, это правда, – улыбнулась она. Ее лицо опять вспыхнуло, а в глазах засветилась нескрываемая нежность. В одну секунду она была уже в моих объятиях.

Но это и длилось всего одну секунду: почти в гневе вырвалась она из моих рук.

– Идите, идите, – закричала она. – Если вы любите меня, идите!

– Дайте мне слово, что вы махнете мне платком в окно, если вам понадобится моя помощь.

– В окно?

– Я могу его видеть из комнаты отца Бенедикта.

Лицо ее озарилось радостью.

– Хорошо, – промолвила она. – Слава Богу, что вы так близко от меня. Я обещаю поступить именно так. Со мной здесь Франциска. Она предана мне. Пока она со мной...

Вдруг она остановилась и побледнела, как полотно. Мы молча посмотрели друг на друга: я, очевидно, задержался здесь слишком долго, ибо в коридоре слышен был шум шагов, гул голосов и хлопанье отворявшихся дверей. Мне показалось, что мы все перестали дышать. Первой в себя пришла служанка. Подбежав к двери она бесшумно заперла ее.

– Напрасно! – хриплым шепотом заметила Дениза, которая, чтобы не упасть, оперлась о стол. – Они приведут сюда мою мать и убьют вас.

– Нет ли здесь другой двери? – спросил я, быстро оглядывая комнату и впервые чувствуя в полном объеме опасность,

которой я подвергался.

Дениза отрицательно покачала головой.

– А это что? – спросил я, указывая в дальний конец комнаты, где в алькове стояла кровать.

– Это стенной шкаф, – отвечала Франциска. – Впрочем... Может быть, они не станут искать. Скорее в шкаф, и я запроу вас!

В подобном положении мужчина действует инстинктивно. Я слышал, как повернулась дверная ручка, и кто-то решительно постучался. Но я еще колебался. Через секунду стук повторился, и знакомый мне голос нетерпеливо закричал:

– Открой сейчас же, Франциска!

Я бросился к шкафу.

Франциска под впечатлением приказа, с одной стороны, и страха – с другой, стояла в нерешительности между мною и дверью. В конце концов она направилась к двери, так что я сам должен был притворить за собой шкаф.

Внезапно мне пришло в голову, что, прячась здесь, я навлекая позор на бедную Денизу. Если б меня нашли здесь, среди платьев и тряпок ее горничной, я повредил бы Денизе гораздо больше, чем если бы я остался посередине комнаты и встретился лицом к лицу с моими врагами.

От этой мысли кровь бросилась мне в голову. Я распахнул створки и вышел из шкафа, и как раз вовремя.

Входная дверь открылась настежь, и в комнату вбежал

маркиз де Сент-Алэ. За ним виднелось еще человека четыре-пять.

Первым, кого он увидел перед собою, был я.

Сент-Алэ горящими от злобы глазами уставился прямо на меня.

X. Noblesse Oblige

31

Первым заговорил, однако, не он. Один из сопровождавших его людей выступил вперед и закричал:

– Это он самый и есть! Вот у него и ствол в руках!

– Схватить его! – коротко распорядился Сент-Алэ. – И убрать отсюда. Кто бы вы ни были, – свирепо обратился он ко мне, – но раз вы взялись шпионить, вы должны знать, что вас ожидает. Взять его!

Двое из его спутников бросились ко мне и схватили меня за руки. Пораженный появлением маркиза и сказанными им словами, я не оказал никакого сопротивления.

Однако в подобных случаях мозг работает очень быстро, и я моментально овладел собой.

– Что за вздор, господин маркиз! – сказал я. – Вам прекрасно известно, что я не шпион. Вы, без сомнения, знаете и то, зачем я здесь. Что касается этого...

– Я ничего не знаю, и мне ничего не известно, – сухо отвечал он.

– Но...

– Я ничего не знаю, и мне ничего не известно, – насмешливо повторил он. – Мне ясно только то, что мы нашли вас здесь в одежде монаха, которым вы никогда не были. Для вас

³¹ Nobless oblige – франц. – положение обязывает.

было бы безопаснее попробовать пересечь вплавь Рону, чем входить вечером в этот дом. А теперь уведите его. Мы разберем это дело внизу.

Это было уж слишком. Я вырвался из рук державших меня людей и отскочил назад.

– Вы лжете! – воскликнул я. – Вы знаете, кто я, и знаете, зачем я здесь.

– Я не знаю вас, – упрямо твердил Сент-Алэ. – Не знаю и того, зачем вы здесь. Правда, когда-то я знал одного человека, похожего на вас. Но то был дворянин и предпочел бы скорее умереть, чем спасти себя ложью. Уведите его отсюда. Он до смерти перепугал мою сестру. Вероятно, дверь была открыта, вот он и проскочил сюда, воображая, что теперь спасен.

Я понял, что это значит. В своей злобе он, очевидно, готов был принести меня в жертву, лишь бы не повредить репутации своей сестры. Я видел теперь даже большее. Я понимал, что он с жестокой радостью наслаждался двусмысленным положением, в которое он меня поставил.

В моих ушах еще раздавался шум уличной битвы. Я знал теперь, что от людей, которые в этой борьбе поставили на карту все, нельзя ждать ни добросовестности, ни пощады. Я знал, что эти люди почти обезумели от лишений и унижений, которые им пришлось испытать. И я стоял, теряясь в догадках, как мне поступить. Надо было рискнуть, попробовать освободиться, но я все еще колебался. Я даже позволил от-

вести себя почти до двери, как вдруг задача нашла свое решение.

Дениза, стоявшая все это время в полубморочном состоянии у стены, вдруг бросилась вперед, схватила брата за руки и громко закричала:

– Вы не сделаете этого! Сжальтесь! Сжальтесь!

– Мадемуазель, – отрезал Сент-Алэ, в глазах которого загорелся опять злой огонек. – Вы слишком испуганы и не владеете собой. Эта сцена слишком потрясла вас. Помогите вашей госпоже, – строго обратился он к служанке. – Этот человек шпион и не заслуживает жалости.

– Он не шпион, – кричала Дениза, не выпуская его рук. – Он не шпион, и вы знаете это!

– Прочь! Молчите! – яростно крикнул этот злобный человек.

Но он не рассчитал силы ее сопротивления.

– Не хочу молчать! – крикнула Дениза.

К моему удивлению, она отпустила руку брата, откинула назад спадавшие ей на лоб волосы и, выступив вперед, громко повторила:

– Я не хочу молчать! Это не шпион, и вы это знаете. Вы знаете, что это мой жених. Да, это мой жених, – сказала она с гордым жестом, – и он явился сюда, чтобы видеть меня. Поняли?

В комнате водворилась мертвая тишина.

– Вы с ума сошли! – заскрежетал зубами маркиз.

– Нет, я не сошла с ума, – твердо отвечала она, не сводя с брата пылающего взора.

– Не чувствуя стыда, вы, должно быть, не чувствуете и страха! – загремел он страшным голосом.

– Нет, нет! Для любви нет страха. А я люблю его!

Не могу выразить, что я почувствовал, услышав эти слова. Будучи сам беспомощен, я пришел в бешенство, увидев, как маркиз грубо схватил бедную девушку за руки и отбросил ее на другой конец комнаты.

Это послужило сигналом к невероятной сцене: я рванул-ся ей на помощь. В то же мгновение на меня кинулись три человека я оттеснили меня к двери. Сент-Алэ, вне себя от ярости, кричал, чтобы они убрали меня отсюда, а я осыпал его бранью и называл трусом, стараясь как-нибудь добрат-ся до него. На минуту я было справился со всеми тремя, но их было все-таки трое против одного. Среди общего шума, к которому присоединились еще и вопли горничной, им уда-лось вытолкнуть меня за дверь и закрыть ее за собой.

Я задыхался от бешенства. Но когда дверь захлопнулась за вами, мы все как-то вдруг успокоились. Люди держали меня за руки уже не так крепко и смотрели довольно мирно. Я прислонился к стене и тоже разглядывал их. Один из них сказал:

– Довольно, сударь. Стойте смирно, и мы не причиним вам вреда. Иначе...

– Трусливая собака, – подавляя рыдания, промолвил я.

– Тише, тише...

Теперь их было пятеро (двое все это время оставались в коридоре). Здесь было темно, но у них с собой был фонарь. Минуты две-три прошло в молчании. Потом дверь приоткрылась, и, видимо, их начальник подошел к ней и, получив распоряжение, вернулся к нам обратно.

– Вперед! – сказал он. – В № 6. Петинию, принеси ключ.

Петинию быстро исчез куда-то, а мы тихонько пошли по коридору. Тяжелые шаги конвойных, шедших позади меня, гулко раздавались в тишине, и их эхо бежало впереди нас. При свете фонаря с одной стороны видна была каменная бело-желтая стена, в которой шли двери, как у тюремных камер. Возле одной из них мы остановились. Я думал, что меня посадят здесь. Стало быть, Дениза будет недалеко от меня. Но когда дверь открыли, то оказалось, что за ней была небольшая лестница, ведущая в нижний коридор, подобный пройденному нами.

Пройдя половину этого коридора, мы остановились у открытого окна, в которое свежий ночной ветер врывается с такою силою, что человек, несший фонарь, должен был прикрыть его полой. Вместе с ветром доносился сюда и шум ночного взбудораженного города. Хриплые голоса и веселые крики, монотонный звон колоколов, иногда пистолетные выстрелы – все это свидетельствовало о том, что делалось внизу» под темным покровом ночи, повергшей в хаос дома и улицы.

Вдруг в одном месте темнота как бы дала трещину, и сквозь нее хлынул поток красноватого света, заигравший сразу на крышах. Вспыхнул, очевидно, большой пожар где-то в самом сердце города, и само небо как бы приняло участие в тех ужасах, что творились внизу, на земле.

Сопровождавшие меня люди бросились к окну и, превратившись все в слух и зрение, высунулись наружу.

А человек, который вес на себе ответственность за все это и ставил на карту самую крупную ставку, беспокойными шагами мерил взад и вперед крышу!

По отрывочным фразам схвативших меня людей, я догадался, что Фроману удалось захватить Арен и занять его своим гарнизоном, и что перед нами горела одна из протестантских церквей. Можно было понять еще, что застигнутые врасплох «патриоты» кое-где еще оказывали легкое сопротивление, и что, если «красные» смогут продержаться еще двадцать четыре часа, то подоспеют войска из Моннелье и упрочат создавшееся положение.

– Славно! – сказал один из смотревших в окно. – Если б мы не перерезали им сегодня глотки, завтра они сделали бы это с нами.

– Однако мы не выбили и половины роты, – промолвил другой.

– Деревни подойдут только завтра утром, – вставил свое слово третий. – Теперь будут звонить во все колокола отсюда и до Роны.

– А что, если севеннолы придут первыми? – спросил кто-то.

Никто не ответил на этот вопрос. Все жадно продолжали всматриваться во тьму, пока раздавшиеся поблизости шаги не заставили их обернуться.

– А вот и ключ, – сказал их предводитель. – Ну-с, сударь...

В это мгновение в коридоре появилось новое лицо – высокий человек в плаще и шляпе. В сопровождении трех, видимо, охранников, он быстро шел к нам.

– Бюзо здесь? – спросил он, подойдя ближе.

Человек, только что говоривший со мной, вытянулся перед ним в струну:

– Так точно, сударь.

– Возьмите с полдюжины людей, самых сильных, какие найдутся у вас внизу, – продолжал вновь прибывший, – и я узнал в нем Фромана, – возьмите еще столько же из часовни Св. Девы и забаррикадируйте улицу, что идет мимо казарм к арсеналу. Там вы найдете много помощников. Кроме того: занять несколько домов, которые командуют над улицей. И... Что это такое? – прервал он самого себя, когда его глаза остановились на мне. – Как попал сюда этот человек? И в таком одеянии?

– Господин маркиз арестовал его наверху.

– Маркиз?

– Да, сударь, и велел запереть его пока в камеру № 6. Это шпион.

– А!

Мы в упор смотрели друг на друга. Фроман присвистнул. От колеблющегося света фонарей, а может быть от сильных волнений, жесткие линии его массивного лица стали еще жестче, а тени около глаз и рта еще заметнее.

Вдруг он улыбнулся, словно заметил что-то комическое в создавшемся положении.

– Вот мы и опять встретились с вами, господин виконт, – начал он. – Я припоминаю, что захватил кое-что, вам принадлежащее. Вы, вероятно, за этим сюда и явились?

– Да, за этим, – насмешливо отвечал я, платя ему той же монетою. Я видел, что он понимал меня.

– А маркиз застал вас наверху?

– Да.

– Ага!

Он, казалось, погрузился в размышления. Потом, повернувшись к людям, сказал:

– Хорошо, Бюзо, вы можете идти. Я принимаю ответственность за этого человека на себя. А вы, – обратился он к пришедшим с ним, – вы ждите меня внизу. Скажите Фландрэну – это мой решительный приказ, что бы ни случилось, – мэр не должен сдавать города войскам. Скажите ему при этом, что хотите. Ну, хоть, что я повешу его за это на самой высокой башне города. Поняли?

– Слушаемся.

– А теперь идите. Я скоро буду у вас.

Они ушли, оставив фонарь на полу. Фроман и я остались с глазу на глаз. Я стоял в ожидании, но он не смотрел на меня. Вместо этого он, оборотившись к открытому окну, смотрел в темноту ночи.

Некоторое время царила полная тишина. Может быть, приказание, им только что отданное, отвлекло его мысли в другую сторону, а может быть, он просто еще не знал, как ему поступить со мной, – этого я не могу сказать и сейчас. Но я слышал, как он несколько раз тяжело вздохнул.

– Только три роты и взбунтовались, – вдруг промолвил он. Не знаю, что подтолкнуло меня, но тем же тоном я спросил:

– А сколько их всех?

– Тринадцать. Мы в меньшинстве. Зато мы выступили первыми. Все шансы на нашей стороне, и мы одержим верх. А если завтра явятся еще из деревень...

– Севеннолы не явятся.

– Да, не явятся. Если офицерам удастся удержать полк в казармах, и мэр не выкинет белого флага, а кальвинистам не удастся захватить арсенал, то, я уверен, победа будет на нашей стороне. Мы более, чем когда-либо, нуждаемся теперь в человеке.

Тут он повернулся ко мне и посмотрел на меня с какой-то мрачной гордостью.

– Знаете ли вы, за что мы сражаемся здесь? За Францию! За Францию! – энергично заговорил он, не скрывая охватив-

шего его волнения. – Я успел собрать всего несколько сотен головорезов и всякого отребья, пока ваше милое дворянство лежало на боку и посматривало, что выйдет из всего этого! Рискую я, а ставку, в случае выигрыша, получают они. Они в полной безопасности, а я, случись неудача, буду повешен. Одного этого достаточно, чтобы сделать человека патриотом и заставить его кричать: «Да здравствует нация!».

Не дожидаясь моего ответа, он порывисто схватил фонарь и сделал мне знак следовать за ним дальше по коридору. Он не спросил меня, как я попал в этот дом, и не сказал ни слова ни по поводу моего положения, ни насчет Денизы. Не зная его намерений, я у самой двери остановился и слегка дотронулся до его плеча.

– Извините, – сказал я, стараясь сохранить достойный вид, – я хотел бы знать, как вы поступите со мной. Незачем уверять вас, что я проник в этот дом не для того, чтобы заниматься шпионством...

– Вы можете не говорить мне ничего, – отвечал он, резко перебивая меня. – А что я хочу делать с вами – это я могу объяснить вам в двух словах. Я хочу задержать вас здесь, но лишь для того, чтобы в случае плохого исхода, а это выяснится не позднее, чем через неделю, вы могли оказать помощь мадемуазель де Сент-Алэ и отвезти ее в безопасное место. Для этого бумага о вашей командировке будет возвращена вам. Она у меня цела. Если же, наоборот, мы одержим верх и устроим такой пожар, который разогреет всех этих педан-

тов, то тогда мы еще поговорим с вами и поговорим, как по-добает дворянам.

При последних словах он повернулся, как бы ожидая ответа от меня, и открыл дверь, ведущую на маленькую лестницу, уже знакомую мне. Я стоял, пораженный его словами в самое сердце. Подняв фонарь, он устремил на меня острый взгляд.

– Господин Фроман, – пробормотал я, не в состоянии продолжать далее.

– Нет надобности в словах, – величаво сказал он.

– Вы уверены, что вам все известно?

– Я уверен, что она любит вас и не любит меня, – отвечал он с заметным раздражением. – Кроме этого, я знаю еще только одно.

– Именно?

– Что через сорок восемь часов все улицы Нима будут залиты кровью, и Фроман-буржуа будет Фроман-барон, или его совсем не будет. В первом случае мы еще потолкуем с вами, в последнем – не стоит и толковать, – опять добавил он, пожимая плечами.

С этими словами он обернулся опять к лестнице. Я последовал за ним, и мы поднялись в верхний коридор. Отсюда по лестнице, на которой я ускользнул от своего первого провожатого, мы поднялись на крышу, а с крыши, по деревянной приставной лесенке, на плоскую кровлю башни.

Перед нами лежал во тьме и хаосе Ним. Его скорее можно

было чувствовать, чем видеть. Лишь темные массивы центральных городских кварталов резко разделялись светлыми полосами улиц, расходящихся от горящей церкви. В трех местах сияли в небе огни, подобные маячным: один на горном гребне, другой на колокольне далекой церкви, третий на башне за чертой города. Но в целом все было спокойно: беспорядки замерли на время.

С моря дул соленый ветер.

На башне находилось человек двенадцать, закутанных в плащи. Одни были неподвижны и молча смотрели вниз, другие расхаживали взад и вперед, обмениваясь между собой несколькими словами, когда в городе начинался какой-нибудь шум или раздавались крики. В темноте невозможно было разглядеть их лиц.

Фроман, получив два или три донесения, отошел к самому дальнему концу кровли и тоже, то смотрел вниз, то, наклонив голову и заложив руки за спину, принимался в одиночестве кружить на одном месте. Но ему, очевидно, хотелось более сохранить свое достоинство, чем остаться одному. Сообразно его желанию, все оставили его в покое. Я сделал то же самое я уселся на том краю, откуда был видел затихавший уже пожар.

Из разговоров я узнал, что Луи де Сент-Алэ командует мятежниками в Арене, а его брат дожидается только того, чтобы обеспечить успех, тогда отправиться в Соммьер, где полковой командир обещал помощь кавалерийского полка в

случае, если Фроман одержит в Ниме верх; боясь скомпрометировать короля и напуганные участием Фавра, который несколько месяцев назад поднял было восстание, но был покинут своей партией и повешен, эмигранты трусили. Окружавшие меня люди, видимо, негодовали против них, но старались не дать этого заметить.

Не могу сказать, что думали другие. Что касается меня, то я не думал ни о партиях, борющихся там, внизу, ни о завтрашнем дне, ни даже о Денизе. Все мои мысли были поглощены Фроманом.

Если он хотел произвести на меня впечатление, то он достиг своей цели. Сидя здесь во мраке, я чувствовал на себе его сильное влияние и дрожал, как дрожит азартный игрок, видя, как другой делает слишком крупную ставку. Я стал в то головокружительное положение, в котором он находился и, вглядываясь в темное будущее, дрожал за себя и за него. Мои глаза невольно искали его высокую фигуру, и я невольно относился к нему с уважением, как к человеку, спокойно стоящему на краю пропасти, где его ждет смерть.

Около полуночи все стали спускаться вниз. Я не ел ничего в течение двенадцати часов, и, несмотря на неопределенность, в которой я находился, голод заставил меня спуститься вместе с другими. Следуя за ними, я вскоре оказался на пороге большой комнаты, ярко освещенной несколькими лампами. Тут стояли столы с приборами человек на шестьдесят. Сквозь толпу мужчин я заметил на противополо-

ложном конце комнаты группу женщин в колыихании вееров и сиянии бриллиантов. Трудно представить себе большой контраст, чем темная, обвеваемая ветрами крыша башни и красивое, веселое зрелище, так неожиданно развернувшееся передо мной.

Но размышлять об этом было некогда. Давка, возникшая у входа, мало-помалу исчезла, все с шумом занимали свои места, и вдруг я очутился прямо перед Денизой, которая, опустив глаза, со страдальческим выражением лица сидела рядом со своей матерью. Около них была де Катино и еще несколько каких-то дам.

Я ли поднял на нее глаза, или она сама случайно взглянула в мою сторону, но наши взгляды встретились. С криком ужаса, который я скорее почувствовал, чем услышал, она вскочила из-за стола. Маркиза вскинула на меня глаза и также не могла удержаться от крика. В мгновение ока разговоры прекратились, все повернулось ко мне, и я стал центром общего внимания.

Как раз в эту минуту вошел опоздавший маркиз де Сент-Алэ. Он, разумеется, сразу заметил меня; по крайней мере, я слышал, как он испустил ругательство. Мне, впрочем, было не до него – я был занят Денизой, и обратил на него внимание только тогда, когда он положил руку мне на плечо.

– Это уж слишком! – вскричал он, задыхаясь от злобы, смешанной с удавлением.

Я молчал: положение было так сложно, что я не мог дать

себе ясного отчета.

– Каким образом вы здесь оказались? – раздраженно продолжал он голосом, привлечшим к нам еще большее внимание.

Маркиз даже побледнел от злости: еще бы! он оставил меня арестантом, а встречает меня гостем.

– Сам не знаю, – отвечал я. – Но...

– Это я устроил, – произнес кто-то сзади меня. – Если вам угодно знать, виконт де Со здесь по моему приглашению.

Говоривший был Фроман.

– В таком случае мне здесь не место! – запальчиво закричал маркиз.

– Как вам угодно, – спокойно отвечал Фроман.

– Я не желаю этого терпеть, – закричал маркиз на всю комнату, – не желаю, слышите!

– Прекрасно, – отвечал Фроман, не теряя своей серьезности. – Но мне кажется, что вы забыли...

– Нет, это вы забыли, – яростно закричал опять Сент-Алэ. – Или, может быть, вы не понимаете, не знаете, что этот господин...

– Я ничего не забыл, – возразил Фроман, нахмурившись. – Мы, однако, заставляем ждать моих гостей. Командование принадлежит мне, маркиз, и это мое дело составлять диспозиции. Я уже сделал их и прошу вас не нарушать их. Я, как и все присутствующие, знаю, что вы не оставите меня без помощи. Но я полагаю, что вы не станете создавать мне и

лишних препятствий. Пожалуйте за мной, маркиз. Этот господин не откажется присесть вот здесь, а мы с вами сядем за стол маркизы.

Лицо маркиза де Сент-Алэ стало мрачнее ночи, но Фроман был не тот человек, с которым можно было спорить, а тон его был вежлив, но решителен. Никогда и никому, кажется, не уступавший маркиз молча последовал за ним на противоположный край стола.

Оставшись один, я сел на предложенное место. Все глядели на меня с величайшим любопытством. Но для меня любопытнее всего был сам этот ночной раут, в то время, как в городе на улицах валялись убитые, и казалось, что самый ночной воздух замер, прислушиваясь к тому, что происходит.

XI. Кризис

Когда седой рассвет, столь ожидаемый многими, медленно наползал на бодрствовавший город, на крыше Фроманова дома можно было различить несколько бледных лиц. Эти часы, когда все предметы как бы теряют свой цвет и представляются взору черными, требуют от человека высшего напряжения мужества. Глаза, всего час-два тому назад сверкавшие огнем воодушевления, когда мы сидели за столом и долго пили за здоровье короля, за церковь, за красную кокарду, за графа Д'Артуа, теперь сделались задумчивыми; люда, лица которых недавно горели, теперь дрожали всем телом, всматриваясь в ночную мглу, и лишь плотнее закутывались в плащи. Я уверен, что если бы здесь был какой-нибудь равнодушный наблюдатель всех событий, его мысли были бы недалеки от моих.

Фроман проповедовал верность, но верность нужна была там, внизу, на улицах. Хотя и здесь было достаточно верных, готовых ринуться на смерть или безжалостно умерщвлять других, людей. В большинстве своем, люда, смотревшие сегодня вместе со мною с башни на Ним, вовсе не были искателями приключений или местными приверженцами Фромана; не были они и офицерами, которых заставили удалиться из полков или дворянами, вроде маркиза де Сент-Алэ. Бесспорно, все это были славные люди, хотя и разгоряченные

вином. Однако, не только Фроман знал, что Фавр повешен, де Лоней убит, а мэр Флессель застрелен. Не только Фроман мог строить предположения о том, какое мщение совершит новое лицо – «Нация» – за причиненное ей оскорбление.

Вот почему, когда явился наконец долгожданный рассвет, уводя к морю туман, наполнявший долину Роны, а облака на западе стали как будто теплее, лица у всех были серьезны, и на всех лежал отпечаток мрачной сосредоточенности.

Впрочем, кроме Фромана. По каким бы то ни было причинам, его лицо было не только решительно, но и весело. Он прервал свое уединение, в котором он пребывал почти всю ночь, и подошел к парапету крыши, поглядывая на город. Он разговаривал со всеми, шутил, подтрунивая над малодушными и не допуская и мысли, что он может потерпеть неудачу. Враги его говорили, что такова уж его природа, и что все это он делает из тщеславия.

– Поворачивайтесь живее, господа, – весело говорил он, гордо подняв голову. – Пусть не говорят, что мы боимся высунуть нос, а, выставив вперед других, сами прячемся сзади, словно говоруны этого подлого собрания, которые, желая захватить своего короля, поставили в первые ряды женщин. Идемте, господа! Они привезли короля из Версаля в Париж. Мы будем сопровождать его обратно. И сегодня мы сделаем первый шаг в этом направлении.

Энтузиазм – самое заразительное из всех чувств. На слова Фромана присутствовавшие ответили громкими криками.

Глаза, за минуту перед тем затуманенные, теперь опять горели огнем.

– Долой изменников! – кричал один.

– Долой трехцветную кокарду! – вопил другой.

Фроман поднял руку, требуя молчания.

– Напротив. Да здравствует тройная «кокарда»: да здравствует король, вера, закон!

Эти слова попали в цель.

– Да здравствует этот союз! – поддержали его голоса.

Крик был подхвачен на нижней крыше, затем в окнах и на улице. Словно ружейные залпы, он замер только тогда, когда докатился до самых окраин города.

Фроман снял шляпу.

– Благодарю вас, господа; – начал он. – Благодарю от имени его величества короля. Теперь наш клич слышал Атлантический океан, и он эхом отдастся в Ла-Манше. Рона исправит то, что наделала Сена! Взоры всей Франции обращены на Ним и на вас, господа. За свободу! За свободу молиться против тех, кто хочет отнять у нас Бога и осквернить его храмы! За свободу жизни, которую хотят задушить плуты и писаки! За свободу выступлений против тех, кто из короля Франции сделал арестанта! Нужно ли говорить вам еще?

– Нет, нет! – закричали все хором, взмахивая шляпами и шпагами.

– Хорошо, – твердо продолжал Фроман. – Я не буду более прибегать к словам. Но я хочу показать, что здесь, в Ниме

еще чтят Бога и короля, и их слуги еще пользуются свободой. Идемте со мной, господа! Мы пройдем через весь город и посмотрим, осмелится ли кто-нибудь крикнуть «долгой короля»!

Окружающие ответили таким ревом, что, казалось, дрогнула сама башня, и, столпившись у лестницы, принялись спускаться на нижнюю крышу, а оттуда, через дом – на улицу.

Сидя на парапете я наблюдал за их спуском. Я видел, как блестят на солнце их шпаги и пряжки на башмаках, как развевал ветер их ленты, и не без сочувствия провожал взглядом каждого исчезающего в люке лестницы.

Уже больше половины покинуло крышу, когда кто-то дотронулся до моей руки: около меня стоял Фроман.

– Вы останетесь здесь, – заговорил он, наклоняясь ко мне. – Если случится несчастье, то мне не надо будет лишней раз поручать вам позаботиться о мадемуазель Денизе.

– Что бы ни случилось, я это сделаю.

– Благодарю вас, – сказал он, скривив губы, и на одно мгновение в его глазах блеснул нехороший огонек. – Не забывайте, что если удача будет на моей стороне, мы еще поговорим с вами!

– Дай Бог, чтобы удача была на вашей стороне! – невольно воскликнул я.

– А вы так уверены в своем оружии? – насмешливо спросил он.

Затем, переменяв тон, он продолжал:

– Нет, дело, конечно, не в этом. Вы французский дворянин, и я спокойно поручаю вам мадемуазель де Сент-Алэ, именно как дворянину. Да хранит вас Бог!

– И вас также.

Я посмотрел ему вслед. Было около пяти часов. Солнце уже поднялось, и кровля башни, оставшаяся теперь только в моем владении, казалась таким мирным и спокойным уголком, что я не без удивления оглядывался вокруг себя. Я был так далек от бушующего внизу мира, откуда вдруг донесся гул голосов, очевидно, приветствовавших появление Фромана. За этим криком последовал другой, третий. Испуганные голуби стаяй закружились над башней. Волна голосов стала мало-помалу удаляться в южную сторону города и вскоре замерла в отдалении.

Я остался один со своими невеселыми мыслями. Куда делось тесное единение, союз, о котором столько недель грезила Добрая половина нации? Где братство, к которому зывал отец Бенедикт? Где слияние классов и сословий? Разве не исчезли права человека? А вместе с ними и тысячи других благодетний, которые, вопреки человеческой природе, обещали философы и теоретики, стоило только принять их в систему? Где все это?

Набатный звон колоколов огласил окрестность, залитую веселым весенним солнцем; снизу, с улицы вновь неслись крики и шум восстания. По лентам дорог, идущих от города,

там и сям быстро двигались небольшие группы людей, блистая на солнце оружием.

Прошло еще с полчаса. Я продолжал сидеть, погруженный в свои мысли. Внезапно в отдаленном пригороде на западе грянул пушечный выстрел, а за ним рассыпалась дробь отдельных выстрелов.

Голуби все еще продолжали кружить на фоне сияющих, быстро бегущих облаков. Громко чирикали воробьи. Нижняя крыша, на которой столпилось несколько слуг, была залита солнцем. Здесь было так тихо, так спокойно! А внизу, на улицах лилась кровь и царила смерть.

Было еще раннее утро. Я прислушивался ко всему почти безучастно, следуя лишь течению своих мыслей и сравнивая про себя зрелище самоистребления с блестящими обещаниями, которые делались всего несколько месяцев назад. Но постепенно волнение слуг, стоявших на нижней крыше, передалось и мне. Я стал прислушиваться более внимательно. Мне казалось, что момент решительного столкновения приближается, что крики становятся чаще и явственнее. Около казарм, недалеко от нас, показались клубы белого дыма, и дважды грянул залп, заставивший задрожать стекла домов. Потом на одной из улиц, которая шла как раз под нами и просматривалась из конца в конец, я увидел бегущих людей прямо в нашу сторону.

Я окликнул слуг и спросил, в чем тут дело.

– Нападение на арсенал, – отвечал один из них, козырьком

прикладывая руку к глазам.

– Кто нападает?

В ответ он только пожал плечами и стал смотреть еще внимательнее. Я последовал его примеру, но пока не заметил ничего особенного. Вдруг до нас докатился громкий гул голосов, словно кто-то отворил запертую ранее дверь. Большая толпа народа с группой шедших посередине монахов с распятием показалась на ближайшем конце улицы. Бряцающая оружием, она перелилась на другой конец и куда-то исчезла. Некоторое время еще слышны были ее крики, и можно было сообразить, что она направляется к арсеналу, где время от времени раздавался треск мушкетных выстрелов. Я догадался, что это было подкрепление, за которым присылал Фроман.

Взглянув случайно на нижнюю крышу, я заметил, что добрая половина слуг уже исчезла, а какие-то люди старались скрыться до безлюдной улице.

Кризис, очевидно, настал раньше, чем его ожидали.

Я вновь окликнул одного из оставшихся слуг и спросил его, где дамы.

– Не знаю, сударь, – быстро сказал он и отвернул от меня свое бледное, как у мертвеца, лицо.

– Они внизу?

Он так внимательно следил за тем, что делалось внизу, что вместо ответа только досадливо тряхнул головой. Мне не хотелось покидать своего места, и я приказал ему передать

поклон маркизе де Сент-Алэ и попросить ее подняться сюда.

Но человек, видимо, был так перепуган, что мог думать только о самом себе и не трогался с места. Остальные тоже лишь кричали: «Сейчас, сударь, сейчас!».

Это, в конце концов, взбесило меня. Я сбежал по лестнице и накинулся на них.

– Канальи! – закричал я. – Где дамы?

Один испуганно обернулся на мой крик.

– Где дамы? – повторил я с нетерпением.

– Извините, мы не поняли вас, – отвечал за него ближайший сосед. – Они ушли в церковь молиться.

– В церковь?

– Так точно. К капуцинам.

– Так здесь их нет?

– Нет, их здесь нет, сударь, – отвечал слуга, блуждая глазами. – Но что это такое?!

И, привлеченный каким-то зрелищем, он отбежал от меня к парапету. Я последовал за ним и тоже посмотрел вниз. Отсюда вид не был столь обширен, как с башни, но главная улица, ведущая в южную часть города все же просматривалась.

Она полна была народа, двигавшегося в нашем направлении. Одни бегом, другие быстрым шагом, по несколько человек в ряд, и беспрестанно оглядывались.

Слуги догадались, что это значит. С криком: «Мы разбиты!» они в беспорядке посыпались вниз по лестнице.

Я оставался неподвижен. Но поток беглецов все возрас-

тал и возрастал. Люди шли все быстрее и все чаще оглядывались. Шум схватки, крики, выстрелы приближались, и я сразу решил, что надо делать.

Лестница была свободна. Я быстро сбежал по ней и достиг двери верхнего этажа, через которую я попал сюда вчера. Я попробовал отворить ее, но она оказалась запертой. Оставшись в темноте коридора один-одинешенек, не зная, что происходит внизу, я рисовал себе страшные картины. С лихорадочной силой я сломал замок и бросился бежать вниз, пока не оказался в зале нижнего этажа, похожем на монастырскую трапезную.

Зал этот был переполнен вооруженными людьми с искаженными от страха и злобы лицами. Число их беспрестанно увеличивалось за счет бежавших с улицы. Опоздай я на минуту, хлынувший поток затопил бы все лестницы, и я не мог бы спуститься с крыши.

Я и так на, короткое время был совершенно притиснут к стене, не в силах сдвинуться с места. Около меня очутился в таком же положении один из слуг, и я схватил его за рукав.

– Где дамы? – прокричал я ему. – Вернулись ли они?

– Не знаю, – отвечал он, вращая глазами во все стороны.

– Неужели они все еще в церкви?

– Не знаю, – последовал все тот же раздраженный ответ.

Завидев человека, которого он, по-видимому, искал, слуга оттолкнул меня и быстро скрылся в толпе.

Дом походил на толкучку: в него постоянно входили и вы-

ходили, продираясь сквозь толпу, люди. Некоторые сами отдавали приказания, повелевая закрыть скорее двери, другие звали Фромана, крича, что все потеряно, третьи советовали взорвать порох.

Я не знал, что предпринять теперь и стоял в самом центре этого хаоса, увлекаемый толпой то в одну сторону, то в другую.

Где же дамы? Этот вопрос не выходил у меня из головы. Я обращался с ним по крайней мере к полудюжине лиц, но в ответ они только свирепо кричали, что не знают, и бросались от меня в сторону. Большинство было из простонародья, и мне ничего не удалось узнать ни о Фромане, ни о маркизе де Сент-Алэ, ни о других жожаках. Кажется, никогда мне не приходилось быть в столь мучительном положении. Дениза могла быть еще в церкви и, стало быть, неминуемо подвергалась опасности. Но она могла быть и на улице, где опасность была еще больше. Наконец, она могла быть и где-нибудь здесь, в соседней комнате или на крыше. Вся моя надежда была на возвращение Фромана. Прождав, однако, несколько минут, показавшихся мне вечностью, я потерял терпение и стал прокладывать себе путь через толпу к двери, ведущей в главную часть дома. Отворив ее, я увидел, что и здесь царит такой же беспорядок: одни, загораживая дорогу, выносили из погреба порох, другие, кажется, грабили дом. Надежды найти здесь тех, кого я искал, было мало, и, поискав бесполезно то тут, то там, я поднялся по лестнице

на второй этаж, я направился в комнату Денизы.

Дверь была заперта. Я, как безумный, стал стучать в нее и кричать. Прислушавшись и не получив ответа, я повторил стук, но за дверью все было тихо, и я бросился к соседним дверям. Две ближайšie также были заперты, и за ними не было слышно ни звука. Третья и четвертая комнаты были открыты, но пусты.

Я осмотрел все их в какую-нибудь минуту-две. Все это время коридор, по которому я шел, был тих и безлюден, и в нем раздавалось лишь эхо моих шагов. Но снизу уже доносились крики и беготня сотен ног. Я был как в лихорадке. Маркиза могла быть теперь на крыше, и я кинулся к лестнице, но уже на полпути сообразил, что она, вероятно, загорожена.

Проклинаю несчастную мысль покинуть залу только потому, что мои расспросы ни к чему не привели, я полетел вниз.

Я попал туда как раз в то время, когда туда через другую дверь вошел Фроман. С ним была небольшая кучка его приверженцев, из которых многие имели на себе зеленые ленты – цвет графа д'Артуа. Высокая фигура Фромана выделялась из толпы, и я заметил, что он ранен: по его щеке текла струйка крови. В глазах его светилось нечто, близкое к безумию. Но внешне он был спокоен и владел не только собой, но и всеми окружающими. Волнение подле него стало утихать. Люди, только что толкавшие друг друга и загоразивавшие друг другу дорогу, моментально отхлынули на свое место. С улицы неслись бурные крики толпы, отступавшей под напо-

ром какой-то превосходящей ее силы, но с появлением Фромана вместо паники явилась решимость, вместо отчаяния – надежда.

Стоя на пороге с только что разряженным пистолетом, он отдавал короткие приказания, рассылая одного – туда, другого – сюда. Первым делом он велел забаррикадировать дверь. Толпа постепенно стала рассеиваться, и он заметил меня, пробирающегося к нему. Он сделал мне знак.

Если он играл роль, то я должен сказать, он играл ее с большим благородством. Даже в эту минуту, когда, казалось, все было потеряно, в его лице не было ни страха, ни зависти.

– Уходите отсюда скорее, – тихо сказал он, предупреждая движением руки тысячу вопросов, вертевшихся у меня на языке. – Уходите вон через ту дверь. Когда выйдете на крыльцо, Держитесь левой стороны, и там, у церкви св. Женевиевы, вы найдете лошадей. Здесь все кончено! – прибавил он, крепко пожимая мне руки и подталкивая меня к двери.

– А мадемуазель! – воскликнул я и объяснил, что ее нет Дома.

– Как?! – спросил он меня со внезапно потемневшим лицом. – Вы с ума сошли! Неужели вы уверены, что она действительно вышла из дома?

– Ее здесь нет, – повторил я. – Мне сказали, что она пошла вместе с маркизой в церковь и домой еще не возвращалась.

– Что за сумасшествие! – воскликнул он с проклятьями, но сразу же добавил дважды: – Помогите им, Боже!

Потом внимательно посмотрев на меня и заметив мой ужас, он сухо рассмеялся.

– А в конце концов, не все равно ли? – беззаботным тоном заговорил он. – Мы все там будем, а здесь – поведем себя молодцами. Я сделал все, что мог. Слышите?

От грохота залпов, казалось, содрогался весь дом. Фроман поднял руку, отдавая какое-то приказание. Узкие окна были сейчас же заложены плитами, вывернутыми из мостовой, на дверь же была в мгновение ока наложена целая гора их. Стало темно, зажгли огонь, отчего зала с гладко оштукатуренными стенами приняла какой-то странно мрачный вид.

– Боюсь, что Сент-Алэ отрезан в Арене, – холодно произнес Фроман. – У них не хватит людей для защиты стен. Проклятых севеннолов слишком много для нас. А что касается наших «друзей», то они поступили, как я и ожидал: предоставили мне умереть под ножом, как быку. Хорошо, мы умрем, но бодаясь.

Несмотря на мое преклонение перед этим человеком, во мне шевельнулось что-то вроде отвращения к нему.

– А Дениза? – спросил я, хватая его за руку. – Неужели вы оставите ее на погибель?

Он посмотрел на меня с кривой усмешкой.

– В самом деле, – сказал он, – я и забыл. Вы ведь не из наших.

– Я думаю только о ней! – в этот момент я его ненавидел.

– Вы правы, – сказал он, вдруг меняя интонацию. – Иди-

те, вы можете еще спасти ее. Церковь – в монастыре капуцинов. Эти собаки лаяли вокруг него, когда мы отступали. Их приходится десять на одного нашего. Но все-таки у нас еще есть шансы, – продолжал он решительно. – Идите и, если вам удастся спастись, не забывайте Фромана из Нима.

– Через эту дверь?

– Да, и возьмите вот это, – промолвил он, вынимая из кармана заряженный пистолет. – Идите. Мне тоже нужно идти. Эй, вы, каналы! – вдруг крикнул он, обращаясь к толпе. – Бык еще не свален, и поднимет на рога не одного из вас прежде, чем пробьет его последний час.

XII. Перед лицом смерти

С этими словами он толкнул меня к двери, которая вела, видимо, вон, на улицу. Зная, что через минуту-другую толпа уже осадит дом, я не хотел терять времени даром, но, тем не менее, замешкался.

Наверх взбежал главный отряд Фромановых приверженцев, и слышно было, как они стреляли с крыши и из окон. Сам Фроман стоял, погруженный в свои мысли, неподвижно, а толпа с зелеными лентами готовилась к сражению около забаррикадированной двери. Какое-то сияние в этой мрачной комнате, что-то одинокое, сказывавшееся в фигуре этого человека, невольно тянуло меня к нему. Я было сделал шаг обратно, но он взглянул на меня, и его лицо вдруг нахмурилось. Он яростно махнул мне рукой.

Даже за эту мгновенную остановку мне пришлось дорого поплатиться: низенькую дверцу, на которую он мне указывал, уже закладывали железными брусьями. Я закричал, чтобы мне открыли.

– Поздно! – произнес какой-то человек, мрачно поглядывая на меня.

Сердце у меня упало. Но дверь все же начали освобождать, хотя и с бранью, и минуты через две проход был свободен. Держа пистолет в руке, один из людей отворил дверь и через цепь выглянул за нее. Дверь выходила в узкий про-

улок, который, слава Богу, был еще безлюден. Человек снял цепь и почти выпихнул меня наружу, крикнув: «Налево!».

Ослепленный внезапным солнечным светом, я машинально повернул налево. Слышно было, как позади меня стукнула дверь и загремела надеваемая опять цепь.

Дома, обступившие меня со всех сторон, несколько приглушали крики толпы и звуки выстрелов. С непокрытой головой, твердо сжимая в руке данный Фроманом пистолет, я поспешил по проулку на улицу. Внезапно позади меня послышался какой-то шум: оглянувшись, я увидел, что в конце этого узкого коридора появилась целая толпа бегущих людей.

Итак, я оказался в очень трудном положении, хотя и не терял надежды. Я был один, города не знал, никакой эмблемы при мне не было, и я рисковал на любом повороте попасться в руки той или иной партии и быть убитым. Я знал, что церковь капуцинов – та самая, в которой я был с мадам Катино, и моей первой мыслью было выбраться поскорее на главную улицу и двинуться в направлении церкви. Но это было не так-то легко: переулок, по которому я припустился, выходил в другой, такой же прямой, да еще и темный. Войдя в него, я после минутного раздумья повернул налево, но не успел сделать и десятка шагов, как услышал громкий крик впереди себя. Это заставило меня повернуть назад.

Я очутился в каком-то мрачном, колодцеобразном дворе и остановился, переводя дыхание. Мысль о том, что, пока я

стою здесь в недоумении, все может быть кончено, сводила меня с ума. Я уже хотел было вернуться назад, решившись встретиться лицом к лицу с нагонявшей меня толпой, как вдруг мой взгляд упал на открытое окно нижнего этажа одного из домов, окружавших двор. Окно было невысоко над землей, а из дома, очевидно, был выход на улицу. В мгновение ока я был уже подле окна и, схватившись рукой за подоконник, запрыгнул в комнату, но, оступившись, упал прямо на пол.

Я не ушибся и быстро поднялся на ноги. Кто-то пронзительно закричал, и я увидел, как метнулась в сторону перепуганная девушка с побелевшим от страха лицом. Прислонившись спиной к двери, она упала передо мной на колени, видимо, умоляя о пощаде. Ради всего святого я просил ее успокоиться и не кричать.

– Где входная дверь? – спросил я. – Покажите мне дверь, и я никого не трону, покажите только дверь...

– Кто вы? – прошептала она, глядя на меня расширенными от ужаса глазами.

– Не все ли вам равно? – сердито отвечал я. – Покажите скорее дверь. Дверь на улицу!

Я приблизился к ней, и тот же самый страх, который сначала парализовал ее движения, теперь вернул ей сознание. Она распахнула дверь и показала на тянувшийся за нею коридор. Радуюсь своему успеху, я ринулся по коридору, но, прежде, чем я отпер входную дверь, из боковой комнаты по-

казалась другая женщина. Увидев меня, она с криком подняла руки.

– Где дорога к церкви капуцинов? – спросил я ее.

– Налево! – крикнула она, осеняя себя крестом. – Потом направо. Неужели они явятся сюда?

Мне некогда было расспрашивать ее о том, кого она имеет в виду. Отворив дверь, я в один прыжок оказался на улице. Но едва бросив взгляд вдоль нее, я кинулся опять назад, а женщина, встретив мой взгляд и не говоря ни слова, схватила запор и заложила им дверь. Потом она бросилась вверх по лестнице, я последовал за нею. Девушка, которую я так напугал своим появлением, показалась было с испуганным лицом в коридоре, но, увидев нас, тотчас куда-то скрылась.

Мы подбежали к окну верхнего этажа и выглянули в него, стараясь не высовываться наружу.

Причина моего быстрого возвращения была теперь понятна. Шум голосов, казалось, сразу заполонил всю улицу, а нижний этаж загудел от приближавшегося топота тысячи ног. Правильными, сплошными рядами от одного края до другого, шел отряд, вооруженный мушкетами, в каких-то особенных мундирах, а сзади валила дикая толпа с засученными рукавами, потрясая топорами и пиками. Люди заглядывали в окна, потрясая кулаками, и, подскакивая на ходу, кричали: «В Арен! в Арен!».

В них самих было что-то такое, от чего бы застыла кровь в жилах и человека неробкого десятка. Но самое ужасное, от

чего стоявшая рядом женщина с воплем схватила меня за руку, было посередине этой процессии. На шести длинных пиках, возвышавшихся над толпой, были водружены шесть отрубленных голов; ближайшей к нам была огромная, с тяжелыми чертами лица и оскаленными зубами. Несшие эти головы поднимали их к самым окнам, шутя заставляя их встряхивать окровавленными волосами. Через несколько секунд шествие достигло конца улицы, и на ней снова стало тихо и спокойно.

Женщина, содрогаясь от ужаса, уверяла, что они разгромили кабачок «красных», называвшийся «Таверной Св. Девы», и что ужасная голова принадлежала одному из членов муниципалитета, жившему с ней по соседству. Но мне некогда было выслушивать ее. Я усадил ее в кресло, а сам поспешил вниз, отпер дверь и вышел на улицу.

Царило какое-то странное затишье. Утреннее солнце щедро разливало свет и тепло на обезлюдившую улицу. Нигде не было видно ни одного живого существа. Пораженный этой тишиной, я остановился в нерешительности. Потом, вспомнив, что говорила мне женщина, я отправился следом за толпой, пока не достиг первого поворота направо. Пройдя еще шагов сто, я увидел впереди себя дом мадам Катино.

Горячие лучи солнца отражались от его белых высоких стен и длинного ряда окон со спущенными шторами. Нигде не было и признака жизни. Тем не менее, один вид этого, знакомого мне дома, заставил пробудиться надежду!

Вот почему я быстро направился к его двери и стал громко стучать в нее. Мой стук, казалось, мог разбудить мертвого: он эхом отдавался у каждого подъезда по всей улице, отличавшейся в День моего прибытия в Ним таким оживлением. Стоя на ступенях лестницы, ведущей к двери, я ожидал, что раскроется, по крайней мере, окон двадцать, и из них выглянет множество людей.

Я еще не знал, какую душевную глухоту порождает паника, или, лучше сказать, как инстинкт трусливого самосохранения заставляет человека цепляться за свой очаг, когда снаружи льется кровь. Ни одно окно не отворилось, ни одного лица не выглянуло, даже в нижнем этаже. Несмотря на то, что я принимался стучать несколько раз, весь дом словно вымер.

Единственным результатом моих усилий было то, что в конце улицы, где звуки моих ударов как бы сгущались, вдруг послышался уже хорошо знакомый мне гул: толпа возвращалась обратно. Выбравив себя за безрассудное промедление, я тут же вспомнил о проходе через дом, ведущем к церкви, нашел его и бросился вперед. Рев приближался, но я уже видел низкую крышу церкви и немного замедлил свои шаги, как вдруг передо мной открылась какая-то дверь, и из нее выглянул мужчина. В его заостренных чертах я прочел страх, стыд и ярость. Каким-то странным чутьем я понял, что он намерен делать.

Прикрыв рукой глаза от солнца, он с минуту всматривал-

ся в улицу, потом, заметив меня и бросив лукавый, предательский взгляд, он выскользнул из двери и бросился бежать. Дверь осталась полуоткрытой. Решив, что это какой-нибудь швейцар, покинувший свое место, я вошел в церковь и увидел зрелище, которого я тоже никогда не забуду.

Внутри был полумрак. Несколько красных лампад у алтаря разливали скудный свет на колонны и пожелтевшие изображения святых и на огромную толпу коленопреклоненных женщин, певших славословие Св. Деве, наполняя своими голосами все пространство храма.

Одни из тех, что находились в последних рядах, молча в слезах блуждали с места на место, другие распростерлись на полу, прижавшись головами к каменным плитам, третьи, беспрестанно озираясь испуганными глазами, бормотали молитвы побелевшими губами. «Ora pro nobis! Ora pro nobis!» – раздавалось все громче и громче. Возглас, казалось, поднимался к самому потолку, а оттуда расходился по всей церкви.

Я чувствовал, что слезы подступают к горлу, и грудь сжимается чувством жалости.

В этот момент я увидел Денизу.

Она стояла на коленях между своей матерью и мадам Каттино, в первом ряду богомольцев, прямо перед алтарем. Со своего места я мог видеть ее лицо, когда она в молитвенном экстазе поднимала глаза кверху.

Внезапно в дверь на противоположной от меня стороне

раздался сильный удар, за ним последовал другой, третий... Послышался град ударов, и кто-то громко потребовал, чтобы дверь была немедленно открыта.

Вся коленопреклоненная масса заволновалась. Некоторые вскочили с колен и, плача, пугливо оглядывались кругом. Но пение все еще продолжалось, по-прежнему наполняя собой церковь.

От сильного удара вылетела створка двери: три четверти присутствовавших подняли крик. Я в это время был на полдороги к Денизе, но, прежде, чем я достиг своей цели, вылетела другая створка, и человек двенадцать с шумом ворвались в церковь.

Путь им преградила тощая фигура священника (после я узнал, что это был отец Бенедикт), высоко поднимающего крест. В следующую минуту, к невыразимой радости, я увидел, что вломившиеся были не предводители уличной толпы, а приверженцы Фромана, во главе с обоими Сент-Алэ. Оба были покрыты кровью и закопчены порохом. Одежда их была в беспорядке.

От неожиданной радости женщины бросились на шею мужчинам, а стоявшие поодаль разразились громкими рыданиями. Мужчины же, тщательно забаррикадив за собой двери, вереницей пересекая зал, направились к выходу в переулок. Одни утверждали, что все погибло, другие – что западные ворота еще свободны, третьи умоляли женщин уйти отсюда, уверяя, что в соседних домах им будет гораздо

безопаснее, и что церковь неминуемо подвергнется нападению. Стало известно, что красные кокарды были оттеснены, и теперь спасаются через монастырские ворота, в которые, следом за ними, ломаются уже кальвинисты.

Всех охватили смущение и паника. Слышались крики, что напрасно мужчины явились сюда, что, если бы они оставили церковь в покое, женщины были бы в большей безопасности. Но в таком аду, каким был сегодня Ним, где даже сточные канавы были полны кровью, трудно было решать, как лучше поступить.

После того, как выяснилась опасность дальнейшего пребывания в церкви, все бросились к выходу. Это дало мне возможность немного продвинуться к Денизе. Она опустила капюшон на лицо и не могла меня видеть, пока я не дотронулся до ее руки. Не говоря ни слова, она крепко ухватилась за меня.

Маркиза, ответившая на мой поклон кислой миной, ограничилась тем, что насмешливо заметила:

– Вы умеете быстро пользоваться вашей победой.

Я ничто не ответил, а вместе с Денизой и мадам Катино направился прямо к Луи.

Виктор де Сент-Алэ, увидев меня, улыбнулся и, подойдя к матери, что-то сказал ей. Та, видимо, возражала.

– Не все ли теперь равно, – громко произнес маркиз. – Ведь мы проиграли последнюю ставку, и надо очистить стол для других.

Маркиза молча опустила свой капюшон на лицо. Было что-то трагическое в этом жесте, и мне стало жаль ее. Но теперь было не время предаваться чувствам: преследователи были уже близко.

Мы не успели еще покинуть церковь, как за стенами послышался топот множества людей, и двери затрещали под посыпавшимися на них ударами. Весь вопрос был в том, выдержат ли двери до того момента, как мы успеем бежать. Они были закрыты надежно, а перед нами образовался проход в толпе. Спустя мгновение мы были уже на улице и быстрым шагом направились к дому мадам Катино.

Я был так рад, что мы выбрались на свет и свежий воздух, что мне грезилась уже полная безопасность. Улочка шла вниз, и я видел впереди себя целое море голов. Там и сям мелькали оглядывавшиеся бледные испуганные лица. Сзади меня шли маркиза со старшим сыном. Шествие замыкали три или четыре «красные кокарды». За ними, в конце переулка еще никого не было видно.

Очевидно, преследователи все еще не вломились в церковь, и я задержался, чтобы сказать Денизе несколько слов.

Задумавшись, я очнулся лишь тогда, когда вкатившаяся в переулок обратная волна отнесла меня к Луи. С криками, стонами и проклятиями толпа запрудила весь переулок, зажатый меж высокими домами. Большинство делало отчаянные попытки пробиться назад к церкви, даже не давая отчета в том, что произошло.

Другие продолжали идти вперед и падали, сметаемые встречным потоком. Словом, в течение нескольких минут все потонуло в паническом страхе.

Стараясь спасти Денизу от давки и не дать ей упасть, я сначала не понял, в чем дело. Мне показалось, что женщины, составлявшие три четверти общей массы, сошли с ума или поддались необузданному страху. Потом, когда наше шествие отхлынуло до половины переулка, я услышал впереди себя среди общего крика взрывы отвратительного смеха, и через головы увидел ряд пик, выстроившихся как раз против дома мадам Катино.

Тут я понял создавшееся положение. Кальвинисты отрезали нам выход из переулка. Сердце у меня перестало биться. Я оглянулся назад и увидел, что и позади переулок был полон людей, прорвавшихся, наконец, через церковь. Отступить было некуда. Мы были зажаты в тиски: по сторонам – высокие стены домов, преодолеть которые было нереально, впереди и сзади – мрачные люди, вооруженные пиками.

Мне до сих пор мерещится эта сцена: палящее солнце, озаряющее бледные, искаженные страхом лица женщин, павших на колени с воздетыми к небу руками – длинный, изломанный ряд человеческих существ, в каждой черте которых сквозил панический, животный страх. А над всем этим – насмешливый хохот победителей...

Даже Ним – это гнездо всяких партий и жестоких раздоров, даже Ним не видал никогда столь ужасного зрелища.

Ошеломленный неожиданной ловушкой в то самое время, когда все, казалось, шло к благополучному исходу, я только крепче прижимал к себе Денизу и, прислонившись к стене, старался найти для нее слова утешения и ободрения перед лицом неминуемой смерти.

Первым пришел в себя маркиз де Сент-Алэ. Враги были в подавляющем большинстве, и едва ли что можно было предпринять против них. Тем не менее, маркиз, заслонив собою мать, махнул белым платком людям, стоявшим со стороны церкви, и потребовал, чтобы они пропустили женщин. Получив отказ, он во всеуслышание обозвал их трусами, которые не смеют развязать противнику руки, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Но кальвинисты в ответ только смеялись и грозили.

– Нет, не пропустим, – кричали они. – Выходите сперва и отведайте наших пик. Тогда, может быть, мы и выпустим женщин.

– Трусы! – закричал опять маркиз.

Но они только со смехом кричали, размахивая оружием:

– Долой изменников! Долой попов! Выходите! Держитесь теперь! Мы поможем вам оторваться от бабьих юбок!

Потом с их стороны выступил какой-то человек, который движением руки водворил тишину.

– Слушайте, – начал другой, стоявший с ним рядом, гигант с черными волосами, почти скрывавшими его узкое лицо. – Даем вам три минуты, по истечении которых вы долж-

ны выйти из переулка. В этом случае женщины будут свободны. Если же вы будете прятаться за ними, то мы будем стрелять по всем, и смерть женщин будет на вашей совести.

Молчавший Сент-Алэ при этих словах загремел страшным голосом:

– Негодяи! Неужели вы будете убивать нас на их глазах?!

– Решайтесь, решайтесь! – продолжал гигант, потрясая пикой. – Три минуты по здешним часам. Выходите, или мы стреляем! Славная будет окрошка!

Сент-Алэ повернулся ко мне. Лицо его было бледно, глаза блуждали. Он хотел сказать что-то, но голос изменил ему. Нас было всего человек двадцать мужчин и около пятидесяти женщин, сбившихся в кучу на пространстве в несколько сажен. Женщины кричали, мужчины, прислонившись к стене, старались успокоить их и как-нибудь оторвать от себя. Одни проклинали негодяев, собравшихся совершить злодеяние, и грозили им кулаками, другие покрывали поцелуями дорогие для них бледные лица. Многие женщины, к своему счастью, впали в обморочное состояние. Другие, вроде маркизы де Сент-Алэ, стиснув молитвенно руки, с благоговением подняли глаза к чистому, безоблачному небу.

Помню горячее, нестерпимое солнце, освещавшее эту картину, и пение птиц, вероятно, в садах за стенами. Все это происходило часа за два до полудня, горячего южного полудня. В долине блистала Рона, вся природа ликовала, и только мы одни, как загнанные звери, ожидали неминуемой смерти,

которая навеки скроет все это от наших взоров.

Чья-то рука дотронулась до меня. То был Сент-Алэ. Я думал, что он хочет примириться со мной. Но когда я повернулся к нему, его лицо носило другое выражение (быть может, на него подействовала безмолвная мольба его сестры).

– Прошла минута! – закричал черноволосый гигант.

Сент-Алэ отдернул от меня руку.

– Стойте! – закричал он прежним повелительным тоном. – Среди нас есть человек, не принадлежащий к нашей партии. Пропустите его! Клянусь, он не принадлежит к нам!

И он указал на меня.

Ответом был взрыв смеха.

– Кто не за нас, тот против нас! – безжалостно ответил гигант.

С этого момента я бы не принял ответственности за все то, что я делал. В подобных обстоятельствах люди не отвечают за себя. Я знал, что враги все равно будут беспощадны, и что я не навлеку на себя излишней опасности. Поэтому я с яростью бросил им обратно их же слова.

– Да, я против вас! – закричал я. – Я предпочитаю умереть здесь, среди равных, чем жить с вами! Вы оскверняете и землю, и воздух! Негодяи!

Едва я успел произнести это, как стоявший возле меня молодой малый ринулся с безумным смехом прямо на лес вражеских копий.

С полдюжины их вонзилось в него на наших глазах. Он

с криком выпустил свое оружие и, залитый кровью из зияющих ран, упал мертвый около стены.

Я инстинктивно закрыл лицо Денизы, чтобы она не могла видеть этого ужасного зрелища. И хорошо сделал: опьяненные запахом крови, эти звери бросились на нас. Я видел, как Сент-Алэ старался прикрыть собой мать и почти так же кинулся на пики. Оттолкнув Денизу за выступ стены, я застрелил из Фроманова пистолета первого нападавшего, а из второго ствола свалил другого. Я не чувствовал в этой свалке страха, а лишь одну ярость. Но третий ударил меня пикой в плечо. Я упал. Передо мной на фоне неба мелькнуло чумазое, искаженное злобой лицо. Я закрыл глаза в ожидании второго удара.

Но удара не последовало. Несмотря на навалившуюся на меня тяжесть, я продолжал сопротивление, но вся битва прошла как бы надо мной, в этом переулке ужасов, где мужчин, вырывая из объятий женщин, убивали тут же, на их глазах.

ХІІІ. Свет и тень

Благодарю Бога за то, что мне пришлось видеть так мало. Я только чувствовал, как в общей свалке на меня не раз наступали чьи-то ноги, покрывая меня чужой кровью. Я слышал хрип врагов, схватившихся не на жизнь, а на смерть, пронзительные крики женщин, от которых кровь стыла в жилах, безумный смех и умоляющие стенания. Подняться с земли значило обречь себя на верную смерть, и, хотя у меня и так не оставалось надежды, я продолжал лежать без движения. Сопротивляться было уже бесполезно.

Был момент, когда я подумал, что настал мой конец. Кто-то оттащил тело, лежавшее на мне и скрывавшее меня. Свет ударил мне прямо в глаза, и я слышал, как кто-то крикнул:

– Тут еще один! Он жив!

Шатаясь, я поднялся на ноги с единственным желанием – умереть достойно. Кричавший был мне незнаком, но подле него я увидел Бютона, а позади виднелся барон де Жель. Кругом было еще несколько человек, которые с любопытством смотрели мне прямо в лицо.

Я не верил своему спасению.

– Если хотите делать свое дело, то кончайте скорее, – проговорил я, раскидывая руки.

– Боже сохрани! – поспешно вскрикнул Бютон. – Довольно уж перебили народу, даже слишком много. Господин ви-

конт, обопритесь на меня, и пойдёмте отсюда. Слава Богу, что я поспел вовремя. Если б они убили вас...

– Это уже пятый, – заметил барон де Жеоль.

Бютон ничего не сказал, но взял меня под руку и тихонько повел вперед. Де Жеоль взял меня с другой стороны, и я шел, поддерживаемый ими, сквозь живую изгородь народа, смотревшего на меня с интересом. Лица у всех, несмотря на жару, были удивительно бледные. Шляпы на мне не было, и солнце немилосердно пекло голову. Но, повинуясь поторапливаниям Бютона, я двигался вперед, пока мы не добрались до двери, открывшейся перед нами. Войдя в нее, я уронил платок, который мне дал кто-то, чтобы перевязать раненое плечо. Человек, стоявший у двери, быстро поднял его и с вежливой поспешностью подал мне. Он держал пику, а руки его были обгажены кровью! Не было сомнения, что это один из убийц!

Два человека внесли в противоположный от нас дом чье-то безжизненное тело со свесившейся головой. При виде этого я быстро припомнил все обстоятельства пережитой трагедии. Схватив Бютона за шиворот, я иступленно закричал:

– Где мадемуазель де Сент-Алэ? Что вы сделали с нею?

– Тише, тише, сударь, – с упреком отвечал он. – Постарайтесь овладеть собой. Она здесь и в полной безопасности, ручаюсь вам за это. Ее вынесли одной из первых.

Кажется, я, совсем не по-мужски, разразился слезами. То были, впрочем, слезы благодарности. Я испытал слишком

много, к тому же, хотя рана в плече и не представляла никакой опасности, я потерял достаточно крови. Поэтому можно и простить мне эти слезы. Впрочем, не один я плакал в тот день. Позднее я узнал, что даже один из убийц, отличавшийся особой свирепостью, разрыдался, когда увидел, что они наделали.

В этот и следующий день в Ниме было убито около трехсот человек, главным образом возле монастыря капуцинов, превращенного Фроманом в типографию и центр пропаганды «красных», около «красной» «Таверны» и в доме Фромана, державшемся до тех пор, пока против него не выставили пушки. Едва ли половина всех погибших полегла в схватке, большей частью их преследовали и убивали в переулках, домах и разного рода тайниках. Иногда они сдавались на милость победителя. В этом случае их отводили к стене ближайшего дома и там расстреливали.

Затем начались такие же ужасы и в Париже, под тем предлогом, что необходимо предупредить распространение мятежа по всей Франции. Оглядываясь теперь назад, я нахожу, что причина этому была другая – презрение к жизни, которое столь ярко проявилось в позднейший период революции, и та, ничем необъяснимая, жестокость, что через три года совершенно парализовала общество и удивила весь мир.

Из восемнадцати мужчин, вместе со мной переживших ужасы бойни в переулке у капуцинского монастыря, осталось в живых лишь четверо. Жизнью мы были обязаны свое-

временному прибытию Бютона и некоторых представителей других приходов, не разделявших фанатизма севеннолов, и, отчасти, запоздавшему раскаянию самих убийц.

В числе этих четверых были отец Бенедикт и Луи де Сент-Алэ. Странной была наша встреча, когда мы, чудом спасенные от смерти, оборванные и перепачканные, сошлись вместе в гостиной мадам Катино. Шторы, за исключением одного большого окна в углу, были еще спущены. В потухшем камине, который так весело пылал в день моего приезда в Ним, теперь лежал серовато-белый пепел. В комнате было мрачно и холодно, мебель отбрасывала длинные тени, и слышен был шум толпы, собравшейся в переулке, не в силах наглядеться на жестокое зрелище.

Мы, трое, несомненно любивших друг друга, людей, разбросанных обстоятельствами в разные стороны, теперь опять были вместе. Жалкие, бледные, с трясущимися руками и лихорадочно блестящими глазами – каждый из нас прошел очищение по-своему.

Из соседней комнаты доносились женские голоса, плач и поспешные шаги. Я знал, что там лежала маркиза, сильно пострадавшая во время схватки: ее сбили с ног и затоптали. За ней ухаживали доктор, Дениза и мадам Катино.

Своей мрачностью гостиная походила на комнату покойника, и мы разговаривали между собой шепотом. Время от времени одного из нас охватывал ужас пережитого: мы вставали и, тяжело дыша, начинали ходить по комнате. Внезапно

послышавшиеся пушечные выстрелы заставили нас на время забыть самих себя, и мы заговорили о Фромане, обсуждая его шансы на спасение. Но заговорили, как люди посторонние, как люди, которых смерть пока освободила от общей повинности.

Луи позвали в соседнюю комнату к матери. Через несколько минут туда попросили пройти отца Бенедикта. Я остался в гостиной один.

Тишина после такого волнения, уединение, когда всего час назад я смотрел в глаза смерти, безопасность после кошмара – все это переворачивало мою душу. Когда же, к довершению всего, я вспомнил о гибели маркиза, унесшего с собой в могилу столь много обещавший ум, слезы опять подступили у меня к глазам.

Не имея сил сдерживать душевное беспокойство, я быстрыми шагами заходил по комнате. Теперь ее мрак был мне только приятен. Во мне оживало прежнее, в памяти воскресали прежние, дорогие мне, сцены, прежняя дружба, мое детство. Я вспоминал, что мы когда-то играли вместе, и забывал, что с того времени утекло немало воды, и мы шли по жизни разными дорогами.

Уже к вечеру ко мне вышел Луи.

– Войдите, – кратко сказал он.

– К маркизе?

– Да, она желает вас видеть, – отвечал он унылым тоном человека, который ничего не скрывает от себя.

После таких событий, какие мы пережили, моя реакция была более, чем обычной. Я был совершенно измучен, и пошел за Луи машинально, думая больше о прошлом, чем о настоящем.

Но едва я переступил порог комнаты, в противоположность гостиной ярко освещенной свечами, словно от какого-то толчка, разом, пришел в себя. Против двери, на кровати, вся обложенная подушками, полусидела маркиза. Наши взгляды встретились, и я остановился. Ее лицо было бледно, как полотно, но на щеках горели два ярко-красных пятна. Лицо носило какое-то особенное выражение, совершенно не подходившее к обстоятельствам и наполнившее меня тревогой.

Заметив мое смущение, она веселым и притворным тоном, только увеличивавшим жуткость обстановки, не преминула упрекнуть меня за прошлое.

— Очень рада вас видеть, виконт. Приятно убедиться, что у вас есть скромность. Впрочем, мы на вас не сердимся. Лучше поздно раскаяться, чем никогда. Где мой веер, Дениза? Дитя мое, дай мне мой веер!

Каким-то надорванным движением Дениза поднялась со своего стула подле кровати. Мы, впрочем, все были надорваны до последнего нерва.

Положение спасла мадам Катино. Она быстро достала со стола веер, положила руку на плечо Денизы и заставила ее снова опуститься на свое место.

– Благодарю вас, – проговорила мадам де Сент-Алэ, обмахиваясь веером и улыбаясь на обе стороны, как это, бывало, она делала в своем салоне. – А теперь, господин виконт, – продолжала она с прежней насмешливостью, – может быть, вы соблаговолите сознаться, что я была пророком?

Я пробормотал сам не знаю что: эта сцена с улыбающейся маркизой и нахмуренными лицами других присутствовавших, старавшихся не смотреть друг на друга, произвела на меня ужасное впечатление.

– Я никогда не сомневалась, что рано или поздно вы присоединитесь к нам, – снисходительно продолжала она. – Если бы я была жестока, я могла бы сказать вам многое. Но, так как вы вернулись к исполнению вашего долга, не будем вспоминать старое. Его величество так добр, что... Но где же все остальные? Не можем же мы продолжать наш разговор без них.

Она обвела комнату привычным повелительным взглядом.

– Где же господин Гонто? – спросила она Луи. – Разве господин Гонто еще не приехал? Он обещал быть свидетелем при обручении...

Луи, стоявший с отцом Бенедиктом и доктором у одного из закрытых ставнями окон, сдавленным голосом отвечал, что он еще не приехал.

Маркиза, видимо, заметила что-то особенное в его тоне, так как принялась беспокойно смотреть то на одного, то на

другого.

– Надеюсь, с ним ничего не случилось? – спросила она, чаще взмахивая веером.

– О, нет, нет, – поспешно ответил Луи, стараясь успокоить ее. – Он должен вот-вот приехать.

Но озабоченное выражение не сходило с лица маркизы.

– А где Виктор? Он тоже еще не пришел? Луи, ты уверен, что с ним ничего не случилось?

– Вы скоро увидите его сами, – отвечал он, едва сдерживая рыдания, и отвернулся, чтобы скрыть отчаяние.

Взгляд маркизы вновь упал на меня, и вдруг ее лицо прояснилось, тень беспокойства сошла с него, подобно тому, как тень облака быстро сбегает в солнечное апрельское утро. Она опять взялась за свой веер и заговорила:

– Последнюю ночь я видела чрезвычайно странный сон. Или это было, когда я была больна, Дениза? Впрочем, все равно. Мне мерещились всякие ужасы, например, будто бы наш дом в Сент-Алэ сгорел. Сгорел и дом в Кагоре, и тот, в котором мы нашли прибежище в Монтобане. Мне снилось, что господин Гонто убит, а вся чернь поднялась с оружием в руках. Как будто, – продолжала она со смехом, который должна была сдерживать от боли, – как будто король мог позволить что-нибудь подобное, как будто подобные вещи вообще возможны! А потом мне приснилась еще большая нелепость – про церковь...

Нахмурив брови, она сделала паузу.

– Дальше я забыла! Все забыла! И проснулась в самый ужасный момент! Мне снилось, будто иметь пару красных каблуков, значило приобрести себе диплом на смерть, будто бы пудра и мушки осуждали вас на казнь!

Она смолкла. Веер выпал у нее из рук, и она беспокойно озиралась вокруг.

– Мне кажется, – простонала она, – что мне все еще нехорошо.

По ее лицу видно было, как жестоко она страдает.

– Луи, – вдруг позвала она, – где нотариус? Он должен прочесть брачный контракт. Виктор и господин Гонто, конечно, сейчас явятся. Где же нотариус?

Мы тщательно играли свои роли, но жалость к этой старухе лишила всех последних сил. Дениза старалась скрыть свое лицо, но ее дрожь передавалась даже стулу, на котором она сидела. Луи также отвернулся, вздрагивая от рыданий. Я застыл в ногах кровати.

Выступил вперед врач – худощавый молодой человек со смуглым лицом.

– Бумаги в соседней комнате, – серьезно сказал он.

– Но ведь вы не нотариус Петтифер? – спросила маркиза.

– Нет, сударыня. Он так болен, что не может выходить из дома.

– Он не имеет права так болеть, – сурово заметила умирающая. – Петтифер болен, а, между тем, нужно подписать брачный договор мадемуазель де Сент-Алэ! Но бумаги с ва-

ми?

– В соседней комнате.

– Принесите их сюда! Скорее! – проговорила она, опять беспокойно переводя взгляд с лица на лицо, потом заворочалась и застонала.

– Где Виктор? Почему он не идет? – с нетерпением спрашивала она.

– Кажется, я слышу его шаги, – вдруг сказал Луи.

Впервые он заговорил добровольно, и мне почудилась какая-то новая интонация в его голосе.

– Я сейчас посмотрю, – сказал он и, двинувшись в гостиную, сделал мне знак следовать за ним.

В полутемном салоне мы застали доктора, судорожно что-то везде искавшего.

– Нельзя ли найти бумаги? – нетерпеливо сказал он, когда мы вошли. – Пожалуйста, какой-нибудь бумаги!

– Довольно! – хрипло произнес Луи. – Довольно этой комедии! Я более не хочу этого.

– Что такое?

– Я не хочу этого больше! – повторил Луи, еле сдерживая душившие его рыдания. – Скажите ей всю правду.

– Но она не поверит этому.

– Во всяком случае, тогда будет лучше, чем теперь.

– Вы думаете? – спросил врач, искоса глядя на Луи.

– Убежден.

– В таком случае, я не берусь этого сделать, – серьезно

промолвил доктор. – Я слагаю с себя всякую ответственность. Да вы и сами не сделаете этого, зная, что это повлечет за собой.

– Все равно, моя мать не может поправиться, – возразил Луи.

– Конечно. Насколько я могу судить, ей осталось жить всего несколько часов. Когда жар, который теперь поддерживает ее, спадет, силы покинут ее, и она умрет. От вас зависит, умрет ли она, не зная обо всем, что случилось и не ведая о смерти сына, или же...

– Это ужасно!

– Выбор зависит от вас, – неумолимо закончил доктор.

Луи обвел взглядом комнату.

– Бумага здесь, – вдруг сказал он.

Мы пробыли в гостиной не более двух минут. Когда мы вернулись в комнату, маркиза нетерпеливо звала к себе нас и Виктора:

– Где он? Где он? – повторяла она в жару. – Почему он опоздал сегодня? Нет ли между вами какой-нибудь ссоры?

Глаза ее горели, на щеках сохранялся лихорадочный румянец, но голос становился хриплым и неестественным.

– Мадемуазель, – обратилась она вдруг к дочери, – подойдете к виконту и скажите ему что-нибудь такое, что порадовало бы нас. А вы, виконт... Когда я была молода, существовал обычай, чтобы жених в эту минуту целовал свою невесту. Ничего вы не знаете! Что за срам!

Дениза встала и медленно подошла ко мне, но бледные ее губы не прошептали ни одного слова. Не поднялись на меня и ее глаза. Она оставалась совершенно безучастной, даже когда я наклонился и поцеловал ее в холодную щеку. Я обнял свою невесту, и мы замерли в ногах маркизы, смотревшей на нас с улыбкой.

– Бедная маленькая мышка! – засмеялась она. – Как она еще робка! Будьте добры к ней. О! как мне нехорошо, – вдруг прервала она себя и, приподнявшись, схватилась за голову. – Скорее позовите ко мне доктора и Виктора.

Дениза бросилась к кровати. Я оставался на месте, пока врач не дотронулся до моего плеча.

– Уходите, – шепнул он мне. – Оставьте ее женщинам. Скоро будет конец.

Маркиза умерла утром, так и не узнав о том, что толпа все еще бушевала на улицах Нима вокруг непогребенного тела ее старшего сына, умерла, не приходя в сознание.

Я вошел взглянуть на нее: она почти не изменилась. Мне было больно, когда я наклонился поцеловать бессильную теперь руку.

Теперь я считаю ее счастливой. Скольким ее друзьям, скольким людям, посещавшим ее салон в Сент-Алэ и Кагоре, пришлось перенести двадцать лет изгнания и нищеты! Она была одарена энергией и гордостью – редкое сочетание в нашем сословии! – и вела большую игру. Она поставила на карту все, и все проиграла. Но, все-таки, это было лучше,

чем попасть в тюрьму или на гильотину, или, состарившись и одряхлев на чужбине, вернуться в отечество, которое давно забыло о тебе.

Беспорядки в Ниме продолжались три дня. В последний день ко мне пришел Бютон и сказал, что нам надо уехать безотлагательно, не дожидаясь худшего, иначе он и умеренная партия, спасающая нам жизнь, не возьмет на себя никакой ответственности.

Луи стоял за то, чтоб уехать в Моннелье, а оттуда – к эмигрантам, в Турин. Желая более всего доставить женщин в безопасное место, я согласился с ним.

Тем, что я не сделал этого шага, в котором потом пришлось бы жестоко раскаиваться, я обязан Бютону. Он прямо спросил меня, куда я думаю ехать, и когда я назвал Турин, он отшатнулся от меня в ужасе.

– Боже вас сохрани! – воскликнул он. – Многие туда поедут, но немногие вернутся оттуда.

– Глупости! – горячо возразил я. – Предсказываю вам, что не далее, как через год, вы будете на коленях умолять нас, чтобы мы вернулись.

– Это почему?

– Потому, что вы будете не в состоянии поддерживать порядок.

– Это вовсе не так трудно, – холодно сказал он.

– Посмотрите, в какое положение пришли дела.

– Это пройдет.

– Кто же возьмет на себя управление?

– Тот, кто окажется наиболее пригодным для этого, – без обиняков отвечал он. – Неужели после всего случившегося вы все еще думаете, господин виконт, что человеку для того, чтобы он мог законодательствовать, непременно нужен титул? Неужели вы думаете, что пшеница перестанет расти, а куры не будут нести яйца, если на них не будет падать тень какого-нибудь владыки? Неужели вы думаете, что для того, чтобы сражаться, человеку нужен напудренный парик?

– Я думаю, – отвечал я, – что когда за руль берется рулевой, не знающий моря, надо уходить с корабля.

– Но рулевой научится. А чтобы облегчить корабль, можно позволить и уйти тем, у кого на борту нет никакого дела. Заметьте себе, сударь, заметьте, – продолжал он другим тоном, – три дня в Ниме убили триста человек.

– А вы еще говорите: «Оставайтесь!»...

– Да, теперь нас связывает кровь, – грустно отвечал он. – То что произошло, трудно забыть. Если вы поедете за границу, то там и оставайтесь. Впрочем, – продолжал он, краснея от волнения, – не ездите туда, не ездите, а поезжайте-ка лучше в свой замок и живите там с миром: будьте уверены – никто вас не обидит.

Совет был умен, и после некоторого колебания я решил не только последовать ему, но и преподать его другим. Но Луи не захотел менять своих планов: с того момента, как он чудом избежал смерти, он положительно боялся оставаться

в этой стране.

Однако, он не возражал, когда я попросил у него руки Денизы, и через двадцать четыре часа после смерти матери она стала моей женой. Обряд бракосочетания был совершен отцом Бенедиктом в доме с закрытыми ставнями возле монастыря капуцинов. В тот же день была и свадьба Луи с мадам Катино, согласившейся разделить с мужем изгнание. Нет надобности говорить, что обе свадьбы были невеселы: не было ни свадебного колокольного звона, ни подвенечных платьев. Все были холодны и безучастны. Но за холодным туманным рассветом идет иногда горячий яркий день. Три года мы претерпевали всяческие лишения, подвергались различным опасностям, разделяя участь всех французов, живших в это тяжелое время, но ни разу мне не пришлось раскаяться в том, что было сделано мною в Ниме. Когда же настали лучшие дни, и возникла новая Франция, моя жена нашла средство примирить нас обоих с далеким прошлым.

Остается сказать несколько слов о человеке, благодаря которому я получил такую жену. Фроман из Нима остался в живых, но я уже никогда не видал его. Я говорил уж, что на третий день беспорядков против его дома были выдвинуты пушки. Дом был взят приступом, а все бывшие в нем преданы мечу, за исключением одного человека, которому удалось спастись. То и был Фроман – самый неукротимый, самый способный предводитель, какого только имели французские роялисты. Он без особых трудностей добрался до границы,

до Турина, где и был с почетом принят теми, чья помощь, окажи они ее вовремя, спасла бы все его дело.

Но тот, кто проигрывает, должен быть готов к попрекам. К Фроману стали относиться все прохладнее, а он обижался и с годами стал жаловаться все громче и громче. Однажды я хотел было разыскать его и помочь, но он ударился в какую-то авантюру на африканском берегу, да и сам я был в таких обстоятельствах, что не много мог сделать для него, если бы даже и нашел.

Вскоре за тем он, кажется, умер, хотя точных сведений об этом мне не удалось получить. Но жив ли он или мертв, я продолжаю хранить к нему чувство благодарности и уважения.